

А. I. Марксизм

Пора, уже 100 лет как пора пересмотреть весь наш взгляд на коммунизм.

Цитата: *«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов... Угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов. ...Современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы вместо старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат»* [К. Маркс и Ф. Энгельс, «Коммунистический манифест»].

На два – сказано в «Манифесте».

Со времени появления первого коммунистического документа прошло более полутора века. Должны ли мы сегодня отказываться от марксизма? - Нет. Должны ли мы, марксисты, слепо следовать *двуклассовой* формуле «Коммунистического манифеста»? - Нет. Именно потому, что мы марксисты, именно потому, что мы диалектики, сегодня марксизм должен быть *сегодняшним*, марксизмом нашей эпохи. Незыблемыми остается классовая борьба, рабочее движение и «диалектическая» (развиваемая) диалектика.

В XX веке **труд** научился побеждать **капитал**: организацией рабочих, марксизмом и революцией. Но сразу же между ними обнаружилась третья сила: **государство** – и марксисты зашли в тупик. **Легко заблудиться в трех соснах, если полагать, что их две.** XXI век выводит марксизм на новый виток, заставляя рассматривать общество как классовую борьбу не двух, а трех антагонистических сил.

С этой минуты начинается новый виток мировой истории...

Почему мы, коммунисты, марксисты? - Потому что: во-1-х, мы – выразители интересов трудящихся, а именно марксизм есть научное выражение интересов рабочего класса; во-2-х, мы применяем марксистский метод оценки действительности: *классовый* анализ общества.

Остаемся ли мы слепыми приверженцами буквы «Манифеста»? - Нет. Почему? - Потому что: во-1-х, мы – марксисты, а марксизм прямо предписывает исходить из реальной действительности, а не из одереvenевшей теории; во-2-х, сегодняшняя реальность стала иной, нежели 150 лет назад, т.е. современная Марксу.

Слабость наших коммунистов была в недиалектическом осмыслении истории и действительности, в превращении живой теории в догму: коль сказано было классиками – *два* класса: *буржуазия и пролетариат* – значит и мысли быть не могло о возможности возникновения и оформления (точнее, в попытке разглядеть не только в современном Марксу обществе, но и во всей истории) *третьего* класса. Марксизм определил собой всю последующую эпоху. Трагедия эпохи состоит не в марксизме, а именно в его чрезвычайной убедительности, логике и силе, что привело к его догматизации.

В чем сила сегодняшнего марксизма? - В том, что нынешние коммунисты, оставаясь марксистами, видят необходимость иметь теорию сегодняшнего дня, объясняющую *всю* эпоху, и видят ясные пути, по которым новая теория должна оформляться. Сама история и действительность уже поставила перед коммунистами вопрос, требующий его диалектического классового разрешения. Теперь, когда выводы очевидны, остается только удивляться, как же прежде не находилось сего разрешения. Теперь нужно лишь сформулировать и оформить то, что давно назрело и давно интуитивно понимается.

Мы – коммунисты. Коммунизм – это целостная система взглядов, опирающаяся на марксизм. Полбеда – понимать Ленина по-сталински, гораздо опасней понимать Маркса по-брежневски. Необходимо разобрать ошибки, тормозящие рабочее движение, и определить принципы, которые двинут коммунизм вперед. Ни того, ни другого за последние десятилетия не было сделано. Чтение и почитание Ленина и Маркса в прежние годы было необходимой принудительной обязанно-

стью, как сакральные заклинания для «подтверждения» исторической правоты правящего класса. КПСС пользовалось именем Маркса, как церковь пользуется именем бога: важен не первоисточник, важно послушание. Отвращение вызывалось нежизненностью пересказанных текстов и идей. Разве интересно искать то, что давным-давно и многократно найдено?

Из уст марксистов не ново слышать об актуальности Маркса. Но сегодня Ленин и Маркс – именно сегодня – это реальное, действенное, разящее и самое грозное оружие в борьбе против наших врагов: классовых врагов; без этого оружия – даже с самыми громкими криками о социализме, патриотизме, национализме – мы слепы и бессильны.

Без марксизма, науке об организации борьбы трудящихся, все усилия народа в борьбе за свои права расплытятся и уйдут в пустоту, в болтовню, в мечтанья или воспоминанья о былом. Ни национальная, ни религиозная, ни патриотическая идея не зовет ни к каким конкретным действиям, не отвечает на вопрос «что делать» и не дает никаких реальных механизмов и рычагов для переустройства бытия. Отсутствие классового стержня приводит к тому, что вместо вопроса «что и как делать» бесконечно обсуждается вопрос «как должно быть». Маркс открывает беспредельные горизонты и дает уверенность в реальной победе.

Энгельс говорил, что в XIX веке человеком, которого больше всех ненавидели и больше всех клеветали был К. Маркс. В XX веке такой человек – Ленин. Почти нет другого, на которого выливалось столько неправды. Пытаются приписать Ленину какие угодно деяния и взгляды, чтобы только за всевозможной шелухой скрыть истинное ленинское учение. Ленинское учение просто: борьба рабочих за свои права, защита трудящимися своих интересов. Кропоткин, Бакунин, Нечаев – совершенно безопасны, поэтому никто нынче не обрушивает на них потоки грязи. Ленин и Маркс реально опасны, реально способны организовать рабочее движение и совершенно реально угрожают отобрать власть у бюрократии и собственность у буржуазии. Ненависть и злоба за их якобы грехи есть лишь животный страх и ужас перед растущим самосознанием рабочего класса. Но слово правды крепче.

Ленин и Маркс – наши. Они символ силы и правды. Русский народ ищет правды. И пусть наши враги изливают на них свою ненависть, но это станет лишь подтверждением нашей классовой правоты.

Давно пора нам перестать ловиться на фальшивые лозунги: не абстрактные патриотизм, гуманизм и духовность, а только классовый марксизм есть оружие в руках рабочего класса. Организация же рабочего класса – есть необходимое условие нашей победы. Сила русского народа не в молитвах, не в долготерпении и не в американской мечте, а в бесконечной способности к труду и тяге к просвещению. Труд, образование и культура – вот будущее России; это то будущее, которое русский рабочий класс – класс трудящихся – должен завоевать в классовой борьбе.

Теоретическое оружие – есть боевое оружие. Трудящиеся как класс имеют колоссальный исторический опыт политической борьбы за свои интересы – интересы труда. Марксизм обобщает этот опыт, теоретически осмысливает и превращает его в идеологическое оружие. Советский (идеологический) коммунизм – не есть марксистский (практический) коммунизм. Принципиальное изменение, расширяющее диалектику, мы вносим в нашу прежнюю теорию, превращающее марксизм из идеологии вновь во всесокрушающую науку. Изменение, учитывающее и нынешнюю реальность, и по-новому объясняющую всю прошедшую историю. История – есть борьба классовых сил; определить эти силы, выяснить их взаимоотношения – значит не только понять историю, но и вновь научиться влиять на нее и строить будущее в своих интересах. Задачей нынешних коммунистов является осознание и оформление единого теоретического стержня в собственных рядах.

История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы и взаимоотношений **трех** классов: *труд* (рабочие и крестьяне), *капитал* (рабовладельцы–феодалы–буржуазия) и *власть* (государство). Каждый из этих классов и их взаимоотношения необходимо не спеша рассмотреть.

К слову. Классическая буржуазная политэкономия, т.н. «чистая» рыночная модель, рассматривает только работодателя и работника, производителя и покупателя и не предусматривает сущест-

вования и надобности государства – модель, которая обусловила крах американской экономической системы во время великой депрессии, которая затем родила Кейнса, введшего государство полноправным участником в рыночную экономику.

Прежний марксизм рассматривал государство лишь как инструмент в руках господствующего класса собственников, им созданный, полностью подконтрольный и служащий для подавления угнетенного класса работников; государство рассматривалось как полностью стоящее на содержании у господствующего класса. Каждое новое государство, рожденное в классовой борьбе господствующим классом, которому тот дает силу, средства и поддержку, в процессе своего развития или превращается в могильщика своего прародителя, если вовремя не встречает широкого противодействия со стороны двух прежде люто ненавидевших друг друга классов, или, во всяком случае, становится совершенно самостоятельным, никак не зависимым, обособленным, имеющим собственные интересы игроком на политической сцене, прямо осознающим свой классовый антагонизм к двум другим антагонистическим между собой классам.

Даже в эпоху капитализма XIX века – во времена Маркса – противоречие между трудом и капиталом не было главным и единственным противоречием: тогда, и гораздо в большей степени в XX-XXI веке, в эпоху империализма, основным противоречием являются классовые противоречия между трудом, капиталом *и государством* (левые, правые и центристы); все остальные общественные противоречия определяются ими.

Классика потому является таковой, что актуальна во все времена. Заново перечитывая произведения Маркса и Энгельса, наглядно видна борьба трех самостоятельных сил тогдашней Европы: выходящий из феодализма капитализм, нарождающееся рабочее движение и «падающие по всей Европе короны» – новые государства: бюрократии, сбрасывающие оболочку самодержавия и облачающиеся в шкуру демократических буржуазных республик. Наглядно прочитывается в истории XIX-XX века взаимная борьба трех сил в едином обществе: а) пролетариат – наемные работники, б) буржуазия –

собственники капитала и γ) государство как *часть* общества, самостоятельная политическая сила, всецело обязанная своим появлением и существованием борьбе капитала с пролетариатом и в то же время оторванная и от капиталистов, и от рабочих, маскируясь то под защитников буржуазии, то под народ, то продающая себя капиталу, то подчиняя себе капитал.

Марксизм всегда выступал за то, чтобы открыто говорить о существовании в обществе антагонизма, классового противоречия, а не пытаться затушевать и заболтать его разговорами о единстве нации, о примирении, о народности, о вселенской любви и проч.

Насколько нова эта идея и насколько определена она современной историей? Трехклассовый антагонизм общества вовсе не есть понимание, доступное только XXI веку. К этому мог прийти и Маркс: история европейского капитализма давала все возможности для этого. Последняя, 52-я глава III-го тома «Капитала» о трех классах осталась лишь в незаконченном наброске; в ней класс «земельных собственников» – совершенно не участвующих в процессе производства, которым общество платит дань лишь как обладателям титула собственников, – при внимательном взгляде с легкостью мог бы быть заменен самим Марксом на класс обладателей власти – самостоятельный эксплуататорский класс государства. С манифестовской убедительностью напиши он се – не было бы в Германии фашизма (радикальная немецкая буржуазия не допустила бы для своей борьбы с рабочим классом безудержного усиления государства, которое позже поглотило и сам капитализм); не было бы и в России сталинизма (российский рабочий класс не допустил бы для разрушения капитализма безмерного усиления государства, которое позже поработило и сам рабочий класс). К этой идее вплотную подошел Ленин. Об этом есть догадки и мысли у поверженного Троцкого. Сталин-марксист был побежден Сталиным-государственником (серьезно вопрос об изучении Сталина как марксиста историей и наукой еще даже не ставился). Первым марксистом XXI века был Мао Цзедун, но в распоряжении имел только средневековые рычаги. И Россия поэтому именно теперь – это локомотив в будущее.

Мы стоим на пороге новых времен. Как предвестниками коммунизма был чартизм, анархизм, Парижская Коммуна, так сегодня антиглобализм, открытое общество, исламский социализм, «новый» марксизм – это предвестники будущего общества (свободная ассоциация трудящихся, абсолютное гражданское общество, «полный» коммунизм – название может быть любым).

II. Новая диалектика. Третий полюс

Плоское мировоззрение не может постигнуть объемную, трехмерную действительность. Прежний диалектический, «двуполосный» марксизм – «буржуазия – пролетариат – tertium non datur» – не мог и не может объяснить целый ряд общественных явлений, множество которых дал нам XX век.

Попытка марксистов вчерашнего дня цепляться за прежние теории – под предлогом ли «верности традициям» или из-за нежелания или невозможности перестраивать мозги и пересматривать не спеша, но полностью все наши представления об обществе, диалектике, оценке истории и т. д. – есть полнейший тупик. Как скоро свершится данный пересмотр, сказать нельзя. Сила марксизма и диалектики заключается в ее жизненности и учете реальности; как природа всегда подстраивается под изменяющиеся условия, так и марксизм со временем объяснит все и ляжет на действительность.

Марксизм не только всесторонне объясняет мир, но и дает ключи и рычаги к изменению и улучшению познанного и понятного мира. Опасность догматизма не только в том, что вчерашними представлениями невозможно адекватно оценить завтрашнюю действительность, а в том, что неверный путь полагается верным.

О влиянии теорий, пересмотренных новым марксизмом, на все последующее развитие сложно предугадать детально, но уже сегодня мы можем представить переоценку истории, где вместо прежнего соотношения «капитал–труд», «эксплуататоры–эксплуатируемые» будет рассмотрена история всех обществ с позиции: «ВЛАСТЬ –

КАПИТАЛ – ТРУД» (рабы – ремесленники – рабовладельцы, крестьяне и рабочие – купцы и помещики – дворяне и бояре). Любая другая попытка деления, как и прежде, будет малообъясняюща и смехотворна: богатые–бедные, духовные–бездуховные, русские–нерусские, патриоты–непатриоты, коммунисты–демократы и т. п. чувшь.

Закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей предполагает два противоположных полюса. Новым марксистам необходимо прежнее плоское (двуклассовое, двуполярное) сознание сменить объемным и перспективным. Труд, капитал, власть – есть три *перпендикулярные* друг другу силы.

Сложность социальной структуры современного общества и отчетливое несоответствие реальности манифестовского *двуклассового* деления дает повод антимарксистам говорить об «устарелости» классовой теории и об отсутствии противоположных классов вообще. «Отрицание» марксизма и диалектики критиками и ниспровергателями приводит лишь к тому, что отрицается марксизм XIX-XX века с жестким «манифестовским» *ди*-делением: «пролетариат–буржуазия». На смену этому отрицанию приходит опять-таки марксизм (здесь стоит второй и последний раз употребить тавтологический по сути термин «диалектический марксизм» и навсегда отречься от «идеологического» и догматического марксизма, отказав ему в праве на существование), творчески развиваемый сообразно потребностям современной эпохи: *ди*антагонистичность сменяется *три*антагонистичностью, *дву*полярность – *трех*полярностью. Диалектика верна себе: *отрицание* диалектики – есть *новая* диалектика.

Вообще, с точки зрения «*новой* диалектики» мы глубже понимаем, что прежняя марксистская (антидюринговская) диалектика никогда и не была тупой формальной логикой: «или да, или нет», а всегда подразумевался известный переход – иногда крошечный, еле уловимый, иногда громадный – приобретающий (теперь) *самостоятельное* значение.

Новая диалектика (*три*алектика) пересмотрит весь энгельсовский «Антидюринг» – не отрицая его, а дополняя теорией о третьем полюсе, первоначально возникающем между двумя противоположно-

стями как промежуточное звено и постепенно приобретающем самостоятельное значение; полюсе, точно так же антагонистическом двум другим, **не** разрешающем их противоречие, а подчеркивая диалектическое единство этих двух противоположностей, и уже **триалектическое** единство трех полюсов приводит к тому, что любые два готовы блокироваться друг с другом в борьбе против третьего ради своего утверждения.

Диалектика была шагом вперед по сравнению с формальной логикой; новая диалектика (триалектика) так же отличается от прежней диалектики, как кубик Рубика выше игры «15». Триалектический антагонизм трех классов общества – это треугольник с тремя прямыми углами. Пример триалектики классовой борьбы ясно виден во взаимодействии трех противоположных элементарных частиц в атоме.

III-1. Определения классов

Нынешняя марксистская теория должна рассматривать классовую борьбу, как антагонизм и взаимоударность трех классов: *правые* – **капиталисты**, буржуазия, собственники средств производства, акционеры, работодатели – власть экономическая; *центристы* – **государство**, бюрократия, аппарат, номенклатура, чиновничество, администрация – власть политическая; *левые* – **пролетариат**, наемные работники, трудящиеся – не имеющие власти ни экономической, ни политической – армия труда.

Цитата из «Коммунистического манифеста»: *«Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу»*. Емко и ясно.

Марксистское деление общества на классы происходит не по имущественному положению (богатые–бедные), а по *источнику дохода*, определяющему это материальное положение, **и!!** по отноше-

нию классов к средствам производства [ср.: Ленин, 7: 44-45].

Что такое буржуазия? - Владельцы капитала, собственники средств производства, собственники рабочих мест, т.е. все те, для кого основным источником существования является прибыль с капитала, с собственности, с найма рабочей силы. Буржуазия – промышленники, торговцы, банкиры.

Под **рабочим классом** мы всегда понимаем пролетариат (немецкое *proletariat* – от латинского *proletarius* – научно абсолютно правильное, но слово архаичное и не удобное для частого употребления), *весь класс наемных работников*, трудящихся, собственников только своего интеллекта, своих рабочих рук, всех вынужденных наниматься к собственникам капитала частного или государственного; в общем – это большинство народа, создатели материальных и духовных благ, сегодня лишенные всякой власти, всех прав, единственное оружие которых – организация в рабочую партию и совместные действия.

Под **рабочими** понимаются *все трудящиеся*: инженеры, преподаватели, врачи, ученые, рабочие заводов, крестьяне (особо подчеркиваем: крестьяне – тоже рабочие), работники культуры, военные, т.е. *весь трудящийся класс*: все, кто получает за свой труд заработную плату, являющуюся для большинства пролетариата основным источником доходов и существования. Пенсионеры – тоже рабочий класс (часть класса), ибо они также получают деньги *за свой труд*, именно: за прошлый труд (не за должность и не за вложенный капитал).

С классовым определением буржуазии и трудящихся давно ясно. А кто же тогда те, кто называет себя государством, – чудесная бюрократия, – кто эти маленькие «хозяева земли русской»? Куда причислить целую армию горячо любимых чиновников – «служителей народа»? Они, вроде, тоже эксплуататоры, прислужники капитала, и распоряжаются деньгами, производством и торговлей не слабее буржуазии... Хотя они, вроде, такие же пролетарии, и нет у них дохода, кроме зарплаты...

Но о бюрократии как самостоятельном классе разговор будет отдельный. Пока же стоит вскользь сказать о том, что бюрократия,

чиновничество – это *не* рабочие и *не* буржуазия, а третий класс: *класс государство*, а все три класса одинаково противоположны друг другу.

Марксизм не может разбирать биографии и налоговые декларации всех людей, живущих на Земле: миллионы людей, помноженные на миллионы возможных обстоятельств, не меняют навсегда данного отношения, что вся жизнь общества определяется столкновением интересов именно *трех* классов. Никаких чистых моделей или явлений действительности диалектика не признает. Практически их и не может быть. Существование множества переходных ступеней не меняет единую трехклассовую систему.

Не перестает быть капиталистом собственник или крупный акционер завода (магазина, банка), работающий на своем предприятии управляющим. Если его доход от собственных акций 80'000, а оклад как управляющего 20'000, то на 80% он капиталист и на 20% рабочий. Т.е. без особых для себя убытков он может и *не* работать.

Не перестает быть пролетарием и инженер, имеющий несколько акций собственного предприятия, т.е. являющийся собственником небольшого капитала, приносящего доход, независимо от его труда. Если его зарплата 8'000, а доходы от акций равны 2'000, то на 80% он рабочий и на 20% капиталист. Реальность такова, что этот человек *вынужден* работать, чтобы жить и кормить семью, а акционером и капиталистом является номинально. Основную массу трудового коллектива (акционеров) предприятий собственниками можно назвать только с иронией.

Соответственное отношение человека к труду и к капиталу (и к власти) – есть вопрос классовый. В какой пропорции держатели акций – управляющие и рабочие – являются наемными работниками и совладельцами предприятия определяется аналогичными соотношениями. То же относится к фермерам и предпринимателям, которые сами решают, интересы труда или капитала им ближе.

Предприниматель, представитель т.н. мелкой буржуазии – например, спекулянт, покупающий на свои деньги товар и продающий дороже в розницу, наполовину капиталист и рабочий. Прибыльность капитала ограничена его рабочим временем. Чтобы стать большим

капиталистом, ему не хватает главного ресурса – времени, т.к. *самостоятельно* он в силах продать лишь ограниченное количество товара. Сколько не вкладывай дополнительно денег – за единицу времени не продать больше. Таким образом, предпринимателю нужно бороться не за прибыльность капитала, а за прибыльность труда – своего и его наемных работников. Но и здесь интересы труда и капитала сходятся в борьбе против власти бюрократии.

Мелкая спекуляция может превратить пролетария в капиталиста лишь на несколько процентов, в зависимости от отношения дохода с капитала к доходу с труда.

Насколько чиновник принадлежит к классу бюрократии, а насколько к трудящимся, зависит от отношения суммы всех его госпривилегий (начиная с казенных карандашей до взяток с олигархов) к величине его оклада.

Сумма, заработанная госолигархом или нефтяным магнатом собственным трудом – физическим или интеллектуальным – на некоторую долю превращает их в трудящихся. Любой человек, кому банк начисляет процент по денежному вкладу, на крупницу становится капиталистом. Это – крайние случаи. Чистых явлений нет и быть не может. Классовый вопрос не в величине дохода, а в источнике и, во-2-х, в отношении величины этого источника к общему доходу каждого класса.

Каждый предприниматель, получающий доход от *своего труда* – предпринимательской смекалки, деловых идей и т. д. – является в этом, как трудящийся, частью рабочего класса. Он же, получая доход от найма рабочей силы и вложенного капитала, является капиталистом.

Предприниматель одновременно является и капиталистом, и рабочим. Он вкладывает свой капитал в бизнес – и *с этого капитала* получает доход; здесь – он капиталист. Но в то же время он является наемным работником (сам у себя) – и *за свой труд* также получает доход. Учитывает ли это его бухгалтерия или нет, значения не имеет. В каком соотношении являются эти два вида его дохода – этим и определяется, кто он больше: буржуй или рабочий, защита каких

интересов ему ближе: защита его капиталистической прибыли или защита его труда, защита капиталистической или трудовой собственности. Не идеология, а прямой материальный интерес заставляет его поддерживать буржуазную (либеральную, правую) или рабочую (коммунистическую, левую) партию. Одно бесспорно: интересы центристов (государства, бюрократии и коррупции) предпринимателю ничуть не близки; более того – они ему прямо враждебны.

Патриотизм чиновничий и патриотизм буржуазный не имеют между собой ничего общего, – кроме общего противостояния трудовому народу. Об этом говорит сегодня марксистский анализ общества.

Интересы людей *как собственников*, как акционеров, как работодателей защищает партия буржуазии (правые). Правые защищают капитал и капиталистическую собственность.

Интересы людей *как рабочих*, как трудящихся защищает рабочая партия (левые). Левые защищают труд и трудовую собственность.

Центристские партии защищают *власть бюрократии* как государственные интересы. Потому слова о патриотизме *вообще*, т.е. без классовой оценки, *всегда* означают патриотизм *к существующей* власти, к существующему государству.

К слову. В другом месте мы обязательно скажем, что непонятно совершенно, как может быть политически, экономически или социально защищаем человек, например, *как русский*, или определяемый по любым другим идеалистическим признакам.

Каждый человек решает сам, в чем его первоочередная материальная заинтересованность, интересы какого класса ему дороже: выгодней ли *ему* и его семье процветание *всех* капиталистов, или благополучие *всех* рабочих или сытая жизнь *всех* госчиновников. Вопрос этот совершенно не идеологический, не нравственный, а всецело материальный. Если капиталист вдруг скажет, что болеет за интересы эксплуатируемых им трудящихся из-за своих моральных, этических или духовных соображений – это вранье. Каждый класс есть класс для себя; каждый класс заинтересован только в своем материальном благополучии, и положение других классов интересуется его

исключительно потому, насколько этим обеспечивается его выгода.

Бюрократия – особый класс, чье процветание зависит *не* от оклада и не от собственности, работающей капиталистически, а от должности, т.е. *возможности* использовать государство как инструмент своего благополучия. Все государственные предприятия такие же эксплуататоры, как и частные, капиталистические, несмотря на различие в форме эксплуатации. Государственный капитал настолько же угнетает рабочих и весь народ, как и частный, буржуазный. Чиновник как фактический собственник государства – государственной собственности и госвласти – несмотря на формально пролетарское положение, такой же эксплуататор и капиталист. Бюрократию нельзя считать буржуазией – это грубая и коренная ошибка – т.к. капиталистическая собственность приносит ей доход опосредственно, т.е. через государственную эксплуатацию. Бюрократия не является и рабочим классом, несмотря на примерное равенство зарплат среднего чиновника и среднего трудящегося. Помимо декларируемого крошечного оклада, чиновник имеет сотню легальных и не легальных возможностей кормиться за счет благополучия общества. Эту свою привилегию он никогда не согласится добровольно отдать.

Основа капиталистической эксплуатации – прибавочная стоимость. Теория государственной эксплуатации стоит перед марксистскими теоретиками на повестке дня.

Диалектически *класс* определяется через свою противоположность. Рабочий класс, лишенный собственности и власти, определяется через противоположность к буржуазии (собственникам частной собственности и капитала) и бюрократии (собственникам государственной собственности и власти). Рабочий класс (народ как источник власти и создатель всей собственности) противопоставляется экономической власти (капиталу) и политической власти (государству). «Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [Ленин, **39**: 15]. Государство (власть) имеет общественную привилегию присваивать себе и труд рабочего, и капитал буржуазии; буржуазия может присваивать себе только труд рабочего;

рабочий класс не хозяин ни капитала в стране, ни политической власти.

Пролетариат – это класс, лишенный средств производства и продающий свою рабочую силу. «Чистый» класс буржуазии (ростовщики, латифундисты) совершенно не продает свою рабочую силу; социальные революции XIX-XX веков привели к тому, что таковых вовсе не осталось в обществе: практически вся буржуазия является трудящейся. Бюрократия также продает свою рабочую силу, но не лишена средств производства. Тот факт, что все классы современного общества являются одновременно и работающими и владеющими собственностью, нисколько не означает слияния буржуазии и пролетариата и прекращения их существования как самостоятельных: классовый анализ заключается в выяснении степеней этой интеграции в общей системе классовой борьбы.

IV-2. «Средний класс» и интеллигенция. Единый класс рабочих и крестьян

Многогранность общественной жизни приводит к сложной стратификации общества. Но ее изучение имеет значение лишь в общем видении и понимании классовой борьбы. Столь часто употребляемое понятие «средний класс» никакого отношения не имеет к марксистскому классовому подходу. Т.н. «средний класс» существует во всех трех классах; это – есть тот слой общества, который на текущий день имеет некоторый материальный достаток. Представителями «среднего класса» являются и обезьянообразный юнец-нувориш, и всю жизнь проработавший профессор, чьи капиталы временно совпадают по величине, как на секунду встречаются в одной точке возрастающая и убывающая функции. Перспективы же и классовые интересы у них различны.

Марксизм определяет классовую принадлежность не по денежному достатку людей на определенный момент. У преподавателя вуза достаток может быть даже много больше, чем у начинающего фарцовщика или скромного, еще не обуревающего чиновника, но классовые интересы у них уже сегодня противоположны и определяют

ся разными потенциалами и перспективами: пенсия, банкротство, карьера, тюрьма... Общий классовый интерес – это не только экономические и политические интересы, но и общая перспектива этих интересов.

Вопрос в том, из какого класса в основном рекрутируется этот самый «средний класс». Сегодня ответ очевиден: из буржуазии и бюрократии. Представители рабочего класса: преподаватели, медработники, служащие, военные, рабочие, крестьяне, ученые, работники культуры – при господстве нынешней госсистемы – имеют нулевую перспективу сделаться «средним классом». Однако не каждому чиновнику и не каждому лавочнику гарантировано попадание и пожизненное закрепление в «среднем классе». Это лотерея: меньшую часть ждет путь вверх, большую часть – вниз.

Только **власть рабочего класса – государство трудящихся**, выборные и подконтрольные народу Советы, рабочее представительство – гарантирует (обеспечивая гарантию всем богатством страны) всем трудящимся навечно гарантированный средний и всевозрастающий достаток. Именно так: гарантирует гарантированное благополучие всем трудящимся.

Словесный штамп советского времени «рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция» прививает неправильные соображения, что интеллигенция – есть общественно-политический класс (прослойка как класс). Марксизм раз и навсегда должен сказать: интеллигенция не есть класс. Интеллигенция – есть: 1) интеллигентные люди (образованные и культурные) и 2) работники умственного, не физического труда. Вот и все. Обе эти категории не политические.

В любом обществе можно выделить группу людей, которой присуща честность, порядочность и т. д., но это совсем не значит, что честные – есть класс, как не являются таковым верующие, патриоты или евреи. Интеллигенция (вся) есть наемные служащие у капитала и госвласти. Интеллигенция как работники умственного труда (как и тысячи других групп, объединенных по идеальным критериям) есть во всех трех классах: среди рабочих, буржуазии и бюрократии. Но у них

нет основополагающего общего материального интереса, т.е. единого отношения к труду, к средствам производства и аппарату управления, и нет общей противоположности к другим классам. Разные источники дохода разбивают воображаемое единство интеллигенции и заставляют ее принадлежать трем различным классам. Интеллигенция не является самостоятельным классом так же, как не является классом «средний класс», автомобилисты и дачники – это все *не* классовые, т.е. не политические категории, это – *слои*, встречающиеся *внутри* всех классов. Что общего между любителями шахмат олигархом и крестьянином? - Ничего, *кроме* шахмат. Что общего между интеллигентом рабочим и чиновником? - Ничего, *кроме* общей любви к Пушкину, Малому театру и Русскому музею; но это не мешает им иметь *противоположные* экономические и политические интересы, одному грабить другого. Так, чиновник вынужден отстегивать из бюджета средства на культуру не в силу своей интеллигентности, а в силу именно обязанности. Поэтому «политические» партии, сознательно или бессознательно пытающиеся строиться по неклассовым принципам, аморфны, беззубы и политически бессильны, т.к. не объясняют и не определяют своего отношения к средствам производства, к труду и к власти и в лучшем случае есть лишь клубы по интересам.

Интеллигенция в мирные времена громогласно заявляет о своей надклассовости или внеклассовости. Но первые же классовые столкновения рассеивают эту иллюзию и вынуждают определенно занимать позицию одной из трех противоборствующих сторон. Человек или группа людей может быть вне политической, культурной, церковной или спортивной жизни, но быть «вне политики», т.е. вне политических интересов, есть такой же абсурд как быть вне экономических интересов или вне бытия.

Марксизм *не* отрицает существования интеллигенции, но стремится к общему пониманию, что интеллигенция не является общественно-политическим классом, а есть лишь наиболее образованная и культурная *часть* своего класса (однако, не обязательно самая честная и политически активная часть). Интеллигенция не является политическим классом, потому что *не* антагонистична другим классам

общества: *не* противоположна *политически* не-интеллигенции. Трудовая интеллигенция, открыто признающая свою классовую принадлежность, часть рабочего класса, стоящая на платформе борьбы за политические интересы трудящихся – есть совесть рабочего класса.

Рабочие – и умственного и физического труда – есть *единый* класс трудящихся. В современном обществе нет противоположности между умственным и физическим трудом; единственный антагонизм сводится к отношению человека к собственности, к власти, к труду – вне всякой зависимости от его национальности, порядочности и культурного уровня. Классовый антагонизм – это привилегия одного существовать за счет интересов другого. Поэтому совершенно понятны желания и необходимость всячески затушевать эту несправедливость, и заинтересованы в этом те, кого классовая война грозит лишить данной привилегии. Единственно марксизм дает возможность понять истинные (классовые) причины заинтересованности эксплуататорских классов затуманивать сознание народа всякой ересью, антикультурой и мракобесием – с целью отвлечь от классовой борьбы, от поиска реального механизма противодействия национальному бедствию, – как телевизор отвлекает от книги, а аллилуйя отвлекает от мысли.

Социализм XX века разрешил многовековую задачу гигантской важности: устранил *противоречия* между промышленным рабочим классом и крестьянством. Экономический и политический союз рабочего класса и крестьянства – есть главный итог социальной истории минувшей эпохи. [Обязательно см.: Ленин, **44**: 329]. Нынче нет такого класса, имеющего греть руки на противоречии рабочих и крестьян; сегодня *и рабочие, и крестьяне* составляют *единый* класс – рабочий класс. Поэтому под рабочим классом марксизм сегодня понимает и крестьянство, и непосредственно рабочих, занятых в индустрии, и все группы трудовой интеллигенции (чему, к слову, прежде ужаснулись бы и Маркс, и ранний Ленин).

До сего дня ни буржуазия, ни чиновничья государственная бюрократия не имели в помыслах противопоставлять рабочих и крестьян. Сегодня же – внимание! – когда на сцену выходит новый

марксизм и вооруженное им рабочее движение, когда сброшена маска «народного» (социального) государства, и бюрократия предстает перед обществом *самостоятельным* эксплуататорским классом, противоположным *и буржуазии*, и рабочим, вновь найдутся те, кто ради своих властно-государственных целей решит противопоставить город деревне, т.е. социально и политически разбить рабочий класс на крестьян и рабочих.

Это предостережение нынче кажется абсурдным, но именно *своевременное предупреждение* позволит абсурдной идее навсегда остаться абсурдной.

Б. V-1. Государство – самостоятельный класс, третий полюс классовой борьбы

«Государство – политическая организация общества во главе с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников.

Класс – большая общественная группа людей с определенным положением в исторически сложившейся системе общественного производства и с определенной, обычно законодательно закрепленной, ролью в общественной организации труда, объединенная одинаковым отношением к средствам производства, к распределению общественно-богатства и общностью интересов» (Словарь Ожегова).

Государство – только на словах абстракция; в действительности – это конкретные люди, с фамилиями, т.е. часть общества, называемая администрацией, чья функция – посредничество (например, между работодателями и трудящимися) якобы в интересах *всего* народа, т.е. всех людей.

И государственная власть, и любой класс, стремящийся к власти, стремятся представить собственные интересы как интересы всего народа. В действительности, любой класс (в т.ч. правящий) всегда

защищает интересы только своего класса, и интересы других классов его волнуют ровно в той мере, в какой это необходимо для поддержания и упрочения собственного благополучия. Забота эксплуататорских классов о народе сродни заботам хозяина о рабочей лошадке или дойной корове.

Смешно слышать, что капиталисты озабочены положением пенсионеров или бюджетников. Точно также лживы заявления любых чиновников, что они пекутся об интересах учителей, врачей, крестьян или военных. Поэтому – товарищи рабочие! – никогда не верьте «центристам», это – наши злые классовые враги, маскирующиеся под своих и тем опаснее душманов.

Государство «служит» народу ровно настолько, насколько церковнички «служат» мировому Логосу, де остро нуждающемуся в их служении. **Чиновник (центрист) беспокоится о благе учителя ровно настолько, как учитель беспокоится о благе чиновника.** Больше получит один – меньше получит другой. ...Мы все-таки не расслышали: кому предлагают центристы увеличивать зарплаты и надбавки – чиновникам или трудящимся?..

Сытой жизнь бюрократии может быть только за счет народа. Логика, ими проповедуемая, очевидна: дескать, чем сытнее будут удовлетворены аппетиты чиновников, тем бескорыстнее и лучше они будут выполнять свои обязанности – «управлять», собирать и перераспределять налоги; сделаем сытой жизнь бюрократии – и она не будет препятствовать идти к сытой жизни всем остальным. Рабочим классом напрочь отвергается государственная «логика» центристов – де *сначала* накормить до отвала всех дармоедов, а *потом* уже они превратятся в меценатов и народных благодетелей. Коммунисты по-другому ставят вопрос о том, что сначала, а что потом. Мы говорим, что организованные трудящиеся *сами* должны решать, как и насколько кормить государство.

Когда центристы говорят: «социальное» государство должно оплачивать соцпроекты или соцпроекты нужно возложить на бизнес, мы отвечаем: *не надо* – рабочий класс *сам* зарабатывает, сам создает все материальные блага, и *сам* должен иметь право распоряжаться всем

богатством страны. Вопрос не в том, чтобы государство решало, как и сколько оплачивать соцрасходы на народ, а в том, чтобы *сам народ* решал, как и сколько оплачивать услуги бюрократии, чтобы рабочий класс по своему усмотрению оплачивал содержание и расходы государства. Именно потому коммунисты выдвигают лозунг: *государство трудящихся*.

Только когда классово организованные трудящиеся по всей стране поставят под сомнение политическое и социальное будущее бюрократии, – государство (чиновники) забеспокоятся о политическом и социальном настоящем трудящихся.

Марксизм видит классового врага насквозь. Бюрократия, в классовом понимании, *не* есть синоним волокитчиков и бумагомарателей. Бюрократия – есть *самостоятельный класс* общества, т.е. единство функционеров-управленцев-службистов как машины, эксплуатирующей все общество, но не столько в интересах этого общества, сколько в своих корпоративных интересах. Тем более недопустимо ставить знак равенства между бюрократией и интеллигенцией. Отдельная отрасль знаний – биология и психология представителей третьего класса, к которым примыкают подвиды из прикормленных депутатов, политиков, политологов и т. д.; но для нас все они – серые жабы.

Третий, отдельный, самостоятельный класс, *антагонистический* двум другим классам (буржуазии и трудящимся), есть класс, называемый «государство», – т.е. бюрократия, чиновничество, власть, номенклатура, администрация, аппарат. Как дьявол шепчет человеку: «нет меня; я – ты сам», так бюрократия говорит народу: «нет такого класса, мы не класс». Бюрократия говорит: «мы – народ, мы – такие же трудящиеся» или, еще более лицемерное: «мы – мозг нации; мы – ум, честь и совесть». Но не это мозг нации...

В наше время, когда все более и более становится очевидным самостоятельная классовая сущность административного аппарата, чиновничеству нет возможности публично откреститься от собственных классовых политических притязаний, поэтому бюрократия называет себя нейтральным словом «центристы», т.е. якобы уравновешенные, т.е. якобы между крайностями, т.е. «посредине в политическом спектре»,

т.е. посредники в *идеологической* классовой борьбе между трудящимися и капиталистами, сглаживающие их борьбу. Марксисты обязаны открыто разоблачать всю эту ахинею: нет, не существует «политического спектра», а есть *три* самостоятельных класса общества, как три ножки у табуретки. Политический спектр – это весы на политическом рынке; «политический спектр», «идеологические расхождения» – это говорильня и обман для запутывания людей, для заблачивания мозгов многовариантным мусором: социал-, либерал-, национал- ... -демократы, -либералы, -социалисты, -националисты, -конституционисты, -патриоты, -народники, -государственники. Рабочему классу нет дела до отличий между республиканскими консерваторами и консервативными республиканцами. Рабочий класс не должен вслушиваться в болтовню о «политических разногласиях». Зато каждый рабочий, каждый простой человек хорошо понимает свои собственные потребности и поэтому обязан видеть свои классовые интересы и знать, как бороться за них. Классовые интересы рабочего – не есть интересы узкопроизводственные, а есть вся совокупность интересов как человека, обеспечивающих его жизнь, быт, существование, богатство и т. д. Единственный политический вопрос, прямо касающийся всех людей, каждого человека – есть *интересы трудящихся*. Войну за интересы трудящихся реально может вести только партия рабочего класса, *партия коммунистов*.

Просвещенные, культурные и грамотные люди (в отличие от обывателей) не верят и не собираются вдумываться в рассказы о «национально-соборно-духовной русскости», в мистические теории о «вселенском черном нашествии сил зла», в вариации на темы о жыдомасонском заговоре и прочей дряни – это не интересно и не ново. И не нужно считать людей за идиотов. Зато каждый сознательный рабочий должен знать, что наше общество делится на три класса: капиталисты – государство – трудящиеся, и есть три соответствующие партии, и каждый из них защищает свои интересы, враждебные двум остальным. Поэтому нужно решать, с кем ты. Теории о коммунистах и демократах, патриотах и космополитах, русских и жыдах пусть

выдумывают идиоты для идиотов. И тот, кто проповедует «общность» классовых интересов (под общечеловеческой, национальной, религиозной оболочкой) – тот враг, враг самосознанию трудящихся; и дважды враг, если при этом называет себя другом, другом народа и рабочих. Здесь чистосердечное заблуждение даже опасней целенаправленного саботажа, как и молчаливое согласие с беззаконием – есть преступление.

Знакомые с классовой теорией трудящиеся больше не поверят, что некая госвласть, некая центристская или правая партия выступит *в интересах* рабочих; трудящиеся должны бескомпромиссно требовать и бороться за политическую власть *самих рабочих*, за *всю полноту* политической власти.

Давно пора коммунистам определиться с терминологией. Давно пора придавать словам их действительное значение и под словами патриотизм и государственность не подразумевать абы что. Государство – есть центральная власть, администрация, аппарат. Серые жабы кормят народ пошлыми фразами о «национальном духовном государстве», взамен получая живые деньги, молчаливый мандат на власть и отсрочку от революции. Прямо как в церкви: обещание всех небесных благ завтра в обмен на крупицу благ земных сегодня.

И чиновничество, и буржуазия – т.е. представители двух антагонистических, но одинаково эксплуататорских класса – вынуждены заявлять для маскировки своей эксплуататорской сущности о своей заботе об интересах *всего народа*. И только коммунисты, *партия рабочих*, разоблачающие волчью грабительскую сущность капиталистической и государственной эксплуатации, не затушевывают, а наоборот, громогласно заявляют о классовых противоречиях в обществе и открыто говорят, что борются *только за свои* экономические и политические интересы – за требования рабочего класса. Еще раз нужно подчеркнуть: *не всего* общества, а только за интересы трудящегося большинства народа, за интересы простых людей, людей труда, не имеющих ни кормящей их государственной должности, ни приносящей доход собственности и продающих свою способность к труду, свои знания, свой талант, свое рабочее время. Коммунисты борются за право

рабочих единолично пользоваться результатами своего труда. Коммунистическая партия – единственная сознательная честная партия, ибо открыто называет себя *классовой* партией.

Буржуазия открыто не обособляет себя как класс и всячески затушевывает свои классовые требования, смягчая и разбавляя чисто буржуазные интересы социальной и «народной» риторикой: мол, мы, капиталисты – такой же народ, такие же патриоты, только чуть инициативней и богаче и действуем в интересах всего общества и не отделяем себя от народа. И ни слова в оправдание того, что говорил Маркс о капиталистической эксплуатации. Действительно, не признаваться же открыто правым партиям, что их буржуазному интересу наплевать на пенсионеров и бюджетников.

Партия чиновников также всеми силами пытается скрыть истинную сущность классового общества, спрятать и затушевать антагонизм: мол, они – такой же народ, такие же патриоты, только выбранные и назначенные, т.е. лишь обреченные доверием бессребреники и обуреваемы лишь благом народа, не делят нацию на классы, стоят за интересы всего общества, державы, России. И ни слова о несоответствии достатка бюрократии их вкладу в процветание страны.

Марксисты, рабочая партия – единственно честные перед классовой истиной. Мы говорим: нет и не может быть общих единых («национальных») интересов для всех классов. (Даже борьба против мирового потопа или конца света является классовой, т.к. прямо приносит деньги этим борцам). Не бывает общих интересов для всего народа, для всего общества – это фикция, вранье; существует единственный интерес: интерес классовый (не впутывая сюда религиозность, национальность, культуру и философские убеждения).

Коммунисты отождествляют интересы нации лишь с интересами людей труда. Марксизм открыто говорит: коммунисты и рабочая партия *не* собираются защищать интересы всего общества и всего народа, но готовы к смертельной битве за *свои* классовые интересы, интересы *большинства* народа, поскольку таковой является трудящимся: промышленных рабочих, колхозников, трудовую интеллигенцию, т.е. всех, добывающих свой хлеб собственным трудом. При этом

следует сказать открыто: мы не собираемся делать реверансы ни государству, ни буржуазии, ни церкви. Мы – рабочий класс и выступаем самостоятельно как класс. Хотите, господа, – поддерживайте нас; мы за ваши интересы воевать не будем. Рабочий класс, рабочая партия может победить только как самостоятельная сила, без широких коалиций с узкими слоями, не ведомая ни буржуазией, ни государством, ни генералами, ни попами. Победу мы видим в союзе марксизма, рабочего движения и коммунистической партии.

Партии с универсальными названиями за своей «бесклассовостью» прячут собственную беспринципность. Флажок с надписью: Россия, Держава, Отечество, Демократия, Патриотизм, Народность – может держать и министр, и олигарх, и рабочий, и коррупционер, и дьяк, и дьякон. Но что у них общего, *кроме* этого флажка? - Крайне мало общего: у каждого своя родина – их деньги, дом, друзья, заботы никак и никогда не пересекаются. У каждого своя Россия: свой патриотизм, свои взгляды на народ, на власть, на демократию, на справедливость, на труд. Классово единая Россия может быть только коммунистической.

VI-2. Три класса: противоположность интересов

Политика – это борьба, борьба классов: укрепление собственной партии, блокирование с иными движениями – и при этом все, все абсолютно ради достижения единственной политической цели: благоденствия собственного класса, прямой выгоды каждого из его представителей. Это благоденствие может быть достигнуто исключительно за счет других классов; за счет перераспределения общественного богатства между классами, борьбой за контроль над этим перераспределением и за контроль над последующим распределением национального богатства. Политика и политическая борьба – есть частный случай классовой борьбы.

Любая политическая партия (если это действительно *политическая партия*, а не фуффло), несмотря ни на какие свои лозунги, програм-

мы и заявления, выражает интересы определенного класса – как правило, финансирующего ее класса. Марксистам совершенно ясна беспомощность и пробковая пустота всяких «народных» и «социальных» партий или партий «патриотов». Партия (part) – часть: часть общества, часть народа. Необходимо уточнять, *какая часть, за какой класс и против кого* выступает эта «партия» – против буржуазии, против бюрократии или против рабочих. Если не против кого, а *за всех*, то это форменный идиотизм, ибо тогда нет политики, как не бывает спорта, если нет борьбы и стремления сразиться с соперником – иначе это не спорт, а физкультурничество; и подобная партия болтунов-физкультурников не есть *политическая* партия, а лишь группа чьих-то бессознательных прислужников или же кружок по увлечениям.

Когда мы слышим слово «партия» (т.е. *часть* общества), мы спрашиваем: *какая* именно часть общества, часть *чего* и для чего? Для борьбы кого с кем и против чего? Если отвечают (так всегда отвечают центристы), что *не для борьбы* (мол, Россия «устала» от борьбы) или *за* абстрактное созидание для блага *всех*, т.е. всех классов, мы говорим – нет: мы не собираемся добровольно своими руками созидать блага для чиновников и капиталистов, хоть они и часть народа. Рабочий класс *сам* стремится быть себе и администратором, и капиталистом, т.е. быть *и* хозяином, *и* собственником, *и* рабочим на своей земле, на своем предприятии.

Не может быть партии без классовых врагов. Любая неклассовая партия так же абсурдна, как и «Партия людей» или «Хорошая партия». «Народная», «народно-государственная» или «державная», или любая другая не обозначающая своей классовости партия – есть лишь звонкое название обезличенной политики, что равнозначно партии без названия. Партия – это всегда стремление к власти, именно: стремление к власти авангарда класса или группы, образующей партию. Власть не может быть «вообще» (как не бывает духа без человека, идеи без головы, образа без предмета), власть всегда *над кем-то*. Понятие «власть и народ» слишком всеобъемлющее и ничего не объясняющее. Сегодня власть – это власть государства (бюрократии, чиновничества) над капиталом и трудом. Капиталисты стремятся установить власть

денег над чиновничеством и рабочими. Рабочий класс (марксизм) стремится установить *власть труда над капиталом и государством*. Практически это означает, что организованные в революционную социалистическую партию рабочие устанавливают диктатуру *своего* закона и строят жизнь, в которой не деньги, не чины, а трудовая деятельность есть мерило всех ценностей, и только труд награждается всеми благами жизни. Каждый – по способностям, каждому – по труду; плюс прогрессивный налог на доходы и минимальные налоги на трудовую собственность. В этом – двигатель цивилизации, не изнуряющей человека погоней, а «отдыхающей» его и поощряющей творчество.

Никакие этические пристрастия не применимы к отношениям классов. Три разных класса – три разных мира, и вместе им не сойтись. Ни о каком единстве и согласии, ни о какой любви, заботе, радении между государством и народом, капиталистами и государством, буржуазией и пролетариатом не может быть и речи. У буржуазии своя идеология; у чиновничества, бюрократии – своя; у рабочего класса, народа – также своя идеология, свои классовые интересы, и никакая конвергенция тут невозможна.

Когда мы слышим про «партию центристов», это прямо означает партию бюрократии – ни больше, ни меньше. Смешон был бы крестьянин, заявивший, что поддерживает интересы банкира или нефтепромышленника и что-де косвенно получит выгоду и он. Точно также лицемерен и отвратителен чиновник, корчащий из себя заинтересованного социальной сферой и бытом простого труженика. Социальная политика государства заключается в том, чтобы под разговоры о рынке сбросить с себя максимум сообразительств. Помпезные сборища чиновников с самым серьезным и торжественным видом, посвященные улучшению положения рабочего класса (наука, образование, медицина, армия, сельское хозяйство, промышленность), ни в малейшей степени не смогут погасить антагонизма классовой борьбы. Такое же лицемерие заявления государства о защите собственности. Какой смысл бюрократии защищать чью-то собственность, *кроме* своей?

Центристский тезис об «улучшении жизни народа» – есть

обещание дать всем и много. Все разговоры чиновников о чем бы то ни было сводятся к стремлению к минимуму государственной ответственности и максимуму государственной всеподконтрольности. Бюрократия и коррупция желают реформ и государственной политики никак не в ущерб себе. Тезис о защите интересов *всего* народа вреден и опасен, ибо совершенно правильно то утверждение, что олигархи, министры, губернаторы и их свиты – это тоже *часть* единого народа. Центристы и государство вынуждены говорить об интересах всего народа, чтобы вслух не делить общество и не говорить об интересах трудящихся. Коммунисты открыто заявляют, что стоят на защите интересов *только* *трудового* народа.

И буржуазия (правые), и бюрократия (центристы) составляют подавляющее меньшинство населения; поэтому с чем еще им остается выступать, как не с лицемерными и пустыми «патриотическими», «национальными» и «социальными» лозунгами? А что же еще враг может предложить врагу? - Только замаскировать свою вражду. Реально от них нельзя ничего ждать, кроме обещаний. Единственно коммунисты вместо обещаний призывают к прямым действиям.

Эксплуататорские классы – это *часть народа*, группы лиц, имеющие общественную привилегию целиком распоряжаться всем народным трудом: буржуазия – посредством своей собственности и капитала, бюрократия – посредством государственного аппарата. Мы рассматриваем в политике три силы – самостоятельные, антагонистические, непримиримо враждебные друг другу: РАБОЧИЕ, КАПИТАЛИСТЫ и БЮРОКРАТИЯ. Левые, правые и центристы – это *не* политический спектр; представление о спектре есть заблуждение, – это три самостоятельных, противоположных и взаимопересекающихся, антагонистических *полюсов* политического пространства: ТРУД, КАПИТАЛ и ГОСУДАРСТВО.

«...*Вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими*», – говорит марксизм. История продолжается и продолжается основной конфликт нашей эры: между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, угнетаемыми и угнетателями. Угнетаемыми были и остаются рабочие, класс трудящих-

ся: рабы, крепостные крестьяне, рабочий народ. Класс эксплуатирующий на протяжении истории менял форму. В индустриальную эпоху *эксплуатирующий* общество класс четко разделился на два дружественно-враждебных лагеря: буржуазию и государство. Дружественных – по общим интересам в ограблении, унижении, оглуплении и обуздании народа (главное: рабочих); враждебных – по взаимно антагонистическим экономическим и политическим интересам в борьбе за гегемонию и раздел прибыли.

Правые и левые – понятия **не (!!!)** идеологические (дескать, «демократы и коммунисты»); такое вульгарное деление должно неуклонно вытравляться, как дезориентирующее), а **классовые (!!!)**. Центристы – это вовсе не «умеренные и взвешенные», «посреди крайностей», а приспешники государства, защищающие интересы любой действующей власти, любого правительства, администрации, т.е. обыкновенные эцилоппы, и никого не должно вводить се в заблуждение. Правая идеология буржуазии (капитала) – *либерализм*, буржуазная демократия, рынок, капитализм. Левая идеология рабочего класса – *социализм*, народная демократия, советская форма управления.

Центристская идеология бюрократии (государства) может быть любой, в т.ч. либеральной и социалистической – идеологический фундаментализм, тоталитаризм. Не только потому, что центристы и государственники – это беспринципные холуйствующие лизоблюды, само социальное положение, сама должность которых исключает самостоятельных убеждений и прямо требует послушного и угоднического исполнения любого приказа начальника, власти, системы; государство не вольно «выбирать» себе идеологию, чиновники вынуждены присягать той, с какой новое государство пришло к власти. Любая государственная идеология таит в себе угрозу превращения в тоталитаризм. Мечта любого государства – единомыслие, всеобщее послушание и смирение – полицейская инквизиция или инквизиторская полицейщина. Идеология государства, как правило, это смесь внешних оболочек идеологий двух других оппозиционных классов: обычно декларируемое кредо министра, губернатора, депутата-центриста – это «социалистический капитализм» или «капиталистический социализм»

или какой-нибудь «консерватизм», словесно прикрывающий стремление к окостенению уже существующей формы власти бюрократии.

Наш прежний марксизм применим только для рассмотрения простой двуполярной системы: капиталист–рабочий, производитель–потребитель, покупатель–продавец. Новый марксизм рассматривает сложное трехполярное отношение: капиталист – чиновник – рабочий. Как церковь стремится всунуть себя между человеком и богом, так и чиновник, государство старается встрять между капиталистом и рабочим и за свою ненужную нужность получать оброк.

Государство – как третий класс – стремится быть посредником между трудом и капиталом, *судьей, арбитром* и пытается убедить общество в своей ключевой миссии. Задача бюрократии – сделать ключевой фигурой общества государство, политическую власть; буржуазия стремится превратить в таковую капитал, деньги. Предел мечтаний капиталиста – чтобы отношения между государством и народом были *не* политические, не социальные, а исключительно *денежные*, таким образом самому сделавшись посредником: государство – *капитал* – рабочий. Рабочий класс, коммунисты стремятся к тому, чтобы сделать мерилom всех социальных отношений *труд*.

Трех-классовая структура общества наблюдается во все века, во все исторические эпохи: всегда существовало неравенство, всегда существовали эксплуататоры и эксплуатируемые – и вместе с ними существует государство. Государство возникает вместе с возникновением классов – отдельный общественный институт, который силовыми методами охраняет и закрепляет это социальное неравенство. История становления государства как класса – тема отдельного исследования. Первая самостоятельная группа «третьего» класса – войско, т.е. *не* владеющие средствами производства и *не* занятые непосредственно в производстве. На известной ступени государство становится самостоятельной силой: иногда – как прислужница экономически господствующего класса, иногда – сама в себе и для себя. Сегодня класс государства – это милиция, суды, прокуратура, администрации всех уровней, плюс казенные профсоюзы, депутаты законодательных собраний всех фракций. (В кругу преступного мира государством является личность

воровского авторитета – знающего и толкующего воровской закон и т. д.).

У заводского рабочего и директора, у лейтенанта и полковника, у подчиненного и начальника и т. д. могут быть общие классовые интересы *до тех пор*, пока питаются они из общей кормушки. Кормушек всего три: труд, госдолжность, собственность – рабочие, государство, капитал. И первый вопрос не в том, за кого голосовать, а в том, *с кем ты* и из какого ты класса. Партия власти – тоталитарная; партия капитала (бизнеса, собственников) – либеральная, при этом называющиеся или не называющиеся таковыми; партия труда – коммунистическая.

За *правых*, т.е. за партию буржуазии, собственников, работодателей, пускай голосуют владельцы заводов, банков, магазинов, ресторанов, гостиниц и их ближайшее окружение, президенты фирм, гендиректора и т. п., все те, кому близка их власть. Представителям других классов от правых ждать нечего.

За *центристов*, т.е. партию власти чиновников, бюрократии, администрации, пускай голосуют мэры городов, начальники департаментов, руководители ведомств, их замы и все, кто с ними повязан; все те, кто от коррупции выигрывает, а не проигрывает. Простые служащие госучреждений, сотрудники коммерческих фирм, т.е. просто работники, наемные рабочие (кто не связывает себя с интересами власти и бизнеса) не имеют ничего общего с интересами «хозяев» и всецело связаны с интересами всего трудящегося класса.

Власть политическая, по правилу, сильнее власти экономической. Кто хозяин в стране в государстве? - Чиновничество. Оно и есть государство. Капиталисту с тугим кошельком всего лишь вольготно жить вместе с этим государством. Но он *не* хозяин. Он хозяин лишь своего предприятия как своей собственности. Но он не хозяин государства. И то, капиталист хозяин своей собственности лишь до той поры, пока не войдет в противоречие с властью. Капитал не всемогущ. Ни один клиент не может купить проститутку навсегда. Государство владеет народом как подданными – причем, по самим им устанавливаемым правилам. О рабочем как хозяине говорить не приходится.

Рабочий, человек труда, не имеющий собственности, приносящей ему доход, не имеющий госдолжности, приносящей ему доход, – каким бы талантливым ученым он ни был, каким бы изобретательным техником он ни был, каким бы усердным, трудолюбивым, добросовестным педагогом, медиком, офицером он ни был, – в чиновничьем эксплуататорском классовом государстве (в любом государстве, не являющемся государством трудящихся) он всегда будет оставаться забитым, униженным, со всех сторон уязвимым, зависимым от власти и денег, пешкой среди окружающей его роскоши. Объяснение простое: трудящийся человек в своей стране не имеет **своего** государства. Судьба его – ходить мимо ярких витрин по подметенной улице, не будучи хозяином ни этих витрин, ни этой улицы, ни этой жизни. Рабочему человеку открыты лишь два пути к свободе: дорога к храму или дорога к революции, к социализму. Выбор есть.

Бюрократия как самостоятельная государственная каста марксизмом прежде классово не рассматривалась. Чиновники – давно не наследственные дворяне; чиновники – надсмотрщики, как полиция на службе у государства. Бюрократия не появляется ниоткуда, а рекрутируется из всех классов; в бюрократию превращаются пролетарии и буржуазия, став у государственной власти. Если чиновник – бывший бизнесмен, то какое-то время он тесно будет связан с миром бизнеса и защищать капитал, но потом неизбежно и незаметно станет рядовой серой жабой. То же и с депутатами-«патриотами» и «красными губернаторами».

Процесс превращения человека в чиновника быстрый, но эволюционный. Честным и совестливым чиновник является лишь до тех пор, пока он еще во многом пролетарий, когда положение его уже чиновничье, а его сознание пока еще пролетарское. Но можно быть уверенным, что уже через короткое время – поняв, что государственным штатным патриотом-центристом быть выгоднее, чем коммунистом – его сознание «подсозреет» и подстроится ко властному положению, чиновничьему, хозяйскому бытию, и некогда славный человек обуреет, остепенится, превратится в вельможу, назовет народ быдлом и озаботится его благом – обходясь без рабочей партии, профсоюзов и

оппозиции.

Когда такой «народный представитель» идет во власть, он как бы говорит своим избирателям: «я буду честным чиновником, изберите в государственные прихлебатели – а я вам с ихнего пирога буду перекидывать; поверьте – я буду своим в тылу у врага». Но даже человек порядочный, заняв государственную должность, *автоматически переходит в другой класс*, и все его поступки определяются этим; чтобы сидеть в своем кресле, он вынужден решать задачи, исходя из своих новых классовых реалий. Получивший госдолжность пролетарий превращается в предателя. Капитал и власть – категории опасные, разращение которыми перевоспитывается только долгим принудительным трудом. Бытие определяет сознание. Сознания меняются, а классы остаются.

Прежде нанятый надзиратель, получив оружие и власть, уже не довольствуется ролью пешки, а претендует на самостоятельность и исключительность. Буржуазия сама нанимает, оформляет и оплачивает услуги своего потенциального могильщика – государство. Государство – это давно *не* орудие буржуазии, а самостоятельная политическая сила, отдельный класс.

Каждый служитель государства есть часть госмашины, но не любой работник милиции, налоговой инспекции, министерства, администрации и т. п. служащий госструктуры сам является государством. Отличие чиновников от остальных трудящихся, которое превращает их в самостоятельный эксплуататорский класс, в том, что они так или иначе имеют возможность использовать *общественный* инструмент – госмашину – в своих *личных* целях, как конфетчица запросто ест с конвейера конфеты. Но интересы простого чиновника, *не* берущего взятки, *не* пользующегося никакими госпривилегиями и живущего на скромную зарплату служащего *прямо совпадают* с интересами трудящегося как простого наемного работника. Однако, коррупция – это не только сумма свершившихся фактов дачи взяток; коррупция – это потенциальная возможность всего класса бюрократии возмездно использовать госдолжность, во всей полноте. Зло – понятие не богословное, а конкретно-историческое, оно порождается определенной

социальной средой. Изначально человек чист; государство толкает его в коррупцию. Взятие политической власти рабочим классом означает отнятие у бюрократии и коррупционных привилегий, и потенциальной возможности коррупции.

Как и работники, находящиеся *на службе* у капиталистов, сами не являются эксплуататорами, так и служащие, находящиеся на службе у государства, сами не являются государством, хотя уже есть часть этого государства. Мелкий чиновник, вроде, совсем не похож на госолигарха. Действительно, не он принимает решения. Но мелкий чиновник – есть *глаза государства*. Вся вертикаль власти слепа без него. Как *он* посмотрит, так и увидит ситуацию чиновник наверху. Он – считающее устройство эксплуататорской машины, т.е. прямо влияет на работу всего механизма. «Бездушные бюрократы» – это не исключение, а система; система, все этажи которой скреплены взаимной безответственностью.

Разумеется, все три класса неоднородны: в каждом есть привилегированные слои, есть основная масса, и есть бедные. Не все поголовно наемные рабочие (миллионные спортсмены, крупные адвокаты, публичные журналисты, эстрадные звезды) поддержат коммунистов, рабочую партию, которая стоит защитницей основной, подавляющей массы трудящихся страны. Классово свои, они социально далеко от народа. Верхние слои рабочего класса: преуспевающие экономисты, юристы, управляющие – противопоставляют свое социальное положение промышленным рабочим, бюджетникам, крестьянам, пенсионерам и т. д. и искренне полагают себя буржуазией или даже правящим классом. Это заблуждение рассеивается, лишь только они сталкиваются и входят в противоречие с силой капитала и политической властью класса бюрократии.

Непонимание своего классового положения, как и непонимание своего места в жизни, дорого обходится людям. Репрессированные коммунисты в 30-е годы, упершись в формулу «раз не буржуазный – значит социалистический», никак не могли понять сути происходящего, государственного террора, усматривая в социальном *явлении* «ошибку» и полагая, что их сажают «свои». А суть явления была в том, что те

были давно не своим, а другим, противоположным – новым, третьим классом – классом государства, противоположным классу рабочему; хоть тоже назывались коммунистами.

Исторически коммунисты должны были лишиться собственного государства, чтобы марксистски увидеть и определить его.

Новые капиталисты делали деньги и совершенно не думали, кто и как будет затем их собственность защищать, наивно полагали, что новые чиновники и новое государство станут самозабвенно за минимальную плату охранять их собственность. В то время, когда победившая советскую бюрократию новая буржуазия высокомерно полагала себя господствующим привилегированным (новым эксплуататорским) классом, с головой ушла из политики в бизнес и с чистой душой бремя охраны собственного благополучия и административного правления возложила на госвласть, полагая новое государство своей служанкой, клявшейся ей в верности и преданности либеральным ценностям, чиновничество, тихо-тихо прибирая к рукам политическую власть, даже незаметно для себя осознало реальность и необъятность своей власти, находящейся теперь в их полной собственности. Теперь эта власть, аппарат – т.е. сами чиновники – и на словах, и на деле являются и именуют себя *государством*. И реальная сила, и все атрибуты власти, и даже великая история – все в их руках. Эти услужники и стали властью. А что же вы хотели, господа капиталисты, добровольно отдавая из рук политическую власть?! Беда ваша не в жадности и не в тяге к спокойствию и роскоши, а в том, что вы не изучали марксизм или же довольствовались осколками прежних знаний марксизма вчерашнего, двуполюсного, отжившего. Марксизм теперь – вот здесь, в этих строках. Изучайте, господа, марксизм! Он теперь трехполюсный, и вам есть в нем правильное место.

Любая экономическая сила может серьезно называться силой лишь тогда, когда она опирается на силу политическую, без которой она неустойчива. Класс, располагающий экономической силой, не защищенный *политической силой* своего класса, может в любую минуту потерять свою экономическую власть. То же иначе: экономическая

стабильность и независимость любого класса (или любых его представителей) может быть прочной, лишь будучи защищенной политической силой *собственного класса*.

Иные классы, как бы ни пытались они убедить в том общество, не могут и никогда не будут защитниками ни политических, ни экономических интересов оппозиционных им классов. Политические партии буржуазии не стремятся и никогда не станут защитниками интересов прав бюрократии и рабочих. Власть центристского государства, какой бы социальной, либеральной или народной ни именовала она себя, никогда не будет защищать интересы буржуазии и трудящихся (народа). Также и грядущая власть трудящихся отберет и экономическую и политическую власть у бюрократии и буржуазии.

Государству страшен марксизм, но для буржуазии, не являющейся правящим классом, он скорее друг, чем враг. Становитесь, господа капиталисты, марксистами.

VII-1. Великая Россия

Когда говорят: «Великая Россия», мы спрашиваем: *чья она?* Нам не нужна великая Россия, *если она не наша*, если она принадлежит олигархам и коррупционерам. Мы – первые враги *их* величия.

Товарищи рабочие! Мы сделаем Россию своей и сделаем ее великой *для себя*.

Нам не нужна хорошая жизнь, если проходит она мимо нас. Рабочий класс интересуется только собственное благополучие, и он готов воевать против тех, кто отнимает его. Этот враг – бюрократия и капитал: самодовольные самодурствующие самодержавные держиморды-чиновники и людоедствующая буржуазия, собственники наших земель и заводов. Задача коммунистов – отделить любовь народа к родине, державе, к своей стране от ненависти к власти, правительству и государству. На пути народа к своей свободе стоит государство. Авторитарное государство всегда стоит на страже собственных интересов, интересов коррупции и бюрократии. Задача коммунистов –

превратить ненависть народа к своим угнетателям в боевую силу. Русский рабочий класс, вооруженный марксизмом и коммунистической партией – есть ударная сила будущего прорыва человечества в царство свободы.

Русский народ никогда не примет душой гегельянскую божественность государства – ни поповского, ни светского. Русский народ верует в святость правды над правом. Воплощение правды – воля самого народа, которую не способен выговорить ни чиновник, ни царь. Воля народа – воля рабочего класса – партия рабочего класса. Казенное чиновничество и официоз государства стараются, но не могут поддаться под нее.

Никакая сила в мире не вернет нам Россию, кроме организации рабочих. Поэтому, товарищи рабочие, никакого «левого центра», никакой «социал-демократии», никаких «широких блоков» и союзов «красных и белых» – только единая, революционная рабочая партия – *против всей* бюрократии и буржуазии, не смешивая их. Товарищи рабочие, когда мы все осознаем себя как класс и наш авангард объединится в партию, тогда мы начнем заново историю России. И пусть содрогаются перед нашей силой мерзавцы. Классовые интересы у рабочих едины: работа, образование, здравоохранение, жилье, дети, свобода. Лишь мы сами – только организованные в рабочую революционную социалистическую партию трудящиеся – можем спасти себя, свое будущее, свою страну от унижения. И организованность наша будет первым этапом создания нового государства трудящихся – ВЕЛИКОЙ России, Республики труда.

В идеале основной задачей всякого государства является выполнение общественно-полезной функции. Но сегодня в России власть прямо говорит народу: «не надейтесь на государство, государство вам не поможет, надейтесь только на свои силы». И мы говорим: да, это так; только не потому, что государство либеральное, а потому, что оно «государственное». Действительно, надежда у нас только на нас самих. Только не по отдельности, каждому за себя, как хотелось бы правительству и администрациям, а на нашу организованность в совместной защите наших собственных интересов. Надежды на то, что

государство скромничает и, одумавшись, поделится в трудную минуту с народом своими припрятанными богатствами, наивны. Государство не может делиться, не перестав быть самим собой, как не способен делиться капиталист. Никто добровольно не раздает бесплатно деньги. Но тем государство само роет себе яму. Государство всегда неблагодарно, требует себе героизма народа и воздаёт злом за добро.

Верховная госвласть – это не отечество и не родина-мать; в правительстве не интеллектуалы, не мудрецы сионские, а маленькие самолюбивые человечки, мечтающие именоваться отцами народов. Жалкая психология – в рабстве искать свободу. Государство – это чиновник; не один, так другой; и уж тем более все вместе.

Для коммуниста любое государство есть враг – как абсолютное зло, как врагом является любой полицай, пускай даже самый гуманный. Государство и капитал невидимо и бесшумно проникают во все сферы общества, отравляя жизнь и убивая души. Поэтому основная задача – не патриотически-снисходительно журить бюрократию и коррупцию, а гнать вшивой метлой государство отовсюду, откуда только можно его выгнать, при этом тут же, сразу же, опережающе заменяя его представительством рабочей партии, заводских комитетов, стачкомов, Советами, государством трудящихся.

Постоянный вопрос, что навязывают либералы и центристы – о присутствии и роли государства в экономике. При этом правые альтернативой предлагают частного собственника, а центристы под государством именуют чиновника. Вопрос о государстве – бестолковый. Марксисты всегда определяют – о каком государстве речь и *кто* есть государство. Если о государстве самодержавно-бюрократическом, командно-административном, т.е. государстве-администраторе, чиновнике-управленце, – мы за выбрасывание его не только из экономики, но и из жизни. Если речь о государстве трудящихся, то такое государство не является в привычном смысле государством, а есть самоуправление трудящихся, ассоциация гражданского общества, Советская власть. Коммунистами понимается государство как разумная организация производства, управления и распределения.

О какой великой России мечтает бюрократия и госноменклату-

ра? - Все ради власти: роскошные кабинеты и здания администраций, сытые, никому не подконтрольные чиновники, не надоедающий и радостно аплодирующий им народ. Какой видят Великую Россию коммунисты? - Свободный, здоровый и богатый народ, не зависящий ни от администрации, ни от работодателя, ни от спекулянта. Свободный труд свободно собравшихся людей. Чудесный демагогический лозунг бюрократии и (все реже) буржуазии о Великой России оказывается беспомощным под марксистскими, классовыми вопросами. Великая Россия... чья она? Для какого класса? Людей из какого класса возвеличивает это величие? Власть невинно предлагает нам верить, что Россия – *для всех*. Это лицемерие и вранье. Кому нужна великая Россия, если в ней не всем хватает хлеба? Мы спрашиваем: кто распоряжается и какому классу принадлежит Россия? Или, более точно поставлен вопрос: в каких пропорциях богатство России распределено между тремя классами общества и какой класс определяет эту пропорцию? Сколько принадлежит бюрократии, сколько капиталисту, сколько рабочему?

Центристы лицемерно возмутятся: *не надо так делить* – все мы, мол, единый народ. Это звучит красиво, но это обман. Есть Россия олигархическая, и есть Россия крестьянская. Неужели все одинаково «едины»: олигарх, министр и крестьянин? Центристы «не делят нацию на классы», потому что такое деление ясно высветит всю ненужность и преступную сущность бюрократии и оставит государство, чиновников один на один с противостоящим им народом.

Нынешнее общество таково, что **небольшая** часть – это буржуазия, **небольшая** часть – бюрократия, чиновники, служители государственного культа и большая часть – рабочие, трудящиеся. Но рабочему классу – честному, порядочному, образованному и работающему – принадлежит меньшая часть богатства России, а каждому отдельному человеку достается вовсе мизер. Под доходами *класса* бюрократии, разумеется, нельзя понимать сумму окладов всех чиновников. Оклад чиновника может быть небольшим, но урезав в два раза *все* несправедные доходы бюрократии и капиталистов, тем в три раза увеличатся доходы каждого рабочего.

Все государства основываются на декларируемых благородных идеях справедливости. Всякая власть государя, партии, класса подразумевает себя воплощением абсолютной нравственности и следующей из нее вечности. В действительности, государства также сменяемы, как и правители, правительства, династии, конституции. Государство – это лишь на сегодняшний день господствующая сила в обществе, в стране. Государство – это организованный и политически оформленный класс бюрократии. Самая анархистская оппозиция, повергнув врагов, почувствовав силу, сразу рядится в тогу государства. Примеров в истории тьма.

Государства сменяемы не только волей народов, но силой новых классов. Словосочетание «государственный переворот», как бы ни ужасались при его упоминании правители и церковники, это есть лишь смена формы общественной власти, замена формы старой, надоевшей всем, на новую. При этом эксплуататорский механизм ничуть не меняется и власть над народом остается. Революция – есть смена всего общественного устройства. Революция – есть качественный скачок к принципиально иному состоянию. Желаете вы сменить существующее бытие – желайте революции. Без революции не будет и смены общественного устройства, т.е. именно то, что нас угнетает, останется и упрочится. Дворцовые и государственные перевороты, смены правительств, президентов и династий изменяют лишь форму, т.е. внешнюю, видимую оболочку, название общественной власти и не могут затронуть политической, экономической и социальной жизни народа. Радикальное изменение жизни народа возможно только при смене господствующего *класса*. Самые радикальные реформы не способны разломать угнетающие народ общественные рамки.

Такова реальность. И не нужно слушать тех, кто обещает будущее процветание при выжидании постоянного накопления улучшений при эксплуататорской власти и подавлении свободного труда. Это обман. История не знает исключений. «Социалистическая Европа» – чудесный оазис. 50 лет демократии, трехклассового равновесия на ограниченной территории в конъюнктурно благоприятную эпоху – разве это исторический срок? Сменится роза ветров – и

благополучие смешается с африканским или азиатским хаосом. Как это предотвратить? - В любом случае, не насаждать демократию уютно-европейского образца в непокорных странах, а поддерживать власть трудящихся и стремиться к универсализму у себя.

Любая реформа, любое частичное послабление народу, рабочему классу (не отдельным работникам, а именно классу) со стороны государства или работодателя в пределах существующего порядка – есть лишь уступка, в любой момент отнимаемая, это не есть переворот во взаимоотношениях. Марксизм, рабочий класс требуют революции, коренного переворота во всей системе отношений трудящегося народа с капиталистом и государством.

Наши оппоненты, безусловно, попытаются обвинить нас в том, что будто бы марксизм своим классовым подходом стремится «расколоть Россию» – мол, до сих пор, забывая о марксизме, народ расколот не был, мирно полагал своих угнетателей частью себя, а узнав их поименно, неожиданно «раскололся». Наоборот, мы говорим: народ, рабочий класс *именно теперь* расколот, разобщен, неорганизован, потому и угнетаем, а коммунисты прямо указывают на виновников угнетения и призывают к сплочению за борьбу против народных душителей на платформе единых интересов трудящихся.

Может быть, кто-нибудь *отрицает* существование классов, или отрицает существование *борьбы* классов, антагонизма между ними, или *необходимость* такой борьбы, или отрицает эксплуататорскую сущность эксплуататорских классов, т.е. возможность одних постоянно присваивать труд других?? Тогда, господа, скажите об этом открыто: что все равны – ни у кого нет общественных привилегий – ни формальных, ни фактических – и каждый получает справедливо по труду. Только вы на это не осмелитесь – гораздо безопасней абстрактно ругать коммунистов и выдумывать теории об элите и черни. Или вы отрицаете те методы борьбы, какие марксизм и рабочий класс полагают эффективными? Тогда посоветуйте нам, господа коррупционеры, как нам бороться с вами?

Центристская идеология чиновничества – затушевывание классового антагонизма общества, отрицание классовой борьбы и

собственной сущности как самостоятельного класса. Центристы трактуют понятие государства «широко»; но бесконечно «широкое» понимание государства не имеет ничего общего ни с политикой, ни с практикой, как совершенно никак не касаются интересов людей «интересы Вселенной». Центристы говорят: государство – это *все* общество, весь народ, *все* люди, тем самым за видимостью понятия государства как выразителя интересов всех, всего общества, скрывают и проводят интерес собственный.

Чиновник – как дьявол – говорит человеку: «нет меня, государство – это ты сам». Бюрократия всеми методами проводит мысль: интересы государства священны; равно священна и власть чиновников. Достаточно-де правильно подобрать чиновников-патриотов – государство само позаботится, чтобы превратиться в «социальное» – и не нужно никаких организованных выступлений трудящихся.

Методология марксистской **диалектики** вполне надежный инструмент в борьбе против вульгарной логики: либо – да, либо – нет, «а что сверх этого, то от лукавого», – и не было бы смысла «расширять» диалектику триалектикой, если бы третий полюс не отрицал своего существования. Никакой нет необходимости повальной замены терминологий, но необходимо всегда уточнять и спрашивать: **диалектически** понимается явление или **триалектически**. *Диалектика* – как общее название марксистского-гегелевского метода анализа – приемлема; *диалектика* – как подчеркивание *двуединства* (дуализма), отрицая существование третьего – в противоположность триалектике – есть метод не полный.

Диалектика рассматривает третий полюс как *промежуточное*, переходное, временное. Однако же, всю диалектику необходимо пересмотреть с позиции: третье *как самостоятельное*, утверждающееся, как обособленная сила, категория – противоположная, антагонистическая двум другим. Третий полюс – есть «*катализатор*»: способствующий борьбе, и *сам порожденный* этой борьбой, стоящий (вроде бы) *над* схваткой, но в действительности являющийся таким же участником, полноценным, полноправным, защищающим то одну, то другую

сторону – и часто отрицающий свое существование: меня, мол, нет...

Под диалектической борьбой понимается *и борьба, и единство* противоположностей. У народа своя жизнь, у государства – своя, у мира бизнеса – тоже своя; есть время борьбы и время классового мира. Политика – есть стремление одного подчинить себе другого, тактически призывая себе в союзники третьего. Политическая история – это история классовой борьбы: трудящихся, собственников и власти. Желание видеть в политике стремление государства улучшить жизнь народа – простительно школьникам. Со времен рабства народ угнетаем с верой в благородство своих угнетателей. Именно эта вера – главный пособник всех преступлений государства. Каждый ее носитель покупает ей себе рабство: себе и обществу. Активно бороться за освобождение труда от гнета капитала и государства можно и без общего понимания триалектики классовой борьбы, но лишь с верой в правое дело борьбы рабочего класса.

VIII-2. Триалектика классовой борьбы

Триалектика одновременно делит классы общества – а) на эксплуататорские и не эксплуататорские и б) на правящие и не правящие. С точки зрения прежнего диалектического марксизма этого не объяснить; а с точки зрения марксизма нового, триалектического, это вполне объяснимо. Триалектика разрешает диалектические противоречия.

Триалектические противоречия повсюду. Власть центристов называет себя социалистической или капиталистической – чтобы спрятать триалектический антагонизм под *видимый* диалектический.

Центристы и чиновники вынуждены убеждать общество, что пекутся о благе народа в силу своей одухотворенности и высокой нравственности. Коммунистическая партия, партия рабочего класса открыто говорит, что борется за политическую власть для защиты *собственных* классовых интересов – интересов трудящихся.

Вся история человечества – есть история взаимной борьбы

труда, капитала и государства. Ошибкой коммунистов было бессознательное смешивание двух направлений борьбы – против буржуазии и против бюрократии – под единой вывеской «антибуржуазной, т.е. социалистической» борьбы.

Понимать бюрократию лишь как прислужницу капитала – значит не видеть ее реальной силы. Продажность прокуроров ничуть не снимает обязанность марксистски видеть разницу между политической властью прокуратуры и властью наемного адвоката. То, что капиталисты и государство часто меняются местами – часто с превращением чиновников в капиталистов и наоборот – не должно вводить нас в заблуждение относительно разной классовой природы капитала и государства. Коррупция – это один из рыночных механизмов, но всегда нужно различать: где – развитие капитализма, а где – развитие бюрократического абсолютизма и метастазы тоталитаризма. Лишь сокращенный до минимума и эффективный государственный административный аппарат может быть подконтрольным буржуазии или организованным трудящимся, т.е. покупаемым или нанимаемым обществом.

Капиталист может купить одного или нескольких чиновников, но вся буржуазия не может купить все государство – но только завоевать. Классовая борьба государства и капитала – есть лишь видимый общественный конфликт, который и буржуазия, и государство стремятся представить как единственный. Вопрос политической борьбы стоит так: либо буржуазия диктует правительству и бюрократии линию внешней и внутренней политики, либо же правительство и бюрократия диктует буржуазии свои правила игры. В первом случае государство капиталистическое, во втором – бюрократически-авторитарное, империалистическое (подходящего определения у марксистов нет).

Новый марксизм и коммунисты *за* национализацию буржуазной собственности властью трудящихся, но *против* национализации ее бюрократическим государством. Новый марксизм и коммунисты *за* отнятие политической власти у бюрократического государства государством трудящихся, но *против* передачи ее в руки буржуазии.

Марксистская оценка говорит: в России сегодня *не* капитализм,

власть *не* буржуазная, а олигархия не является правящей *политической* властью. Культивировать эти и подобные заблуждения выгодно третьей силе: центристской, государственной, чтобы, назвавшись народной, создать видимость ее диалектического растворения между трудящимися и либералами, между левыми и правыми и как можно дольше оставаться незамеченной.

Государство – не есть совокупность всех граждан страны. Государство – есть лишь административные институты и их служители. Государственная безопасность – это не безопасность граждан, а есть охрана политической власти как системы. Государство – это чиновники, бюрократия, власть. Чиновничество – как главный враг народа – может оставаться незамеченным только в мутной воде общественной марксистской безграмотности. Обещания центристов о том, что рабочий класс получит улучшения за счет частичной экспроприации буржуазии, – есть демагогия и обман, т.к. *прежде* и экспропрированную собственность, и капиталистические доходы бюрократия возьмет себе; но единожды взяв, она не захочет и не сумеет ими делиться.

Перехитрить марксизм нельзя: никуда не уйти от классовых стремлений к самоутверждению бюрократии как самоценности и самодостаточности. Стремление бюрократии к абсолютной власти – естественное состояние в любом обществе – без решительного противовеса со стороны буржуазии и трудящихся превращается в тоталитаризм: советский, фашистский, абсолютистско-монархический, церковно-инквизиторский.

Нельзя строить иллюзий насчет «смены правительства» или президента. Нельзя строить иллюзий, будто перестановка каких угодно персоналий хоть в малой степени может поменять государственную политику. Ни смена правительства, ни президента, ни губернаторов ничего не изменит – государство до тех пор будет оставаться людоедским, пока рабочие не выступят единым организованным движением. Избрав во власть «хороших людей», сама власть все равно остается эксплуататорской. Классовая система ничуть не изменится, если всех чиновников разом заменить римскими папами, ибо социальная жизнь зависит не от воли обезличенных фигур. Историю делают классы, т.е.

только организованный идей класс, общество, масса людей способны переломить ситуацию, влиять на бытие, в т.ч. и собственное. Разве есть для трудящихся осязаемая разница между сменами губернаторов, министров, президентов, конституций? Любая государственная кадровая политика имеет для народа смысл, лишь если сама госвласть народная.

Нас не усыпят никакие маневры власти; мы говорим, что никакая смена правительств – при сохранении аппарата – не может решить ни одной ключевой проблемы. Коммунисты выступают не за смену лиц во власти, а за смену правящего класса. Не «смена курса» (мол, на другой), а смена государства: с чиновничье-бюрократического на государство рабочего класса, государство трудящихся. Лозунгом коммунистов и всех трудящихся должен быть не «Правительство в отставку!», а «За государство трудящихся!», т.е. в отставку и на помойку весь нынешний государственный аппарат.

Требование «смены курса» госвластью (как и смена правительства) вместо требования революции, т.е. смены государства – есть полное непонимание марксизма. Наивно полагать, что госбюрократия способна «поменять курс» – с эксплуататорского на безэксплуататорский, «народный» или «социальный». Собственник, работодатель не может поменять эксплуататорский курс по отношению к работнику – иначе он перестанет быть капиталистом: собственником, работодателем. Одухотворенный нравственностью хищник никогда не станет травоядным. Любой, самый гуманный, эксплуататор вынужден действовать в жестких рамках эксплуататорской системы для утверждения своего бытия. И капиталист, и государство могут лишь менять маскировку своей эксплуатации и своего паразитизма. Марксистская теория и история говорит, что система государственной эксплуатации не перестраивается, эксплуататорское государство не перевоспитывается и не одухотворяется – оно уничтожается. Никакое, даже самое свежесмененное, правительство в государстве, не усмиреном пролетарской революцией, не может быть народным; даже самый демократический и народный президент не может быть антибюрократическим. Политический курс способен поменять только *новый* господ-

ствующий *класс*. Государственный курс на угнетение народа только организованные рабочие могут повернуть вспять. Что иначе способно сломать государственно-бюрократическое засилье?? Рабочий класс может сменить «курс» собственного угнетения, лишь сломав этот курс вместе с его проводником – т.е. только революцией.

Государственный «курс» в рамках политической *системы* – не есть *тактика* в шахматной партии, а есть *правила* игры, поменять которые можно лишь целиком и полностью сменив систему. Политических систем всего три: власть чиновников, власть капиталистов, власть трудящихся – каждая из которых может быть разных цветов, которыми и объясняется кажущееся многообразие, но никак не смешанная: «левоцентристская» и пр. «Лево/право-центризм» означает обещания левым (правым) при власти бюрократии. Верующие в «лево-центризм» пускай подумают на досуге, что означал бы таковой при крепостном праве?

То же по вопросу о референдумах, петициях и совещательных общественных палатах: как нельзя таковыми ни прекратить, ни смягчить капиталистической эксплуатации, т.е. источник богатства буржуазии – прибавочную стоимость – передать в руки рабочих, оставаясь в рамках капитализма, так нельзя ими и прекратить государственной системы угнетения народа, оставаясь в рамках политической власти государства.

Политическая власть господствующего класса может проводить политику, так или иначе учитывающую интересы двух других противоположных классов, но она никогда не может изменить собственные *приоритеты*, направленные на свое благополучие и свое воспроизводство. Давать двум другим можно только *за счет себя*, но это значит сознательно идти на самоуничтожение. Но уничтожение господствующего класса можно ждать только под ударами двух других оппозиционных классов. Государство, бюрократия и коррупция никогда не уничтожат себя сами. Ответ на вопрос, как побороть государственную несвободу, дает марксизм.

Марксизм рассматривает идеологию и политику классово, т.е. идеологические взгляды не есть разные вкусовые предпочтения, а диаметрально противоположные политики: сокращение рабочих мест

для трудящихся или сокращение администрации и их доходов; государство и капитал для народа или для самих себя; экономика и промышленность для трудящихся или для собственников. Все без исключения вопросы, встающие перед обществом, имеют *разные классовые* пути разрешения. Выгодно ли вступление страны в таможенный союз, ввоз к нам ядерных отходов, проведение Олимпийских игр в Москве? - Чиновникам, бюрократии, власти однозначно выгодно; народу однозначно нет; части буржуазии выгодно, другой части нет, и т. д.

И экономика, и все воспроизводство жизни требует труда рабочих, и первый политический вопрос – как происходит распределение национального богатства. Повышение эффективности производства увеличивает прибыль лишь *собственникам* этого производства. Для чего капиталистам сильная и мощная промышленность в стране? - Чтобы извлекать капиталистическую прибыль, экономически и политически не зависеть от бюрократии. Для чего бюрократии промышленность? - Чтобы извлекать с этого собственную прибыль, облагая капиталистов налогами. При этом государственная собственность нужна государству затем, чтобы поскорее ее продать, сдать в аренду или иным образом переложить груз ответственности за нее на капиталистов, на акционерный капитал, сохраняя свой, государственный, чиновничий контроль над прибылью. На словах – чтобы платить зарплату бюджетникам и на социальные программы. Каждый, кто задумается о классовой структуре общества, поймет, что это обман и лицемерие. Но представители эксплуататорских классов пытаются убедить общество, что заботятся и интересуются нуждами рабочих по «моральным» или державным соображениям. Ни государству, ни буржуазии, ни самым державным державникам *не нужна* экономика России, как и Россия в целом, если она будет принадлежать *не им*, а народу, рабочему классу, трудовым коллективам.

Для чего рабочему классу сильная экономика в стране? - Также для собственного богатства, для пользования результатами своего труда. Но для этого рабочий класс прежде должен стать правящим. Все блага цивилизации созданы трудом – именно: трудом рабочего класса.

И весь вопрос в том, в каких руках находится распределение результатами труда рабочего класса и в чьих интересах.

Величина общественного богатства – вопрос третий. Первый вопрос – *кому принадлежит* это богатство, вопрос второй – как и на что оно тратится. Центристы пытаются миновать первые два вопроса, т.к. именно они раскрывают классовую сущность экономики в стране и разоблачают эксплуататорскую суть бюрократии. Государство, бюрократия, центристы больше всего страшатся классового анализа их деятельности и их классового разоблачения. Марксисты, коммунисты, рабочая партия – единственные, кто стремится к максимальной классовой ясности. А классовый анализ общества очень прост: три класса, три антагонизма, три врага: трудящийся класс – буржуазный класс – бюрократический класс. Все прочие теории, дискуссии, круглые столы нужны лишь для того, чтобы засыпать словесной шелухой голый нерв классового противоречия, чтобы заболтать разворачивающуюся классовую борьбу.

Товарищи рабочие! Коммунистическая идеология предельно ясна: борьба трудящихся за свои права. Мы не дадим отвлечь себя всякой болтовней от классовой борьбы. Товарищи рабочие! Цель нашей борьбы – социализм, т.е. *государство трудящихся*.

Власть, т.е. администрация, государство, бюрократия, заинтересована в налогах, поборах, взятках, вымогательстве и т. п. Предпринимательство, бизнес, капитал заинтересованы прямо в обратном: низких налогах, прозрачности властных структур, соблюдении государством законов и т. п. Задача коммунистов – доводить до сознания общества мысль и многократно повторять ту истину, что бюрократия – это *не* буржуазия, что государство и капитал также враждебны народу, как и между собой. Современное российское государство – *не* капиталистическое, *не* буржуазное, а административно-бюрократическое (пока нет в марксистской теории более подходящего определения), эксплуататорское – это пока мягкий вариант тоталитаризма, т.к. все-таки контролируется крупной буржуазией. Вся бюрократия и ее государство навсегда враждебны рабочему классу, как и буржуазия, как и буржуазии.

Три класса понимают патриотизм и национальные интересы по-

разному, взаимопротивоположно. Капиталист никогда не станет рабочему братом; и чиновник, правительство, государство, центристы никогда не найдут поддержки в марксистски просвещенном рабочем классе. **Национальная буржуазия так же враждебна народу, как и национальная бюрократия.**

Бюрократия, государство, правительство и коррупция черпают вдохновение и опыт во всей прежней истории эксплуатации и самоуверенно полагают, что им всегда удастся безнаказанно обманывать народ. Марксизм говорит: нет – и дает оружие в борьбе против них. Бюрократии всегда приходилось надеяться на свою хитрость, на маски, на церковь и на невежество народа. А что остается, когда все маски перепробованы, хитрость разоблачена, а невежество развеивается образованием, просвещением и наукой??

Полицейская государственная власть нынешней России, сознавая, что никогда не найдет поддержки ни у народа, ни у буржуазии, неизбежно обратится за легитимностью к церкви. Церковь всегда готова отдаться государству; примеры, кои мы видим постоянно, будут множиться. Зная из мировой истории, что всегда церковь понимала только язык силы и послушно освящала любую утвердившуюся власть, русский рабочий класс, желая быть божественно освященным, сам должен стать властью.

IX-1. Не наше государство

О том, что вопрос о государстве – наиболее сложный вопрос всей общественной науке и сознательно запутываемый господствующими классами, неоднократно подчеркивал Ленин в лекции о государстве. «Уж вопрос-то о государстве мне совершенно ясен: я патриот, потому я государственник» – полагает твердолобый обыватель, любящий с безделья порассуждать на вумные «политические» темы, – и попадает на удочку центристов. Просветительная задача коммунистов – неустанно разоблачать всякие «патриотические» сказки о «народном государстве» и государстве вообще. Распространенный предрассудок о

государстве как синониме страны, державы и власти, охраняющей правопорядок и тем защищающей интересы народа, – есть наиболее вредоносное предубеждение, с которым предстоит вести беспощадную борьбу безо всякого снисхождения, наплевав на прежнюю коммунистическую риторику, не боясь обидеть наших стариков и не боясь обвинений в «непатриотизме».

Держава – это народ + культура + территория + политическая власть (государство). Государство – есть часть общества, т.е. *группа лиц*, стоящая над обществом, репрессивная машина, аппарат принуждения. Не всякий, говорящий: «Господи, господи!», войдет в Царство небесное; не всякий, называющий себя коммунистом и повторяющий: «Ленин–Сталин» разумеет диалектику сегодняшнего марксизма. Наши горе-коммунисты рассуждают: раз Сталин – классик марксизма, создал сильное собственное государство, назывался коммунистом и был государственным, то марксизм-де заключается в том, чтобы всегда, во все времена и во всем поддерживать «государственные» интересы и что быть коммунистом – значит быть государственным. Но именно марксизм говорит о том, что нет ничего опасней ослиной идеологии – тупого следования раз и навечно вдолбленной догме.

Государственники – всегда антинародники, потому что государство всегда антинародно. Государство – понятие ругательное. Государство грабит страну. Страна, Россия – это наша земля и народ. Государство – есть часть народа; именно: *эксплуатирующая* рабочий класс часть народа.

Государство – есть политическая власть, право, аппарат управления. Сегодня те, кто по воле или дурости по любому поводу произносят речевку: мы – государственники, мы – за сильное государство, тем самым говорят: вся власть – *существующей* власти, т.е. никакой смены власти, никаких перемен. Выступать за государство – значит поддерживать существующую власть. Трудно и долго выколачиваются из умов предрассудки; но у нас хватит терпения. Необходимо отсекал безжалостно лозунги, идеи, убеждения и теории прежних времен, не отвечающие нынешним условиям, переубеждать тех, кто готов и умеет думать, ретроградов разоблачать как бессознательных

пособников врагу, и отсекают твердолобых как балласт.

Требование горе-коммунистов о сильном государстве, «государстве вообще» – вне времени, внеклассово – есть наибольшее долболобство, какое можно только представить. Если государство рабовладельческое, или фашистское, или поповское – вы тоже станете содействовать его силе и процветанию? Выступать за сильное государство рабочие должны *только* после того, когда у нас в стране государство станет *нашим*: не капиталистов, не чиновников, а нашим, т.е. завоеванное нами в борьбе, завоеванное нашим трудом, нашим трудом создаваемое и нами контролируемое, защищающее только наши интересы.

Государственники-антинародники разоблачаются не моральными критериями, а классово. Не вопрос, патриот ли государев изменник Курбский или нет. Он – враг того государства и государя, но не враг народа. Истинные враги народа – патриоты-государственники Иван Грозный, Петр I, Сталин и подобные государственные иерархи рангом ниже. Трагедия народа в том, что во главе державы всегда стояло не народное Вече, не Земский собор, не Советы, а государство и его аппарат. Иного и помыслить было невозможно. Узурпировав политическую власть, государство называло себя державой. Борясь за державу, бюрократия борется за удержание собственной власти; народу нет интереса им в этом помогать.

Марксизм указал народу выход – коммунизм. Единственная сила, способная вывести народ от угнетения – организация самих трудящихся, партия рабочих и власть народа. Сегодня мы *не* хозяева своей земли, рабочие *не* хозяева своего труда, русские *не* хозяева своей страны, народ *не* хозяин своей судьбы. Сегодня Россия оккупирована чуждым народу государством – государством анти-народным, анти-русским, анти-социальным. Но при этом рабочих не должны вводить в заблуждение лозунги о народном, русском или социальном государстве, звучащие из поганого рта зажавшегося чиновника, «лево-центриста» и «социал-демократа». Это – обман.

Власть – это привилегия говорить от имени народа. Власть центристов-чиновников заключена в возможности говорить от имени

государства как от имени народа. Сегодня российский рабочий класс, русские люди, коммунисты должны понять ошибочность и безжалостно снять враждебный лозунг о «государстве» и «государственности» именно потому, что **сегодня государство не наше**. Власть в стране захватили оккупанты, чуждые народу инопланетяне, незнакомцы с резиновыми лицами, которые от нашего имени, от имени России и ее истории хозяйничают в нашем доме и пожирают наше богатство. Именно *они* сегодня – государство. Именно *их* сегодня государственность.

Мы – *не* государство, мы – страна, мы – народ; государство – это *они*. Те, кто говорит: «мы, государство» – есть наши классовые враги. С врагами нужно вести войну. Для своего освобождения нашему народу и всем нашим народам необходимо осознать ту истину, что главный враг сейчас – не капитализм, ибо он все меньше имеет политической власти, а нынешнее *государство*. Осознав это, мы должны быть первыми врагами патриотизма как величия и могущества *этого* государства. Разбив, разломав, задушив его (например, полностью и активно отказав ему в поддержке), трудящиеся и все народы нашей страны провозгласят *собственное* государство – истинно народное государство трудящихся и начнут строить царство свободы. *Вот тогда* мы станем патриотами нашего, своего государства, будем бороться за его славу, величие, мощь и процветание, восславим историю великого народа и проклянем то время, когда у себя в стране, на своей земле нас лишили Родины и вынудили быть не патриотами. Пока же сила государства, оккупировавшего нынче страну, в которой мы живем, которой отдаем свой труд, приносит народу лишь угнетение.

История учит, что каждый пришедший к власти класс, обюрокрачивается и становится «консервативным». Нас не должно удивлять, что вчерашние анти-государственники (т.н. «демократы»), плевавшие в советскую государственность, разрушавшие страну под лозунгом «денационализации и разгосударствления», сегодня вдруг оказываются *прогосударственниками*, заговорившими о державности и об отечестве. В социалистической советской России не было (или не должно было быть) места мерзавцам и пронырам, потому *прежняя*,

наша, социалистическая Россия, которую мы потеряли, не была *их* страной: таких, как они, мы тогда презирали и считали дерьмом. Пришедшая к власти под флагом радикального либерализма нынешняя бюрократия вдруг стала «консервативной». Сегодня у московских властей нет в мыслях плевать в историю, будоражить народ, изымать из продажи сигареты и мыло и гноить на помойках продукты питания, как это делали они же еще недавно, чтобы вызвать ненависть народа к советскому государству. А сегодня это *их* страна и ими, короедами, изгрызенная. Сегодня в России государство *не наше*. Точно так же пришедшие к власти в России большевики первое время распоряжались царскими ценностями как не своими. Подобное стало невыносимым, как только произошло самоосознание новой власти.

В то время, когда в стране государство не наше, быть государственным патриотом – все равно что быть патриотом чужого бизнеса или чужого имущества. Мы не патриоты чужого патриотизма. Абсолютно враждебен нам лозунг горе-патриотов: «мы – за сильное государство», ибо «государство вообще» (без уточнения, *какое* государство) понимается как *существующее* государство и существующая власть. Существующее ныне государство абсолютно враждебно народу. Поэтому улучшение мы можем понимать только как полное уничтожение.

Марксизмом раз и навсегда развенчана и брошена в помойку «святость» государства (как власти вообще, как и церкви). Государство не исключительная и не вечная монополия бюрократии. Например, капитал мечтает о *государстве буржуазии*, где чиновничество лишь придаток: холуи и наемные администраторы (как в самом начале 90-х годов). Социальное примирение хозяев и рабов невозможно. Вопрос может стоять только так: либо сохранение своей государственности нынешней бюрократией, либо обретение государственности российским трудовым народом. Пустое и абстрактное понятие *народовластие* марксизм наполняет классовым содержанием. Коммунисты, марксизм выдвигают своей задачей создание *государства трудящихся*, где капиталисты – лишь экономические единицы, а прибавочная стоимость и трудовые отношения целиком находятся под контролем диктатуры

(власти) рабочих: трудовых коллективов, Советов, заводских комитетов, выборных депутатов рабочих.

Гражданская позиция – есть стремление к классовой борьбе за государственность *собственного* класса. При сегодняшнем авторитаризме все те, кто называет себя государственниками, без уточнения классового *типа* желаемого государства – если не откровенные защитники нынешней казенной системы, то откровенные болваны, не знакомые с основами марксизма, на радость господствующей власти путающие и смешивающие идею русской державности с существующим административным аппаратом (вертикалью власти). Это все равно, что называть себя сторонником классовой борьбы без указания, на чьей стороне. И важно не то, что эти честные, но безграмотные болваны под государственностью *«подразумевают»* мечтаемый возвышенный идеал, а важно то, что они преступно поднимают вражеский флаг. Любые слова означают лишь им присущий смысл, а не то, что под ними *«подразумевают»* говорящий. Оправданием мудакам может служить только то, что революция в сознании – это процесс, требующий не только воли и усилий, но и времени, пока изменившееся содержание перестанет именоваться прежним названием.

Без диалектики формальная логика ведет в тупик, как и все вневременные, внеисторические «вечные» истины. Клятвы во здравие немецкой государственности во времена фашистской Германии прямо тождественны крикам «хайльгитлер». Безопасность власти обеспечивает диалектическая безграмотность населения. Совершенно понятно, кому выгодно отлучать народ от знаний и выступать за преподавание в школах истории суеверий и верований вместо логики и диалектики.

Мы не считаем государство божественным, а рассматриваем правителей плодом рук человеческих. Поэтому принимать всегда, априорно «государственную» сторону: Грозного против Курбского, Сталина против Троцкого – есть позиция самая мерзавочная, рабская, ибо после Рюриковичей все Лжедмитрии на Руси.

Государственность в менталитете объясняется давними традициями и выветривается так же долго и трудно, как любой предрассудок. Форма давно изменилась, но сознание по привычке

остается старым. Одной из причин тотального влияния государства на жизнь общества является сидящее в людях рабство и первобытный страх перед стихией народа и общественного развития как перед стихийными силами природы. Осознав и проанализировав эти страхи, осознав и поверив в собственные силы, люди смогут подчинить своей воле собственные судьбы – наплевав на воландовские софизмы. Общество может быть организовано не только под тотальной пятой государства, претендующего на божественность и сакральность, а на основе человеческого разума.

Коммунисты с советских времен тоже в душе государственники, но мы всегда уточняем, что наше стремление – государство *трудящихся*, хотя изначально марксизм диалектически отрицает историческое будущее института государства. (Здесь, как и везде, мы обходимся без ленинских цитат из «Государства и революции», но всегда подразумеваются все хорошо известные марксистские формулировки и оговорки из этой книги). Марксистский идеал отрицает будущность государства, ибо государство – это всегда *не свобода*, всегда подавление. Слово «тюрьма» – слово ненавистное, но термин «тюрьма для бандитов» – гораздо приятней. Государство – это правительство и чиновничий аппарат; и как бы ни называло оно себя социальным или народным, государство – враг. Но государство *трудящихся*, т.е. рабочий класс, обративший кулаки против своих угнетателей, – это есть государственность, всей своей мощью стоящая на защите рабочих. Муравейник или пчелиный рой – есть пример коммунизма: **здесь нет государства**, т.е. касты, возвышающейся над обществом.

Истинный, коммунистический патриотизм сегодня – это ненависть к существующему государству и его патриотизму. Стержнем нынешней марксистской пропаганды является задача вытравить из общественного сознания знак равенства между двумя понятиями: страна, держава, Родина и государство, правительство.

Мечта государства как коллективного чиновника – убедить народ принять существующее государство в качестве отчизны, родины. Русские коммунисты говорят, что наша родина – будущая свобода,

Советская Россия. Госбюрократии, госвласти выгодна пропаганда патриотизма лишь в случае отождествления государства с понятием родины. Своим патриотизмом и на фоне патриотизма чиновники и центристы рекламируют себя. Паразитируя на святой любви народа к родине, любая госвласть пропагандирует патриотизм с той целью, чтобы народ молился этой власти. Также, тысячелетия эксплуатируя темность народа, церковники добились того, что люди, искренне полагая, что молятся богу, в действительности молятся церкви. Центристское понимание патриотизма заключается в почитании государства как торжественного штандарта, в понимании всей истории страны как истории и заслуг правителей и воздании почестей за героизм народа чиновникам.

Патриотизм имеет смысл лишь как определение классовое. Патриотизм одних является антипатриотизмом для других, патриотизм и патриоты одного класса прямо враждебны патриотизму и патриотам другого класса. Умников, стремящихся к неклассовой политике, не выручает и оговорка, что они «патриоты России», – возникает вопрос: *классово* чья Россия? При нынешней полицейской власти коррупционно-чиновничьем беззаконием, произволом и ложью дискредитировано даже святое понятие «Россия», ибо под ним нынче именуется всякая мерзость. Нет ни одного коррупционера, у кого за спиной не было бы российского триколора. Центристы, защитники государства, под интересами страны и России именуют себя.

Товарищи рабочие, лишь политической борьбой коммунистической партии мы добьемся того, что под интересами нашей страны, народа, России, державы будут пониматься только интересы трудового народа, нашего класса – нас самих, наших детей и наше будущее. Ежеминутно нужно об этом помнить.

Еще большие тупоумы, кто объявляет себя «патриотами государства». Строго говоря, государственники – это все те, кто в данный момент у руля государственной власти, – ни больше, ни меньше, – чьи личные интересы прямо совпадают с государственными; а государственный патриотизм – это когда государство безмолвно взирает на все беззакония в стране и само творит произвол, а народ не

организовывается для протеста и из чувства патриотизма не долбаёт эту власть. Диалектически вопрос всегда в том, что чему противопоставляется. Ежели именующие себя «патриотами-государственниками» в своей противоположности подразумевают прохвостов-шарлатанов, то и те и другие *не политические* силы.

Тезис о государственном интересе, о государственности, о «сильном государстве» и т. д. – абсолютно пустой и беззубый без ответа на вопрос: чье государство? государство какого класса? *кто* есть государство? *какие люди называют себя государством?* Равным образом не объясняют ничего понятия: государство – народное, свободное, справедливое, русское, православное и т. п. В словах «государственная политика правительства» не больше смысла, чем в выражении «политическая политика»: государство не может проводить *антигосударственную* политику – так же, как и народную (социальную). Имеют вес лишь классовые определения: государство бюрократии, государство капиталистов, или же государство трудящихся, защищающее человека, его труд и результаты его труда.

Классовое государство трудящихся уже подразумевается как свободное, народное и т. д. Такое государство не может быть даровано нам чиновниками сверху, тем более с их призывом подождать очередные 10 лет. Государство *для* трудящихся может быть построено лишь самими трудящимися, имеющими для этого политическую власть.

Россия *как государство* (т.е. понимаемая политически), как любое государство, всегда классово определена. Есть Россия самодержавная, есть Россия Советская. Другой России не бывает. Если Россия семибоярская, временно-правительственная, державно-ельцинская – значит нет России; государство есть, а России в нем нет.

Слова-пустышки: патриотизм, народность, социальность имеют право на существование *только* с обозначением классовой принадлежности: патриотизм русских рабочих, социальность российской буржуазии, народность российской бюрократии. Трудящимся, народу, русским людям однозначно враждебен и отвратителен патриотизм демагогов-центристов и бюрократии. Внеклассовый патриотизм всегда означает «банзай» *существующей* госвласти, даже если «внеклассо-

вые» патриоты не осознают этого.

Нечего удивляться, что бюрократия «крадет и перехватывает» у коммунистов антибуржуазные лозунги. Это также естественно, что буржуазия «крадет» антибюрократические лозунги. Никакой кражи здесь, конечно, нет, а есть борьба классовых интересов и созвучность некоторых интересов в борьбе против общего классового врага. Не удивительно будет вскоре услышать от чиновников, «державников»-центристов прямую антибуржуазную, антикапиталистическую риторику. И даже социалистическую. Одного «патриотизма» вскоре окажется мало. «Левосторонние» социал-демократы (на словах – радетели за благо народа, на деле – прислужники махровых полицей-государственников) были бы рады вмиг развернуть все социальные лозунги, если бы не были заблокированы коммунистами. Лишь коммунисты, не забывшие Ленина, блокируют полицей-центристов выступить с лозунгами за рабочих – потому они и вынуждены ограничиваться лозунгами обще-«народными». Нынешняя российская бюрократия хоть сегодня готова вытащить на свет божий все брежневские лозунги. Нет такого политика, который бы не стремился позащищать «национальные интересы», но социальная подоплека у всех разная – разные интересы; поэтому всегда следует интересоваться, чем руководствуются его оппоненты, защищая те же лозунги.

Если эта временная власть вздумает поставить памятник Дзержинскому и Сталину – мы радикально против; мы за эти памятники, когда они будут поставлены властью нашей, советской, рабочей, социалистической и русской. Кто не понимает этой принципиальнейшей, коренной разницы, для того диалектика есть пустой звук. Сегодня не нужно никакой смелости, чтобы играть музыку Советского гимна: это – официальный гимн правящей бюрократии. Коммунистами понимаются национальные интересы страны и народа всегда в противоположность и власти государства, и прибыли буржуазии.

Политическая власть рабочего класса – это далеко не то же самое, что «политические права граждан». Лозунг коммунистов – политическая власть рабочего класса. Это прямо значит – власть класса, власть *рабочего* класса, *политическая* власть рабочего класса. Комму-

нисты требуют, чтобы в лексиконе президентов и министров звучали слова: рабочие, рабочий класс, класс трудящихся; интересы рабочих, интересы рабочего класса; экономические интересы трудящихся; политические требования рабочего класса. Рабочий класс своей борьбой *заставит* – сначала буржуазию, затем и госвласть – произносить эти слова. Власти легче иметь дело с «жителями» и «гражданами», чем с трудовыми коллективами, рабочей партией и Советами трудящихся. Сотни способов есть у центристов и госвласти, чтобы всячески обходить марксистское упоминание терминов «рабочий класс» и «наемные рабочие»: граждане, простой народ, население, широкие массы, все слои общества и т. д. Эти понятия имеют право на существование, если при этом добавлять и подчеркивать, что в противоположности имеются два других, враждебных друг другу и народу, класса с противоположными интересами. Когда центристы и госвласть говорят о народе, необходимо сразу спрашивать: «и чиновники тоже? и олигархи тоже? какие при этом их интересы?».

Чиновничество ведет антилиберальную, антибуржуазную пропаганду для утешения рабочих, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе против капитала с целью заполучить этот капитал. Однако, в эксплуататорском обществе всякий капитал, в чьих бы руках он ни находился – государства или буржуазии – всегда служит угнетению рабочих. Эксплуататорские классы кормят рабочих обещаниями: буржуазия – повысить зарплату, администрация – повысить соцгарантии; все – под вывеской прав человека, социального государства и проч. Рабочие не имеют права верить ни единому слову чиновника, но всегда следует искать причину: чего он добивается? Например, какой-нибудь закон против курения: принесет или нет он пользу народу – неизвестно, зато реальные деньги от штрафов бюрократия начнет получать сразу.

Государственный гнет отличается от капиталистического лишь по форме эксплуатации. Ибо в тысячный раз – и не в последний – нужно повторить, что понятия: а) наша страна, держава, Родина, Россия и б) государство – *не* тождественны. Интересы нашей страны, державы, будущее Руси и народа – это не есть интересы государства; наоборот: они противоположны. Нашей страной государство пользуется и

распоряжается *в своих* интересах, в интересах чиновников и бюрократии.

Оценивая политика, нужно смотреть: трудится ли он для блага нашей страны или же для блага своего государства, понимаемого им как его должность. На кой нам сдался «губернатор-коммунист», если он обещает и планирует какие-то улучшения *в рамках существующего угнетения*? «Губернатор-коммунист» хорошо знает, что при власти рабочих он своих сегодняшних благ чиновника иметь не будет; более того – с него взыщется за все несправедное. Никто не станет выступать, бороться и погибать за блага других, уже имея эти блага. Внимая разглагольствованию центриста о благе народа, следует спрашивать, хорошо ли он сам устроен в существующей системе. Если хорошо – значит желать радикального улучшения для трудящихся он не станет. Это ему ни к чему – заинтересованности никакой; во всяком случае, если беззаветное служение народу не является его увлечением.

Понятна и объяснима материальная заинтересованность рабочего и капиталиста в поднятии промышленности, в повышении производительности труда и т. д. Но какова степень заинтересованности отдельного чиновника вообще и всей бюрократии в целом в развитии производства? Они пытаются убедить общество, что их заинтересованность «нравственная» – патриотическая, духовная и проч. Ничто не мешает одухотворенным национальной державностью центристам законно проводить в жизнь антинародные законы.

Ни один, даже самый пречестный, препорядочный, предродовый чиновник или политик-центрист не в силах прекратить государственный беспредел, эксплуатацию народа, разорение села, нищенскую зарплату трудящихся; никакие «красные губернаторы» ничуть не опасны для антинародной власти, – все они сами часть этой власти. Задача – народный контроль – безжалостно уничтожать своих перерожденцев, прежде получивших наше доверие, вздумавших, оказавшись на высоком посту, говорить о «партнерстве» представительств трудящихся и государства.

Коммунизм как идеал, власть *всего* народа (большинства народа, трудящихся) – это «открытое» общество. Никто не может

сказать обратного. Тоталитаризм как сплошная государственная власть (номенклатурная, партийная, теократическая) – это общество закрытое, глухое, тухнущее. Государство сильно своей закрытостью от народа; тем оно и преступно. С согласия центральной власти наша страна, народ отданы на разграбление милиции и местной администрации – собирая дань. Ничего другого в обмен на поддержку власть своим сатрапам предложить не может. Поскольку существующий хаос гарантирует бюрократии сохранение их привилегий, они будут всячески защищать его.

О том, что в любом обществе есть *три* взаимоположенные силы: капитал, государство и армия труда, коммунисты должны повторять день и ночь, пока это не станет всеми осознанной аксиомой. Так, в нашем обществе есть три класса: буржуазия, бюрократия и рабочие – соответственно защищающие свои интересы. Эти интересы непримиримы: интересы капитала и капиталистов, интересы государства и бюрократии и интересы труда и рабочих. Вместе им не сойтись. Врагом является любой, проповедующий классовый мир.

Вооруженному триалектикой марксисту не составит особого труда разоблачить невразумительные оправдания центристов о том, что государство-бюрократия-коррупция приносят больше пользы, чем вреда, совершают больше благодеяний, чем преступлений, и о том, что было бы, «если бы не было государства» и т. д. Только лицемерие под разными словесными масками позволяет госвласти пудрить мозги наивной буржуазии и народу. Марксизм – мощнейшее интеллектуальное оружие; ставка на марксизм – беспроигрышный вариант.

Х-2. Государственная диктатура бюрократии

Истина всегда конкретна, абстрактные лозунги пусты и вредны. Взятое само по себе требование сильного государства и лозунга государственности – есть пошлая и тупая долболобость не желающих думать болванов; это такая же вредная глупость, как требовать всегда солнца или всегда дождя. Первый вопрос, который надо сразу же

задавать этим умникам: *какое* государство? *чье* государство? государство *какого класса*? А если в вашей стране государство прямо бандитское или церковно-инквизиторское, а если во главе государства Лжедмитрий, или государство в руках партии панков – и в этом случае вы скажете, что вы «государственники», что вы за сильное государство и за безусловное укрепление этого государства? Тогда как по-вашему должен был вести себя непатриот-негосударственник в фашистской Германии? Или вы полагаете, что *любое* государство, не ломая, можно превратить в народное, социальное и пригожее?

Самодержавию, помещикам, дворянам не нужна великая *Советская Россия*. Зачем монархистам-державникам *сильная советская держава*? Зачем рабам (крепостным крестьянам, наемным рабочим) сильное рабовладельческое (феодалное, капиталистическое) государство? Наоборот: угнетаемые всегда люто ненавидят силу своих угнетателей, и воспеть ее могут либо долболобы, либо ублюдки. Рабочие не имеют отечества – это значит, что классу трудящихся не нужно сильное полицейско-бюрократическое или буржуазно-демократическое государство. Оно защищает *не нас*, а наоборот, защищает правящие классы *от нас*. Оно прямо враждебно трудящимся, так же как и государство трудящихся будет враждебно бюрократии и капиталистам. Зачем сегодня трудящимся сильная полиция, не защищающая трудящихся, и сильная администрация, не подконтрольная гражданскому обществу? И рабочим, и буржуазии (поскольку они не у власти) совершенно не нужно и ненавистно это государство. Укрепление государства, поскольку оно не наше, укрепляет нашу несвободу. Все его успехи возможны только за наш счет и направлены против нас.

Что есть отечество? Государство, власть называет себя отечеством. Каждый сознающий себя класс готов ценой своей крови защищать *собственное* благополучие – свою власть, свою собственность, свой труд. Поэтому и рабочий класс вовсе не собирается защищать благополучие иных классов – ни капиталистов, ни бюрократии – именно благодаря которым он и не имеет собственного благополучия; тем более умирать за чужую собственность и чужую власть,

которую власть называет отечеством. Это не наше, это их отечество: их власть и их собственность. Неужто, коль поменяла бюрократическая власть флаг и закон, то нашим солдатам стоит умирать за освященную новой конституцией и попами собственность спекулянтов и благополучие казнокрадов, называемое ныне отечеством?

Бытовое употребление слова государства как синонима державы, общества, страны, в которой мы живем – есть ошибка, приводящая к коренному заблуждению. Сильное государство сегодня – есть бесконтрольная власть налоговиков, милиции, администрации, министров, их помощников и зама, т.е. власть зажавшихся чиновников. Нашим лозунгом сильное государство станет *только после* (и никак не раньше) *перехода* политической власти в стране к представителям трудящихся, в лице выборных органов, для создания государства трудящихся. Даже в житейском разговоре смешивание понятий: страна, общество и государство – приводит к опасной логической ошибке: «мы живем в государстве» – а раз ясно, что не нужно разрушать то, где мы живем, значит не нужно разрушать это государство, – но это и означат оставить в покое весь существующий административно-бюрократический аппарат.

В условиях классовой борьбы «сильное» государство, может означать лишь «антивандальное» государство, как его самооборона для защиты от нападений со стороны ненависти народа. Хотя, разумеется, пропагандистское объяснение для этого – поддержание правопорядка. Государством содержится милиция – для защиты государства и собственности от народа, армия – для защиты того же государства и той же собственности от других государств; оба эти института служат народу лишь по остаточному принципу. Сильная буржуазия – есть всевластие денег; сильный рабочий класс – есть организованная армия труда, с которой *вынуждены* считаться и буржуазия, и администрация. «Сильное государство», строго говоря, это безответственная бюрократия, не подконтрольная народу, и коррупция.

Капиталистам не может прийти в голову выступать за сильные рабочие организации, боевые и сплоченные трудовые коллективы, революционные стачкомы, единые по всей стране забастовочные

комитеты, а также за сильную госадминистрацию. Чиновникам никогда не придет в голову требовать самостоятельной и независимой от них буржуазии, а также организованного рабочего движения. Только идиот может желать кнута над собой; только полному идиоту безразлично, «сильная рука» будет за него или против него. Капиталисты мечтают о сильном государстве капиталистов, чиновники – о сильном государстве бюрократии. Рабочие выставляют лозунг государства рабочих, государства трудящихся, делая основной акцент на слове *трудящихся*. Совершенно понятно, что «сильная рука» президента не народного государства, представителя и защитника бюрократии, народу тысячу лет не нужна; такой президент пусть лучше будет слабый и слюнтявый. Достоин презрения крепостной, который бы сказал, что «лучше государство крепостное, чем никакого; это государство плохое, но лучшего у нас нет – потому пусть остается это». Жалок был бы неграб, который ратовал бы за сильную власть и великое рабовладельческое государство, которое как раз и побивает его плетью. Поэтому все сегодняшние «государственники» – прямые враги народу, трудящимся и стране, или же наивные дураки (если сами не в госдолжности). Если кто говорит о себе: «я патриот, я националист, я державник» – и ставит на этом точку, полагая, что это вполне достаточная политическая позиция, мы говорим: это – долболоб и осел, не понимающий путей и необходимости борьбы за права трудового народа. Зато наоборот: когда восставший трудовой народ повыгоняет из Кремля мерзавцев, когда рабочий класс станет властью в стране, врагом будет считаться тот, кто скажет, что не патриот трудовой народной власти.

Поддерживать ли нам государственных патриотов в такой-то стране? - Это смотря по тому, какое там государство, в руках какого класса там политическая власть. Если власть у местной буржуазии или бюрократии, то народу, рабочему классу и коммунистам – и нашим, и ихним – такое государство враждебно. Если власть у партии трудящихся – такое государство будет поддержано рабочим классом всех стран.

Коммунисту быть «в теории» государственным или державником и активно защищать далекую *будущую* социалистическую государственность уже сегодня, т.е. в то время, когда у трудящихся *нет*

своего, социалистического, государства и своей державы, – значит улететь из реальности, из практической жизни в фантазию. Быть государственным, не имея своего собственного государства, равнозначно требованиям коммунизма и демократии на Марсе. Реальная борьба означает активное принятие одной из сторон сегодняшних классовых сил в классовой борьбе. Нет смысла говорить об очередных задачах советской власти, не завоевав советской власти.

Патриотизм может пониматься только как приверженность к *настоящему, существующему* положению вещей в стране. Абсурден патриотизм к России прошлых или будущих веков; такой патриотизм *политически* бессмыслен. Потому лозунг государственного патриотизма, национально-государственной идеи на деле означает, что не надо долбать *существующую* власть, оставить нынешних госчиновников в покое, на своих местах, сохранить систему в целостности. Что может быть более желаемого и радостного для бюрократии, чем тиражировать госпатриотизм? А мы говорим, что надо со всей ненавистью долбать любую административно-бюрократическую власть, даже маскирующуюся народностью и социальностью. Поэтому «государственная идея» сегодня, при власти номенклатуры, реакционна.

Народу, трудящимся враждебна любая не социалистическая власть, поэтому мы говорим, что бесполезны «хорошие» законы при *ненародном* государстве, что бесполезно менять чиновников местами, нужно разрушать и менять систему. Никакого «консерватизма», никакой «стабильности». Завтра организованный рабочий класс, партия трудящихся придет к власти (т.е. сама станет государством), и вот тогда – *и только тогда* – государственная идея в один момент станет прогрессивной, ибо будет означать государство трудящихся, власть народа. Вспомним слова Ленина: «*Мы – оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы – за защиту отечества с этого дня*» [Ленин, **35**: 395]. Никаких противоречий, никакой лицемерно-конъюнктурной смены тактики: днем мы пуритане, ночью – распутники. Не понимать этой диалектики и уже сегодня, когда не трудящиеся, а чиновники являются государством, говорить о «государственном патриотизме» – значит объективно выступать добровольным защитником этой самой антина-

родной власти.

Лозунг государственности и его вариации всегда принадлежит господствующей власти, правящему аппарату, в чьих интересах туман в мозгах его потенциальных ниспровергателей. Нашим этот лозунг станет тогда, когда организованный *рабочий класс сам станет государством*. Патриотизм и национализм сразу же станут первоочередной задачей, когда будет ликвидирован антагонизм классов, когда народ будет жить в своей стране без врагов. Коммунисты, рабочие, все трудящиеся мгновенно станут государственниками на следующий день после истинно русской коммунистической революции – начав строить свое, рабочее национальное коммунистическое государство, защищая *свою* власть, свои экономические интересы, *свое* государство, стоящее на защите *их* семей, их детей. *Наше* государство – это *наши* суды против бывших чиновников и рвущихся к власти спекулянтов. Это церковники пускай говорят, что всякая, абсолютно всякая власть от бога. Но ведь мы называем себя коммунистами, – коммунистам следует мыслить диалектически.

Летом 17-го года Ленин снял лозунг «Вся власть Советов» именно потому, что Советы были в руках меньшевиков и эсеров. И много позднее, когда Советы стали послушным органом советской бюрократии, этот лозунг также перестал отвечать интересам рабочего класса. Нет и не может быть вечных лозунгов, как бы красивы они ни казались. Как во времена самодержавия большевикам нелепо было выступать за «сильное государство», ибо *то* государство их вешало, так и сегодня коммунисты не должны выдвигать вчерашних лозунгов.

Когда чиновник говорит о любви к народу, это понятно – свою паразитическую сущность он вынужден маскировать словами о патриотизме, справедливости, социальности и т. д. Но когда *простой человек*, не имеющей ни госдолжности, ни капитала говорит о своей любви к «своему государству» (или к своему начальству) – не может быть ничего более мерзостного подобной безграмотности, интеллектуальной беспомощности и рабской сущности. Под понятием государства «подразумеваемая» страну, державу, и нашу Россию, люди сами подставляют голову своим палачам, ожидая увидеть в них своих спасителей.

Именно потому марксисты во все времена говорили, что главный враг народа – тьма, безграмотность, бескультурие, мракобесие, черносотенство и поповство.

Разве не понятно, кому выгодно обольванивание народа кроссвордами, бульварным чтивом, гороскопами, телесериалами, попкультурой и пошлой эстрадой? Это – не безобидная безвкусица, не злой умысел каких-то лиц, которых «бес попутал». Оглушение народа – это самозащита эксплуататорских классов. Каждодневная, непрерывная потребность власти и буржуазии – всеми доступными мерами, звонкими погремушками заглушать классовую борьбу в обществе: яркими фантиками патриотизма, национализма, футбольного или любого другого фанатизма, религией и т. п. отвлечь людей от реальных в обществе противоречий – противоречий классовых. Правительство, государство, радуясь нашей марксистской безграмотности, вместе с нашими горе-патриотами готово вместе кричать: «да здравствует патриотизм».

Нам нужно ясно понимать, что и «патриотический национализм», и «националистический патриотизм» – есть мерзость не сами по себе, а являются таковыми, поскольку отвлекают, сбивают действительно боевой и ударный ориентир, уводят от реальности в сторону дискуссий и фантазий, от прямых организационных задач к шаганию на месте, маханию руками и бесконечным словам.

Обложив удивленного еврея матом, назвав его «жыдовской мордой», невозможно решить национальный вопрос; самими ультрапатриотическими криками и программами невозможно ни на грамм поколебать эксплуататорскую сущность государства и капитала, – самая бешеная энергия безопасно для всех уйдет в гудок. Выстраивать национально-освободительную борьбу народа нужно не национальной, а классовой пропагандой. Кто может приветствовать подмену реального строительства разговорами о «граде солнца»? – Только противники этого самого строительства. Истинным патриотизмом, истинным лозунгом русского народа может быть лишь лозунг классовой борьбы: борьбы рабочего человека за свои политические и экономические требования. Не достаточно ощущать собственное рабство – нужно ясно

видеть пути своего освобождения. Политика – это борьба; необходимо понимать не только между кем и кем идет эта борьба, но и какими – конкретными, ясными – методами вести эту борьбу.

История не знает иных действенных средств борьбы народа против угнетения, кроме самой жесткой классовой борьбы организованных трудящихся. Святая ярость и свирепая ненависть должны быть направлены не в пустоту, а быть обрушены в заранее продуманное русло, на ясные цели, на конкретных врагов. Абстрактно-бесклассовый патриотизм и национализм конкретных врагов указать не может. Сегодня коммунистом может называть себя только тот, кто открыто объявляет джихад и полицейскому государству, и капиталу. На агрессию против нашей страны со стороны авторитарного государства и буржуазии рабочий класс должен ответить ответным ударом. Единственное оружие рабочих – организация.

Товарищи рабочие! Объединяйтесь по трудовым коллективам! Становитесь коммунистами! Единственная наша защита – рабочая партия. Иначе нельзя!

Врага нужно знать. Марксистское классовое понимание собственных интересов – есть половина победы. Криком нужно кричать о том, что интересы нашего народа, интересы нашей великой России, державы **и** интересы государства различны – противоположны и непримиримы. Государство – это *не есть* страна. Государство – это *не* наши просторы, леса, реки, *не* наша культура, наука, спорт. Государство вообще не имеет площади, а наоборот: страна – это территория, *контролируемая* государством. Государство – это группа лиц, как и любой класс, это *только* администрация, прокуратура, суды, милиция и армия. Государство – это не народ, а его насильник. Вся государственная пропаганда нацелена на смешение классовых ориентиров. Весь центристский язык нужно переводить классовым пониманием. Потому, по правилу, все государственное – как минимум *не-народное*, а в большинстве прямо *анти-народное*.

На языке центристов *государственное* – означает *священное*; на языке коммунистов *государственное* – значит административно-чиновниче, не больше. Что такое «государственный суверенитет»? -

Это чиновничий аппарат, контролирующий страну в территориальных рамках, и признаваемый такими же соседними аппаратами, государствами. Что такое «объединение государств»? - Это *не* объединение народов, территорий, экономик, законодательств (единый паспорт, отсутствие таможи, беспошлинная торговля, единая конституция); это – объединение чиновничьих *аппаратов*.

Отбрасывая добрые, но пустые патриотические словеса, объединение России и Белоруссии может означать объединение бюрократических аппаратов – парламентов, правительств, президентов – *в один*, под единое начало, как объединение партий и блоков – есть объединение их лидеров и оргструктур. Создание Союза России и Белоруссии на нынешнем этапе – есть образование общих единых законодательного и исполнительного органов, слияние одних соответствующих министерств и подчинение других министерств общему центру – т.е. понижение на ступень статусов действующих бюрократических структур. Если бы возникло стремление к этому всего правящего класса (чиновничества), т.е. его экономическая заинтересованность, гарантирующая прямую выгоду, – объединение превратилось бы в простую формальность. Так же, как беловежские соглашения сулили прямую выгоду национальным республиканским бюрократиям и буржуазии, безотносительно с мнениями народов. Только класс трудящихся, став правящим, сможет проявить такое стремление к объединению. Только политическая власть народа (трудящихся) воссоединит единство народа.

Вопрос о едином Союзе, тем более *советском* союзе, может возникнуть (возникнуть реально, политически встав на повестку дня), когда налицо будут *советские*, социалистические республики. Только завоевание народом *советской* формы правления в этих странах будет означать начало, первый шаг к единой державе, *социалистической империи*. Любые иные разговоры о «восстановлении Союза Советских Социалистических Республик» – при реальном отсутствии и социалистических республик, и Советов как формы самоуправления трудящихся в них – есть лишь слова самоутешения безвозвратно далеко посланных.

Социалистический рывок возможен не в идеологических словесных перепалках, а в борьбе: класса на класс. Рабочий класс потерял Советский Союз, все завоевания потому, что отказался фактически, а затем и формально, от лозунга диктатуры пролетариата в пользу «общенародного государства», т.е. общего *и* бюрократии, *и* рабочего класса. Рабочие потеряли власть именно потому, что советская бюрократия выдвигала лозунг *просто* государственности, *просто* патриотизма – без их классового определения. Крайне опасны ошибочные лозунги и сегодня. Если в советские времена лозунг общеклассовой (или бесклассовой) государственности и народовластия был верен на 50%, т.к. рабочий класс пусть наполовину был у власти, то сейчас лозунг государственности на 100% не верен. Нельзя цепляться за лозунги вчерашнего дня, как бы красивы и дороги ни были они вчера.

Нетрудно выяснить, откуда среди нас это заблуждение, откуда идет этот лозунг. Во-1-х, общее затуманивание мозгов самой ныне существующей государственной властью, подменяющей интересы всего народа своими, государственно-административными. Во-2-х, прежнее представление с «манифестовских» времен о том, что все, что во вред буржуазии – автоматически на пользу рабочих. В-3-х, тоска по империи, но без классового анализа: чья это империя. Русские рабочие – за *социалистическую империю*; любой иной российской империи мы враги. В-4-х, воспоминания о советском авторитетном государстве приводят к наивной мысли, что и любое другое государство, любая власть всегда стремится к социальной защите людей.

Сильное государство в нашем понимании – где центральная власть сильна не наемной армией и полицией, держащей до времени в повиновении население, а сильна поддержкой благоденствующего народа, организовывающего (сами, из себя) свою народную армию и милицию для защиты своей власти, своего достатка, своей жизни от возможного произвола чиновников или спекулянтов. Чью сладкую жизнь защищает сегодня милиция и армия? - В любом случае, не свою и не нашу. Охрана чьего благополучия лицемерно называется «защитой отечества»? Нет в мире более справедливой идеи, чем цель *государства трудящихся*, где рабочие, т.е. весь народ, будет работать прямо на себя:

т.е. не только за зарплату, а за непосредственное улучшение своей жизни в стране – без посредничества капиталистов и чиновничьего государства. Вот тогда защита *своего* отечества действительно станет почетной и всем народом уважаемой миссией.

Как в социалистическом патриотизме – патриотизме рабочих – нет места любви к капиталистам, так и в «государственном патриотизме» – патриотизме бюрократии – не может быть места любви к народу. Патриотизм – это любовь к своей родине. У рабочих – к социалистической, у капиталистов – к капиталистической, у чиновников-государственников – к своей, полицейской. У каждого своя родина. Нет и не может быть общей родины у всех классов. У хозяина и раба, у помещика и крестьянина общей родины нет. Только поп безуспешно пытается примирить всех. Сегодня у рабочего класса нет социалистической родины. *Политически* родина – понятие классовое. Любое **не**классовое понимание родины никакого отношения к политике не имеет, как и «неклассовые партии» (партия любителей родины, партия политиков). Патриотизм чиновников – это их собственное благополучие; хотя на словах они – прямо пионеры на переднем фланге в борьбе за народное дело. Только отныне никто уже не поверит, что они и в самом деле все как один мальчиши-кибальчиши.

Патриотизм – категория классовая. Быть патриотом – значит защищать в т.ч. и свои экономические интересы. Патриоты объединены общими экономическими интересами, защищать которые выгодно. В этом случае анти-патриоты объединены также *своими* экономическими побудительными мотивами. Глубокая и вредная ошибка – пробовать объяснять патриотизм-антипатриотизм только некими нравственными критериями или любыми другими, *кроме* классовых, кроме экономических. Патриотизм равен желанию счастья себе и своим соплеменникам; но этого не достаточно, нужно уметь за него воевать. Этому учит марксизм.

В любом обществе главный конфликт – классовый – сознательно маскируется эксплуататорскими классами под национальные, религиозные, «идеологические» и иные с целью скрыть истинную сущность антинародной власти и лишить рабочий класс возможности

докопаться до действительно эффективного метода борьбы. Неоценимую помощь напускателям тумана оказывает и безграмотность тех горе-коммунистов среди нас, весь «коммунизм и патриотизм» которых сводится к некоей былинной духовной категории и крутится вокруг портретика Сталина. Кому нужен духовный патриот, если он обходится без активной организации единомышленников для борьбы за экономические интересы своего трудового коллектива и за политические требования всего трудового народа? Дела делаются молча, а духовность требует болтовни. Общие пафосные и глупые лозунги, вроде державности, народничества, духовной верности России и т. п. – *без связи их с классовым содержанием* – есть болтовня и никчемность. Взятые как самостоятельные, они ни к кому не обращены и никуда не ведут.

Это такая же вредная глупость, как и взятый сам по себе лозунг о «диктатуре закона». А если закон направлен против рабочих? – а в эксплуататорском обществе вся правовая система направлена против рабочих, – тогда «диктатура закона» прямо означает диктатуру против рабочих. Есть диктатура государства над народом, и есть диктатура народа над государством. Диктатура – это не обязательно пиночетовцы с автоматами: государственная диктатура – это «легальное», законодательное закрепление бесправия народа и возможность государственного класса «легально» грабить и навязывать свою волю.

Диктатура восставших рабочих – это непосредственно власть народа поверх законов. Воля народа – есть закон. Право – понятие классовое. Внеисторическое, внеклассовое или «надклассовое» «право вообще» – это пустая абстракция. Марксист всегда спрашивает: кто реальный источник права? Какому классу в стране принадлежит право принятия, толкования и проведение в жизнь законодательства? Несоответствие конституции и реальности коммунисты должны трактовать в пользу рабочих, в свою пользу. Коммунист знает одно священное право – право рабочих на свою власть.

Почему наемные работники, трудящееся большинство народа бесправны? - Потому, что партия, стоящая за *их* интересы, *не у власти*. Чем бюрократическое эксплуататорское государство оправдывает свое верховенство над народом и обществом? - Тем же,

чем рабовладельческое государство оправдывало бесправие раба: существующим законодательством. Но это само законодательство создано самим же эксплуататором в своих интересах.

До тех пор, пока народ считает свое угнетенное положение естественным, легитимным и постоянным, пока винит в этом кого угодно, но не государство и не капитал, – чиновники могут спать спокойно. Но стоит только обществу усомниться в «вечности» и «естественности» этого рабства – можно отсчитывать время до скорого краха всей системы угнетения. Поэтому там, где поднимается красный флаг – флаг трудящихся, флаг коммунистов – там бьется сердце борьбы за свободу.

Марксизм, как идея свободы, говорит рабочим: полицейское, буржуазное или церковное право не священо, но реально. И народ никогда не должен забывать, что есть более высокое право, по-настоящему святое и священное, – это право рабочего класса на свою власть. Абстрактное понятие демократии как «право народа на власть» – без классового содержания пусто. «Демократическое государство» – такой же абсурд, как и безоружная армия. Есть буржуазная демократия, есть демократия бюрократически-командно-централизованная, а есть *социалистическая* демократия. Коммунисты выступают воинственно против любого партийно-государственного устройства и «укрепления» демократии.

Партия рабочего класса – самая законопослушная партия, иначе антинародная госвласть ее давно уничтожила бы совершенно легально. Но – внимание!! – законопослушным рабочий класс является *до тех пор*, пока государственная полицейская власть не применит к рабочим оружия и *сама* не преступит закон, сама не поставит себя *тем* вне закона – существующего и революционного.

Диктатура закона? - Да. Какого закона? Закона, навязанного полицейщиной и бюрократией обществу? - Нет. А закона, выработанного самими трудящимися в интересах трудящихся. Этот закон должна проводить власть рабочих, осуществляющая диктатуру своего закона – над бюрократией, над буржуазией, над всеми. Другого разговора, кроме ключей удавки у них на горле, эцилоппы не понимают. Кнутом и

ошейником для коррупции может быть только организованная партия рабочих – власть трудящихся – диктатура пролетариата – наша диктатура! – социалистическое государство. Это – ужас для бюрократии. История классовой борьбы не знает других примеров.

Диктатура пролетариата – это диктатура большинства над меньшинством, именно: диктатура прежде угнетаемого большинства (народа) над прежде угнетающим народ меньшинством. Революционный закон рабочего класса карает государство за узурпацию власти у народа. Разрешение вопроса трудящихся – *в организации*, в установлении своей диктатуры – диктатуры трудящихся, подавлении своей утвержденной властью и бюрократии, и капитала. Диктатура пролетариата – наша диктатура! Это то оружие, которое рабочие могут создать только своей организацией, организацией коммунистической партии рабочих.

Товарищи рабочие, соединяйтесь! Соединяйтесь по предприятиям, по профсоюзам, по гражданским и общественным организациям. Соединяйтесь в рабочую партию! Особая осторожность – к «коммунистическим» чиновникам в наших рядах. Особая осторожность – к т.н. «губернаторам-коммунистам».

Время развеяло труху пустого агитпропа брежневских времен: диктатура пролетариата – это не фраза из книжки, не сухарь; диктатура пролетариата – есть применение законов шариата к классовым врагам трудящихся, к попыткам сопротивления прежде эксплуататорских классов. Законов бескомпромиссных и волчьезестких. Никакую государственно-бюрократическую власть не напугать ни фашизмом, ни расизмом. Для власти бюрократии страшна, как смертельно опасная, только идеология коммунизма – как единое рабочее движение в стране, как угроза. Диктатура власти трудящихся – это намордник для бюрократии и чиновников.

Государство в России отвыкло от классовой угрозы со стороны пролетариата. Мы хорошо видим, как государство воспользовалось этим временем классового мира. Теперь, с нарастанием классовой борьбы, власть начнет обещать трудящимся (народу) социальные блага в обмен на возврат к классовому миру. Но марксизм учит видеть в

истории урок, – и ставит под сомнение легитимность чиновников как обладателей политической власти.

Эксплуататорское государство и чиновники, его составляющие, довольны своим положением и стремятся к всеобщей любви и покою; они за консерватизм и стабильность. Эксплуатируемый народ полон ненависти к угнетателям, стремится к революции и не сложит оружия до тех пор, пока вся система угнетения не будет разломана.

Коммунисты всегда за стремление народа к свободе. Но мы против стихийности революции, мы против революции, если нет организованности рабочего класса, нет сети стачечных комитетов, нет ведущей партии и т. д. И вслед за сладкой для центристов фразы о том, что мы «против революции», нужно сразу уточнять: мы не против революции, а за партийную организацию рабочих.

Власть молится: если уж волнения или бунт неизбежны, то пускай они будут *без идеологии* или *с любой неклассовой* идеологией. Если восставший народ требует идеологию, то пускай-де она будет националистической, «патриотической», какой угодно, лишь бы не красной, не коммунистической, не марксистской, не классовой. Госвласти не страшна никакая неклассовая оппозиционная идеология. Для государственного самодержавия много страшнее даже небольшое выступление народа с *политическими* требованиями, чем серьезные волнения с требованиями экономическими. А уж хулиганские и стихийные бунты вообще никак не сотрясают политическую власть.

Идеология коммунистов простая: борьба трудящихся за свои права, диктатура рабочих против диктатуры бюрократии, классовая война против войны государства против народа. Диктатура пролетариата – это не самоцель ортодоксов, а единственное оружие рабочих, способное заменить собой диктатуру бюрократии, самодержавие чиновничества, всевластие государства. Трудящиеся не завоюют свободы, пока понятия Сталин, патриотизм, духовность не наполнятся ясным классовым содержанием и лозунгом не станут Маркс, Революция, Коммунизм.

Революционность – означает то, что рабочий класс не желает и не будет мириться с существующим произволом. Революционный класс

не остановится ни перед чем – ни перед властью, ни перед кровью, ни перед попом – для завоевания своих прав. Нас не должно останавливать, что из ряса повылазят святые отцы при слове *революция*. Буржуазия и ее лакеи, государство, его идеология и его прихвостни говорят о любви и мире между угнетаемыми и угнетателями, о межклассовом примирении, на деле угнетая народ. Мы же открыто говорим, что сознательно сеем ненависть: ненависть к нашему угнетению и угнетателям. Не мир приносим, но меч. Рабочие – единственный класс, кого не пугает революция: нам нечего в ней терять. И вот этот лозунг у рабочих не «перехватит» ни центристская социал-демократия, ни один, даже самый коммунистический, «губернатор-коммунист».

Революция – праздник для угнетенных.

XI-1. Бюрократия – эксплуататорский правящий класс

Весь класс чиновничества несет солидарную ответственность за все преступления государства. У победившей социалистической власти не будет ни исторической возможности, ни желания разбираться с каждым бывшим в отдельности. Поэтому мы до своей победы говорим открыто: в момент революции единственный путь для «честного» чиновника – уйти по-геббельсовски. Государство – как враг гражданского общества – не дает народу возможности отличить и отделить честного чиновника иванова от бесчестного петрова. Поэтому революционно восставшему народу следует не отыскивать жемчуженки во всем государственно-чиновничьем дерьме, а вычистить все начисто.

Презумпция невиновности государства к самому себе оборачивается повальным беззаконием. Марксизм провозглашает **презумпцию виновности государства**, чиновников, власти. Поэтому и честному иванову не стоит молча в кабинете дожидаться революции, но беспрерывно доказывать аскетизмом и пуританством свою честность.

Честный чиновник – это есть вампир-гуманист, который искренне сочувствует, но не питаться кровью народа он не может. Чиновники, будь они самые честные, демократичные, патриотичные и

церквopослушные, никогда не оторвут от себя благ и не уменьшат аппетитов в пользу народа – кроме разовых «единовременных» подачек, о которых сразу будет сказано громко и славно. Главный враг народа – «честный» чиновник, губернатор, генерал, ибо «честно» служит эксплуататорскому государству. Классовый приговор заключается не в предъявлении обвинений конкретным людям за их принадлежность к враждебным классам, а в том, что обвинения предъявляются конкретным людям за их услужение капиталу и государству *против* интересов труда. Какой бы ни был чиновник – он враг. Нам плевать, честный ли человек наш враг или мерзавец: он – враг. И если чиновник мерзавец, партия рабочего класса направляет на него свою классовую борьбу не потому, что он мерзавец (или не русский, или хриstopродавец), а как на представителя враждебного лагеря, на его легализированное государством право «управлять» обществом от имени общества и грабить народ от имени народа.

Фиговым листком выборов не прикрыть эксплуататорской сущности государства. Выборы бюрократии *по правилам бюрократии* всегда окажутся в пользу бюрократии. Выборы, завоеванные и организованные *самим* рабочим классом, непременно станут в интересах рабочих. Государство – это административно-бюрократическая сфера, нависающая над обществом, закрывающая собой солнце свободы. Коммунисты стремятся к максимальной классовой ясности механизма общественных отношений для разоблачения спрятанной тайны государственной власти. Как так получается, что огромное большинство народа, – причем квалифицированное, трудящееся большинство, создающее всю массу материальных и духовных благ, – находится в угнетающей и возрастающей зависимости от некоторой кучки людей, называемой госбюрократией? Эти люди формально заботятся о благе народа, заботятся даже о том, чтобы народ их «выбирал».

Государство – есть организация *класса* бюрократии в государственную власть. (Ср.: Сталин, **9**: 181). Государство – есть аппарат принуждения чужой воли насилию. Этим аппаратом распоряжается господствующий класс, т.е. некоторая группа людей. Госаппарат

претендует на то, что выражает *волю большинства*. Но то, что государство допускает народ в свою вотчину – выборы – не должно вводить нас в заблуждение, что народ «выбирает» *власть* и контролирует государство. Выборы всегда ведутся по правилам, диктуемым государственной властью. Самые «демократические» выборы – не есть выбор народом собственной государственной власти, а есть кадровая перетасовка некоторой части бюрократии. Народ делает свой выбор в революциях.

Что приносит народу каждая победа партии власти? - Бюрократическое самовластье и беспощадное подавление всякого самостоятельного рабочего движения. «Чиновничий беспредел», строго говоря, есть уводящая в сторону фраза: дескать, произвол творят лишь чиновники, т.е. отдельные негодяи. Это не точно. Правильней говорить – *государственный* беспредел как система власти. Класс бюрократии всегда (или почти всегда) творит беззаконие. У иных классов просто отсутствует сама *возможность* для взяток, казнокрадства и блата в размерах, определяющих экономику. Каждый номенклатурщик-государственник знает, что по снятии с должности он вновь формально перейдет в класс пролетариев, поэтому стремится обеспечить себе максимум привилегий уже сейчас.

Когда мы видим беспорядок в стране, мы должны знать – это преступление. Преступление кого? - Преступление государства и всей государственной власти. И сразу же мы должны говорить: долой эту власть, долой это государство, репрессии к чиновникам. Нам плевать, что «*не все* чиновники берут взятки». Если бы поголовно все чиновники брали взятки, классового вопроса не возникло бы, мы бы сказали, что это государство по администрациям и министерствам надо травить химическим оружием, т.е. всех чиновников подряд. Мы этого не говорим. Для классового анализа общества невозможно разбирать личное дело каждого министра, каждого губернатора или полицейского. Коррупция – есть система: министры продаются олигархам, администрация ворует бюджетные деньги, а автоинспекция занимается поборами на дорогах. Мы осуждаем бюрократию за весь государственный беспредел. Каждый центристский гаишник несет персональную ответственность за все взятки, полученные его собратьями, потому что

для нас все они солдаты единой вражеской армии.

Конечно, не все чиновники взяточники: не каждому есть за что давать – не каждый имеет возможность продавать свои услуги, т.е. продавать госвласть. Среди вампиров, вероятно, есть честные и порядочные особи; некоторые даже и не виноваты, что стали вампирами, – они просто питаются кровью, искренне страдая, сочувствуя и оплакивая свои жертвы. И как капиталист вынужден грабить рабочих и надувать государство, так и бюрократия вынуждена обирать и капиталистов, и народ. Более того, общество *само* дает государству возможность жить за счет народа. Такова система. Не вся бюрократия есть номенклатура, но *вся* бюрократия есть эксплуататорский класс, хоть не каждый его представитель эксплуататор в отдельности. **Бюрократия преступна не единичными фактами произвола и беззакония, а своей хищнической, эксплуататорской сущностью** – как класс-вампир.

«Бездушные бюрократы» – это не исключение, а система. Всю эту систему коммунисты стремятся сломать. Если предположить невероятное, что государство действительно решило бы проявить не показную, а реальную щедрость – то чиновникам пришлось бы платить за сие из собственного кармана, т.е. добровольно отказаться от этого куска своей прибыли. Рабочий класс стремится поставить справедливость с головы на ноги: чтобы заработанное народом доставалось ему независимо от воли бюрократии. За права рабочих призывают к священной народной войне коммунисты – за право распоряжения собственным достоянием. Добиться освобождения рабочий класс может только сделав чиновника своим безмолвным слугой.

Чиновник – это слуга народа, подгоняемый кнутом; это есть диктатура пролетариата. И кто может стреножить государственного держиморду, кроме *партии* рабочих? Как называется такой порядок, когда чиновники и крупный бизнес выпрашивают об улучшении своих условий у организованных рабочих – у стачечного комитета, распоряжающегося всем в стране, у Советов депутатов от рабочих, и когда губернатор и мэр ежедневно в пояс кланяются избирателям, точно так же, как нынче весь народ кланяется министрам и их чиновникам?

Конечно, среди чиновников, государственных людей есть

достойные и великие люди, внесшие вклад в величие и славу России, гордость нашего народа. Это те, ради которых общество кое-как терпит государство. Но социологически имеет смысл рассматривать именно *класс* бюрократии, т.е. аппарат, *машину управления*, для которого первой и главной задачей на деле является самосохранение, упрочение и воспроизведение своей власти и собственное благополучие – за счет народа, и лишь во вторую очередь управленческие, хозяйственные и все административные функции. Хотя, разумеется, на словах и в их пропаганде единственная задача-де «благосостояние народа» и ни слова о собственных интересах, ибо прошли те времена, когда хозяин публично хлестал раба.

Отдельный чиновник, служащий, любой другой представитель власти может быть сам человеком не богатым, или даже в долгах, но от этого он не перестает принадлежать к своему классу: источником его благополучия не может быть ни усердная работа, т.к. зарплата фиксирована, ни наем рабочей силы, ни удачное вложение капитала, ни доход от работающей собственности, а только госслужба: оклад + все «льготы», причитающиеся госслужащему + доходы от поборов, инспекций, штрафов и т. п. + «партнерство» с бизнесом + взятки. Каждый чиновник – есть потенциальный коррупционер. Чиновник, не берущий взятку, есть вампир, не сосущий кровь. И не должны сбивать нас с толку разглагольствования моралистов о совести, порядочности, богобоязненности вне классовой конкретности, ибо весь вопрос в материальной системе: экономической и политической. Никакими личными достоинствами чиновника не перечеркивается его эксплуататорская антинародная коррупционная суть. Поэтому борьба с коррупцией – есть дело не государства, т.е. честных чиновников против нечестных, а задача волчьесвириелых к коррупции организованных в рабочую партию рабочих. Безусловно, в этом поддержит партию рабочих и большая часть буржуазии и все выстраиваемое гражданское общество.

Коррупцию победит не закон, а революционная ненависть против нее. Задача не в борьбе со взяточниками, а в экспроприации у бюрократии всей *системы*, позволяющей брать взятки, т.е. речь идет об

экспроприации рабочим классом всей государственной власти. Чтобы не было у чиновника самой *возможности* для коррупции, как нет ее у кассира, продавца или вахтера, необходимо лишить бюрократию самостоятельной политической власти. Борьба с отдельными фактами взяточничества – это лишь видимость, ничуть не задевающая источник, как пытаться ловить мошкору в лесу. Борьба с коррупцией должна быть массовой, тотальной, химически уничтожающей *систему*, в которой существует и воспроизводится коррупция. Это возможно только политической силой организованных в государственную власть трудящихся.

Борьба с коррупцией – задача классовая. Каждый пойманный взяточник – не только взяточник, но и демонстрация преступности власти как системы с необходимостью зачищать коррупционное поле вокруг данного субъекта. Что значит – побороть коррупцию? - Это не значит поштучно переловить всех негодяев. Это значит лишить класс чиновников *возможности* злоупотреблять своей властью, т.е. лишить бюрократию *политической власти*. Задача коммунистической революции – лишить бюрократию ее государства.

Политическая власть имеет возможность единолично устанавливать правила жизни общества. Государство всегда умеет отвести от себя удар и казаться непричастным ни чему негативному. Чиновник, губернатор, мэр сам не повышает цены. Он как жидок: любит чужими руками. Бюрократия повышает налоги; или понижает налоги, но увеличивает государственный нажим: штрафы, пени, проверки, инспекции, разрешения, аттестации, сертификации, аккредитации – и тем вынуждает повышать цены. Но лопухий обыватель верит государственной пропаганде и винит во всем жадных лавочников. Плюс сюда примешивается политологическая, астрологическая, националистическая и прочая чушь – и совсем не понятно, кто все-таки виноват. А губернатор чист. Но мы-то знаем, что он сволочь.

Каждый самостоятельный шаг государства – есть шаг к тоталитаризму. Слово любого политика должно проверяться вопросом: а выгодно ли лично ему повальное увеличение зарплаты рабочим и увеличение доходов рабочего класса. Вызвало бы его (именно его и его

партии) сладкую радостную улыбку – повышение в 2 раза доходов всех без исключения в стране: а) медсестер, шахтеров, школьных учителей, или б) бизнесменов, банкиров, акционеров, собственников предприятий, или в) депутатов, министров, губернаторов, мэров и всех их замов? Именно это, т.е. классовая оценка, есть лакмусовая бумажка для действительной оценки политических интересов, а не абстрактные и неуловимые патриотические клятвы.

Патриотичный и духовный губернатор может всем сердцем любить народ, но если на основании этого он вздумает в три раза увеличить зарплату бюджетникам, сократив в два раза расходы на аппарат – на следующий же день он перестанет быть губернатором. Заявления центристов о «конкретных делах» – есть перепевка на новый лад пустышки застойных времен о необходимости «переходить от слов к делу». Задача коммунистов – обстоятельно расплести сознательно запутанные клубки противоречий, отбрасывать словесный мусор – и обнажать главный нерв политики: единственное противоречие – *классовый антагонизм*, столкновение классовых интересов. Тысячи фактов повседневности – есть неисчерпаемое поле деятельности для марксистского, классового, триалектического анализа. Все приводит к классовому пониманию причин бедности, бесправия и угнетения народа.

Чиновники – это ненасытные пиявки на теле общества. Как у капиталиста главная задача – выгода от труда работника, так и у бюрократии *всегда* главная задача – максимум обложить данью народ. Класс бюрократии такой же богатый класс, как и буржуазия. Это богатство происходит от эксплуатации: перераспределения, изымания и прямого грабежа. Можно возразить, что чиновник, милиционер, инспектор получают такую же мизерную зарплату, как и простой рабочий, – отсюда еще более любопытно их богатство. Для разгадки иногда достаточно одного перечисления должностей того или иного чиновника или центриста и названий возглавляемых им многоэтажных трутневых структур, чтобы стало ясно, почему большинство трудящихся работают задаром, а крупные доходы вместо них имеют другие. Центристы и демагоги обещают «поднять зарплату» трудящимся;

стремление коммунистов – сократить доходы госбюрократии.

У наших противников тысяча штампованных «антикоммунистических» крючков в заготовках: мол, коммунисты стремятся «отнять и поделить» и «любят считать чужие деньги». Подобных поддевок множество, но не бесконечно, и все они на слуху; нужно просто и умело на них отвечать: во-1-х, отнятием и перераспределением на деле занимается бюрократия; во-2-х, мы считаем именно свои, отнятые у нас, деньги. Под разговоры и обвинения коммунистов в стремлении к социалистической экспроприации государство как легальная и нелегальная коррупция каждодневно экспроприирует результаты труда рабочих. В действительности, не коммунисты, а государство и бюрократическо-чиновничья система планомерно отбирает собственность у трудящихся – и массово, и по отдельности.

Чиновничество, бюрократия – вроде бы, такие же рабочие, всего лишь служащие, но (!): источник существования бюрократии может быть только за счет обложения данью народа (трудящихся) и бизнеса (буржуазии). Налоги, поборы, тарифы, ставки, расценки, запреты, очереди – есть хлеб чиновника. Защитникам и лакеям государства не удастся опровергнуть марксизм тем, что не все чиновники – взяточники. Мы говорим о том, что *весь класс* бюрократии выкачивает из народа одних только взяток на десятки миллиардов долларов. И именно по «государственному» признаку марксисты объединяют эту группу людей в обособленный класс, чтобы не персонально, не точно, а массивованно наносить по нему удары, ополчить на него всю ненависть и силу народа, в чем мы поддержаны будем и морально, и деньгами, капиталистами.

Политический анализ всех шагов государства – это подробное рассмотрение выгод и потерь каждого из *трех* классов. Всегда, *всегда* к каждому предложению государства – министра или любого центриста – необходимо задавать вопрос: *для какого класса* эти предложения? *какому классу выгодны* эти нововведения? *какой класс выиграет*, а какой проиграет от нового закона – государство и бюрократия? или буржуазия? или трудящиеся, народ? И если центристы отвечают, или молчаливо подразумевают, что выгода *для всех*, или *в конечном счете*

для всех – товарищи рабочие! знайте – здесь обман: государство опять нас грабит или продает буржуазии право грабить нас.

Когда центристы обещают, что государственная выгода *затем* – не прямо, но *через промежуточную ступень* – приведет к выгоде и для рабочих (зарплата бюджетникам, соцпособия, пенсии, стипендии) – товарищи рабочие, знайте – здесь обман: обещанное государством «завтра» никогда не наступит. Когда государство заявляет, что зарплаты и пенсии повышаются, народу не следует развешивать уши, а коммунисты должны говорить, что мы видим, как в то же время прибыли капиталистов повышаются больше, а доходы чиновников – еще больше и при этом *за наши счет*. Приобретение хозяином второго раба не облегчает труд и жизнь первого; увеличенные доходы бюджета или ВВП достанутся рабочему классу не в большей пропорции, что и сейчас. Каждый сознательный гражданин должен уметь считать *все* деньги в стране; поэтому нас не должна радовать номинальная денежная прибавка: программа коммунистов направлена на повышение доходов трудящихся *за счет* прибылей бюрократии и буржуазии. Это называется борьбой против грабежа.

Эксплуататорская власть ничего иного не может предложить обществу, кроме общего пустого лозунга об улучшении жизни народа. Т.е. улучшения всем. Но как, мы спрашиваем, сие понимать? Пропорциональное улучшение для всех классов? На коэффициент или на фиксированную сумму? И на одинаковый ли для отроих классов коэффициент? Тезис о повышении доходов *всем* равносителен призыву к сохранению существующей пропорции, т.е. повышение за счет *никого*, что равносително разрешению каждому и всем приписать на денежных купюрах и ценниках одинаковое количество нулей. Центристский тезис об улучшении жизни с эволюционной постепенностью в условиях нищенствующего народа и богатеющего государства коммунистами должен быть заменен тезисом о революции. Революционные рабочие открыто заявляют: наше улучшение может быть только за счет радикального прекращения грабежа рабочих и принадлежащей народу страны буржуазией и государством.

Требования центристов «повысить зарплату чиновникам»,

чтобы-де не брали взятки, есть в высшей степени лицемерие. Мы спрашиваем: а кому *не надо* повышать зарплату? Ученому, инженеру, милиционеру, шахтеру? И *за счет кого* повышать? Ибо, если кому-то прибавлять, надо у кого-то отнять; любое повышение/понижение чего-либо (тарифов, цен, пособий) может быть исключительно *за счет* конкретно кого-то, какого-то слоя, класса или *относительно* кого-то. Поэтому каждый раз, произнося «повышение/понижение» необходимо уточнять, за счет кого и относительно кого. Коммунисты прямо отвечают на этот вопрос: за счет революционного отнятия у бюрократии, сидящей на бочке с медом, их возможности кормиться своим административным положением, лишить возможность бюрократию использовать госвласть в своих личных, карманных интересах, точно так же, как кассир лишен возможности использовать в своих интересах пересчитываемые им деньги.

Любой эксплуататорский класс может существовать только *за счет* других классов. Также и рабочий класс – на первом этапе – может обрести свободу, свободный труд, капитал и власть только за счет благополучия класса буржуазии и класса чиновников, эксплуатируя *их*, установив над ними свою диктатуру, принудив их жить и работать по русским порядкам, и – на втором этапе – *весь* народ будет жить и работать за счет собственного труда и данных природой богатств, став хозяином на земле. Путь к тому один: отнятие у класса государства политической власти.

Государство всегда стремится выжать максимум от капиталистов (тем более от наименее политически организованного т.н. малого и среднего бизнеса) и всегда стремится наложить ярмо на народ. Власть всегда враждебна народу, т.к. подчиняет его себе. Главная задача государства – налагать на народ бремя *якобы* ради интереса *всех*, в действительности – ради поддержания собственного благополучия. Вопрос только в том, насколько рабочий класс и буржуазия готовы мириться с нарастающим беспределом.

Класс бюрократии – есть хищнический, эксплуататорский класс, эксплуатирующий и буржуазию, и трудящихся, и весь народ. Государство, хотя прямо отнимает доходы буржуазии, но от этого не

становится любимым народом. Враг моего врага не всегда мой друг, как анти-антисемитизм не есть сионизм. Если капиталист – это прямой эксплуататор рабочих, то государство – это надзиратель и над рабочими, и над капиталистом; и в какой пропорции делят эксплуататоры заработанное для них трудящимися, рабочих мало интересует, наше стремление – запрячь их обоих. Ни один феодал не является другом народа. Чтобы чиновнику или центристу превратиться в друга народа, ему необходимо стать врагом государства и капитала; причем (!) не по единственной популярной разногласной позиции, а радикально, по всем фронтам. Государство лишь тогда станет дружелюбно народу, когда это государство будет всецело *принадлежать* рабочим, т.е. государство трудящихся.

Коммунисты, партия рабочих ставят своей задачей: а) перераспределение национальной собственности и национального дохода в пользу рабочего класса за счет класса капиталистов (крупного бизнеса) и за счет класса бюрократии (государства) – экономические требования и б) *самостоятельно* распоряжаться национальным богатством страны и самостоятельно определять, какой процент из этого может получать администрация и буржуазия – политические требования.

ХП-2. Капитал и государство – два эксплуататорских класса

В современном понимании государство, как самостоятельный обособленный управленческий класс, оторванный от реального производства, есть анахронизм. Государство стремится *политически* привязать себя к экономике, буржуазия стремится экономически привязать себя к политике. Рабочий класс в классовом эксплуататорском обществе есть игрушка в чужих руках. Об этом нужно говорить себе прямо. Но рабочий класс должен принадлежать себе. Это есть коммунизм. Коммунизм – есть стремление свести государство – т.е. роль бюрократии как класса, стоящего над обществом – к чисто канцелярски-бюрократическим функциям, лишив чиновничество политической и экономической власти, превратив его в пролетариат –

как лишены сегодня политической и экономической силы функции кассира, продавца, вахтера.

Хорошо известен вопрос о разворовывании нашей страны государством и буржуазией: их дележ нам ясен. Классовая борьба между бюрократией и капиталом идет не только за этот дележ, но и за *долю* от эксплуатации труда рабочих и народа. Доход от подневольного труда работника не беспределен. Чем больше выжмет капиталист – тем меньше останется государству, чем больше сдерет или недоплатит государство – тем меньше получит капиталист. Для человека безразлично, большие или маленькие зарплаты, пенсии, пособия и съедающие их цены, тарифы, налоги, если в результате он оказывается ни с чем. Зарплату увеличивает капиталист – тарифы поднимает государство, пенсии прибавляет государство – цены повышает капиталист. Капитал и государство – два эксплуататорских класса, поэтому когда один дает что-либо народу, другой сразу же стремится забрать вдвое больше.

Пропаганда партии капиталистов (правых) – дескать, будет в стране богатая буржуазия, и она поделится с рабочими (зарплата) и с государством (налоги) – старается подвести к выводу, что якобы весь народ заинтересован в богатстве буржуазии. Пропаганда партии бюрократии (центристов) – дескать, будет в стране богатое государство, и оно повысит пенсии, пособия, зарплаты бюджетникам, не будет брать взятки, снизит тарифы, переложит бремя с рабочих на крупную буржуазию и одновременно снизит налоги буржуазии и т. д. – старается подвести к выводу, что якобы весь народ заинтересован в сытой бюрократии и сильном государстве. И, вроде бы, гладко, если говорит профессиональный говорун. Но народ уже начинает тошнить от центристской демагогической блевотины, как некогда тошнило от церковно-государственной. И мы говорим: нет – наше богатство и наше благополучие не должно зависеть от богатства, щедрости и милости грабящих нас классов. Рабочий класс *сам* должен стать хозяином и средств производства (капитала), и средств управления, т.е. государства, и *сам* решать, какое государство ему нужно, сколько и как содержать чиновников и насколько допускать частную собственность – т.е. полностью сделать зависимыми от воли рабочего класса (народа) и

буржуазию, и государство. Это и есть народовластие.

Сегодня центристы: чиновники, депутаты, массы т.н. политологов (кто это такие? - бездари с неумным желанием рассуждать) говорят форменную чушь, пытаясь глобальным явлениям дать узкоутилитарную оценку, начисто забыв изучаемый некогда марксизм и не имея в распоряжении сегодняшнего марксистского оружия: теории, объясняющей всю политические, экономические, социальные, религиозные, идеологические противоречия. Именно: все, любые явления общественной жизни определяются и объясняются причинами классовыми: противоположными интересами *трех* общественно-политических классов, составляющих основу любого общества: класса капиталистов, класса трудящихся и класса бюрократии. Если найдены эти причины – значит явление понято; если найдены причины любые иные, но классовые не найдены – значит явление будет оставаться неразрешенным. Если триалектический марксизм – как теория взаимодействия классов – не объясняет общественные явления, то *какие* теории объясняют их??

Ценность заключается в диалектике не самой по себе, а в умении структурировать ею огромный фактический материал, наполненный современностью. Вся диалектика и весь марксизм бесполезны, если не знать, что с ними делать.

Меж двух полюсов всегда есть полюс «нейтральный». Нейтральность не означает инертности, а есть полновесная категория, сила. Третий полюс, возникающий между борьбой двух противоположностей, не навсегда остается *между* и не разрешает их борьбу, а способствует ей. Третий – всегда враг для двух других, которые между собой тоже не друзья. Так, тактическое блокирование двух в борьбе против третьего – есть основа всей политики.

Вооруженные триалектикой физики пускай усерднее ищут трехполярность в элементарных частицах и находят в них ей подтверждение. Марксисты, ясно видя и понимая триалектику классовой борьбы, должны неустанно, всеми доступными средствами доводить ее до сознания общества, разъясняя, что главный интерес народа прямо совпадает с интересами *труда*, которому непримиримо враждебны

любые интересы любого государства и интересы капитала, что торжество интересов труда завоевывается не смирением, не молитвами, а классовой борьбой – именно: классовой борьбой трудящихся против господства капитала-буржуазии и государства-бюрократии.

Главное обещание центристов – поделиться с народом национализированным у буржуазии капиталом. Обещание правых – сокращать госаппарат и эффективней управлять прибранной к рукам народной собственностью. Между правительством и бизнесом идет горячая и холодная война за право именоваться народными и за право обманывать народ. У коммунистов есть свой вариант разрешения конфликта: ни бюрократия, ни буржуазия не получают поддержки рабочих; наш ответ: вся власть и весь капитал – в руки рабочих, народа, без посредничества буржуазии и чиновничьего государства. Не каждый, кто плюет в бюрократическую власть – друг народа; но интересы государства и народа всегда противоположны. Одинаково нельзя все антинародное именовать буржуазным, а государственное народным. Наш лозунг – и буржуазия, и чиновники должны стать лишь послушными клерками на службе у власти (государства) трудящихся. Диктатура пролетариата вместо диктатуры государства.

В эксплуататорском обществе прибавочную стоимость, получаемую от недоплаты рабочим, распределяют между собой государство и буржуазия. В прежнем советском обществе, с уничтожением буржуазии как класса, вся капиталистическая прибыль распределялась в некоторой пропорции между классом чиновников и трудящимися. Сама эта пропорция определялась бюрократией, но под определенным контролем народа. Трудящиеся частично были собственниками.

«Капитал» Маркса именно и говорит о том, что колоссальные резервы богатства всего общества (трудящихся) кроются в отнятии возможности присваивать прибавочную стоимость небольшой кучкой капиталистов. В социалистическом обществе – государстве трудящихся – и капиталистическая, и потенциальная прибыль чиновничества полностью распределяется между трудящимися, т.е. все богатство страны принадлежит народу, все зарабатываемое достается стране,

людям.

Насколько *капитал* по своей природе вненационален, космополитичен, не-народен, враждебен любому государству (и тем более народу), настолько же *государство*, политическая власть враждебна и капиталу, и народу, и своей стране в целом, хоть и привязана к своей территории, к одной стране. Предприниматель не имеет никаких общих интересов (ни политических, ни экономических) с интересами администрации и т. д., кроме единственного общего интереса: контроль над смирением и лояльностью рабочих и народа. Классовые интересы всегда противоположны. Буржуазия не имеет и не может иметь ничего общего с рабочими, кроме единственного общего интереса: совместной борьбы вместе с организованными рабочими за удушение чиновничества и коррупции.

Бюрократия с помощью налогов, коррупции и пропаганды питается народными соками. Но в то же время государству, господствующему чиновничьему классу нужен не хилый, не полуживой «доимый» класс – народ и капиталисты – а работающие, энергичные, но безропотные, смиренные, богобоязненные работники, довольствующиеся обещаниями, сытые надеждами и поощряемые благодарностью власти. Государство заботится о народе как о своих крепостных. Но благо народа и его зажиточность для госвласти вторичны, а собственное благополучие первично. Так для любого класса. (Пускай центристы и социал-патриоты возразят, что все наоборот). Для класса трудящихся также первостепенно важно собственное благо и свои интересы, а сохранность капиталов олигархов, престиж правительства и государства, котировки их акций – далеко вторичны.

Цель государства, бюрократии и партии чиновников – достойная жизнь самих чиновников, их благополучие и проч. Цель партии капиталистов – сами капиталисты. Цель партии рабочих, социалистической революционной партии – достойная жизнь, зарплата, жилье, защита труда, благополучие и социальная гарантия трудящегося народа, рабочего класса. У каждого класса интересы собственные и никак не наоборот. Материальные силы нельзя подменять духовными категориями. Как только применяется классовый подход, отбрасывая

всякую словесную шелуху о морали, благородстве, нравственности, сразу становится ясна лживость утверждений, что партия чиновников-государственников есть партия для благополучия народа. Точно также никогда рабочая партия ни словом, ни делом не может стать на сторону всевластия государства, бесконтрольности власти бюрократии, безнаказанности чиновников, произвола полиции, коррупции, служебных льгот и прочих благ госслужащим. Но первым делом объявит им войну.

Рабочий класс желает сполна получать за свой труд. Все, что создается трудом народа, руками рабочих, покупается и приватизируется буржуазией, а бюрократией распределяется, управляется и администрируется, – неплохое для кого-то «разделение труда». Алчность буржуазии общеизвестна. Аппетиты государства безграничны. Каждый чиновник мечтает о даче в Форосе.

Для капиталиста капитал – средство для достижения власти. Для чиновника власть – средство для достижения капитала. Народ, рабочие и вся страна для них такой же инструмент, средство, забота о котором – как и забота о любом другом ресурсе. Революция трудящихся поставит все на человеческое место: человек труда – цель, капитал и государство – средство.

Нужность классов друг для друга сомнительна. Чиновнику очень нужен капиталист: ему было бы лучше, чтобы прибылью с труда рабочего не делиться с капиталистом. Хотя обирать немногих капиталистов удобнее, чем самостоятельно возиться с рабочими, с управлением, с производством; а уж капиталисты пусть выжимают соки с работников и делятся с государством и коррупцией. Но без рабочих чиновнику все равно не обойтись. Капиталисту не очень нужен чиновник: все производственные вопросы он решил бы с рабочими сам и охрану и правопорядок организовал бы сам. Хотя государство придает его эксплуатации законную силу. А без рабочих ему точно не обойтись.

А вот рабочему, т.е. в общем народе, действительно как самостоятельные политические единицы не нужны ни администрация, ни частный собственник. Рабочий класс *сам* может быть *и* государством, *и* капиталистом – сам организовать производство, экономическую

и политическую жизнь, сам быть собственником всего капитала и всей власти и трудиться только для своей пользы. Здесь нет ни тени от фантазерства и утопического социализма; социализм – уже давно наука, и трудящиеся в России имеют опыт государственного класса.

Вопросам угнетения рабочего класса буржуазией, борьбе труда и капитала посвящена вся прежняя марксистская литература. Мордобой бизнеса властью в России буржуазия чувствует все глубже, которая – вразрез всему прежнему марксизму – скоро сама превратится в непримиримого коммуниста и марксиста. Сегодня больше речь идет об угнетении и эксплуатации рабочего класса *государством*, т.е. *чиновничеством*, творящим произвол; *конституцией* (законом и правом), оправдывающей, узаконяющей и закрепляющей этот произвол; *силовыми органами* (милицией, прокуратурой, судами), стоящими на страже такого порядка, до поры пресекающими проявление недовольства; и *пропагандой*, препятствующей самосознанию, организации, сплочению и укреплению рабочего класса в единую партию – партию всего рабочего класса, дробя силы пролетариата и затуманивая сознание народа отвлеченными идеями.

Самые красивые словеса: русский, национальный, патриотический, державный, отечественный, народный – **без слов: классовая борьба рабочих** – есть пустая болтовня, сладенькая водичка, бесцветный запах, могущий в любую секунду и под любым предлогом улетучиться. Только прямая внешняя вооруженная военная агрессия может на время снять в стране лозунг классовой борьбы. (Хотя история знает примеры, когда агрессор помогает свергнуть внутреннего врага).

«Национальные интересы России» забываются в ту секунду, когда вступают в противоречия с классовыми интересами. Чуть и вранье, что чиновник озабочен лишь державными интересами или проблемами народа. В следовании собственным интересам чиновник ничем не отличается от капиталиста или рабочего, которые преследуют также свои собственные интересы. Чиновники смотрят на роскошь буржуазии и говорят: мы хозяева в стране, а легальную зарплату получаем как пролетарии – и тоже хотят себе не меньшей роскоши. Вранье, что грандиозное и шикарное обустройство Кремля произведено

в интересах всего народа (культурное достояние России, величие государства российского и проч.) – это благо лишь для его обитателей. Мечты о помпезности государства безграничны, ибо величие распространяется и на сановников. Так же лицемерен и смешен был бы буржуйчик, заявляющий, что он открыл свою лавку, обуруаемый державными или любыми иными интересами, помимо своей выгоды. Если этот буржуйчик выступает со своим видением государственного устройства и ищет поддержки у собратьев по классу, поддерживая правую, т.е. буржуазную, партию, то только для того, чтобы защитить свои интересы от произвола чиновников и установленных ими налогах и административных барьеров.

Видя алчность и ненасытность капиталиста, работодателя, никто давно и не думает, что это проявление характера только этого буржуа и что другой буржуй лучше, ибо это – особенность всего класса буржуазии. Точно так же, как меценатство – это единичные проявления щедрости конкретных персоналий, а никак не система и не признак класса. Видя полную бесхозяйственность государства, опустошение страны, издевательства над народом, не верно делать вывод, что причина здесь в «бездушии» и разнузданности того или иного чиновника, администрации, правительства; нет, это – суть государства, всего бюрократического класса.

Главная причина всех бед, главное зло – это государство. Государство, аппарат, власть – это не абстрактное идеалистическое зло, а конкретные люди. Но неправильно делать вывод, что для искоренения зла достаточно устранить именно этих людей. «Уж коли зло пресечь, собрать чиновников да сжечь». Нет. Никаких точечных укусов. Не таким путем нужно идти. Необходимо устранить сами условия, позволяющие твориться произволу, разрушить до основания систему, в которой существуют ненавидящие и грабящие друг друга классы. Устранить межклассовый антагонизм возможно лишь ликвидировав сами классы, т.е. *противоположность интересов* собственности, государства и народа.

Основа богатства буржуазии – прибавочная стоимость, которая распределяется между развитием производства и потреблением

капиталиста, согласно законов рынка. Доходы бюрократии распределяются между государством и коррупцией, причем государство распределяет налоги *по собственному усмотрению*.

Изменить материальные условия существования бюрократии, капиталистов и трудящихся возможно только революционным путем – революционным переустройством общества. Единственный способ – марксистский. Единственная сила, желающая и способная устранить капиталистическую и государственную эксплуатацию – есть организованная сила революционного рабочего класса.

Любое государство, любое правительство, любой президент – есть государство, правительство и президент не всего народа, а лишь правящего *класса*. Партия продавцов не может защищать интересы покупателей. И наоборот. Или же только далеко косвенно и никак не в ущерб себе. Бюрократическое государство не может и никогда не будет проводить политику в интересах большинства народа, в интересах трудящихся, т.е. себе во вред. Даже если захочет. Такое государство вынуждено и технически способно проводить политику только в интересах своего класса, т.е. в интересах чиновников. Чиновники молятся бюрократическому государству. А партия рабочего класса точно так же не способна и не будет за счет народа кормить бюрократию и за счет рабочих защищать прибыли капиталистов.

«Усиление роли государства» означает превышение темпов роста казнокрадства над ростом доходов граждан. У госаппарата нет иных средств к собственному процветанию, как только за счет благополучия народа. Интересы страны (народа) и государства *не* едины.

Госвласть в любом классовом обществе а priori враждебна народу. Пастух действительно заботится о стаде, но не из-за желания общего с ним блага – даже если сам по простоте своей верит в это – а чтобы получать молоко (себе) и после поодиночке всех перерезать. Власть лишь вынужденно декларирует гуманность, и все проявления заботы – социальные подачки – происходят не из человеколюбия, а исключительно чтобы собирать налоги и получать похвалу себе. Социальной политикой власть за бюджетные деньги оплачивает

собственную рекламу. И если мы видим действительную заботу государства о гражданах, то это не добродетель чиновников, а остатки прежней социальности, которые, можно быть уверенным, в скором времени коммерциализируются и обюрократятся, т.е. будет введен налог, пошлина, сбор в пользу государства, т.е. чиновников, и т. д.

Какой же чиновник по доброй воле раздает деньги народу, если есть возможность потратить их на себя? Эта возможность называется бесконтрольной политической властью. Ее обеспечивает лишь классовая неорганизованность трудящихся. Власть никогда ничего не делает бескорыстно, как и ни один класс ничего не делает бескорыстно для общества, а только с выгодой для себя. Например, буржуазия работает ради выгоды для себя – это ясно. Рабочий класс стремится отобрать государство у бюрократии и капитал у буржуазии, взяв себе политическую и экономическую власть – тоже ради выгоды для себя. И кто же верит заверениям госвласти, что она действует из любви и ради интересов *всего* общества, т.е. в интересах других? Политическое меценатство – это сказки для не знакомых с марксизмом. За истекшие годы рабочий класс не получил от государства ни единого блага. Рабочий класс должен сказать прямо и без оговорок: мы считаем сегодняшнее государство, правительство и власть нашим классовым врагом.

Мы не должны ждать милости от государства. Выгнать прежнее, создать новое и подчинить себе его полностью – наша задача. Бюрократия понимает и чувствует, что рано или поздно народ, просвещенный марксизмом, поставит под сомнение легитимность самого государства как обладателя политической власти. Поэтому за чем государству, чиновникам финансировать сверх минимума поддержание жизни и существования трудящихся, которые все равно рано или поздно это государство свергнут?

Государство и де-факто, и де-юре перестало быть лишь выразителем интересов класса, владеющего средствами производства – и стало самостоятельной силой, способной *и* владеть средствами производства, *и* эксплуатировать трудящихся. Госчиновник также получает зарплату и так же, как рабочий на заводе, платит налог в

бюджет страны (отдает прибавочную стоимость) – только это роднит его с пролетариатом. Но в отличие от промышленного рабочего, от крестьянина и простого служащего он имеет возможность получать дополнительный существенный доход от своей должности, от принадлежности к правящему государственному классу, от возможности общественного распределения, плюс имеет «полагающиеся льготы», номенклатурные привилегии, являющиеся бесплатным приложением к его должности, плюс имеет возможность налагать легальные и нелегальные поборы и на класс рабочих, и на капиталистов. Деньги – это воплощенный труд. Повышая тарифы и вводя дополнительные платежи, сборы, пошлины и т. д., государство отнимает у людей их труд.

Политическое влияние на экономику превращает бюрократию в единоличного хозяина жизни. Возвышение государства над обществом – не божественная привилегия, а рукотворная система, которая превращает его служителей в касту, монополизирующую воспроизводство всех жизненных благ. Класс бюрократии диктует и устанавливает правила игры на политическом и экономическом рынке – в своих интересах, прикрываясь интересами государства как выразителя интересов всех, всего общества.

Разумеется, *часть* дохода от налогов, штрафов, поборов и проч. власть (государство) по своему усмотрению тратит на исполнение своей основной, официальной и легальной функции, т.е. *возвращает* ее обратно всему народу, в т.ч. и капиталистам, в т.ч. *и себе*, – как каждая индивидуальная гора в преферансе расписывается дебетом на всех. Так же капиталист *часть* полученного от рабочего дохода возвращает обратно рабочему в виде заработной платы. Однако, помимо официальных налогов, идущих в прозрачный бюджет, государство-власть чиновники имеют гигантскую возможность получать и распоряжаться столь же значительными «черными» денежными потоками – неподконтрольными обществу. «Черный нал» буржуазии не проводится по бухгалтерским счетам, потому подлежит реквизиции (экспроприации) не рыночным, а революционно-омоновским путем. Чиновничьи взятки также не проводятся через кассу, потому эта система должна быть

разрушена не административно, а революционно (возможно, тем же омоном, взятым на службу новым рабочим государством). Борьба с коррупцией и бюрократией – есть путь к социализму.

Понятно, что власть обещает выгоду населению. Но следует задавать вопрос и центристам: «а есть ли выгода при этом власти, государству, бюрократии?», чтобы заставить их произносить разоблачающую фразу о *выгоде всем*. Выгода государства всегда выгодна коррупции. Не обязательно доказывать антинародность реформ – науки, образования, здравоохранения, сельского хозяйства, армии – для этого достаточно показать их выгоду государству и бюрократии.

Самый выгодный бизнес – не тот, которому деньги платят индивидуумы поодиночке, а тот, что получает деньги с массы. Массовое наложение денежного бремени на людей тотально под силу только государству. Центристская политика – самый выгодный бизнес, расширение которого приводит к соответственному расширению государственного аппарата. Капиталисты отнимают деньги у народа посредством товара, эксплуатируя рабочую силу, в конкурентной борьбе между собой, что емко называется капиталистической эксплуатацией. Государство отнимает деньги у народа прямо.

Когда капиталист обворовывает государство, народу нет разницы, в чьих именно руках находится эксплуатирующая его собственность: и государство, и капитал – эксплуататоры. Каждый припертый к стенке стремится доказать, что все-таки он меньший эксплуататор, чем другой. Самый отпетый мошенник-олигарх становится «другом» народа, когда начинает *воевать* с государством. Тогда чиновник бежит к народу, обещает исполнить все прежние и дает все новые обещания в обмен на поддержку. Но люди должны знать и помнить, что всякое ослабление бюрократического государства и его измордованный чиновник – шаг к победе трудящихся.

Задача партии рабочих до своего прихода к власти – всячески мордовать и оплевывать власть бюрократии, не давать ей присваивать себе заслуги отечественной истории и т. д. Только сытое, зажравшееся, безнаказанное чиновничество способно творить беспредел. Всенародно оплеванный министр или генерал никогда не посмеет нагло выступить

против народа. Оплеванное государство *вынуждено* демонстрировать свою любовь к народу.

Закабаление труда рабочих – процесс не ураганный, а постепенный. Представив историю убыстренной, яснее видно классовое движение общества. Политика государства – есть наступление на права других классов. «Реформа» – не есть модернизация; реформа – есть подстраивание под интересы класса, проводящего реформу. Какую «пенсионную реформу» нам предлагает нынче госвласть? Мизерная зарплата сегодня – есть мизерная пенсия завтра (через 10, 20, 30 лет). Завтра власть нам (рабочим, пенсионерам) скажет: «А что же вы хотели? У вас была тогда (т.е. сейчас, сегодня) крошечная зарплата – посему и получайте крошечную пенсию. Вам следовало бы *тогда* (говоря о сегодняшнем дне) и бороться за повышение зарплаты. Где же вы раньше (в 2005 г.) были?». А мы говорим – нет. Мы уже сегодня говорим – нет: этот обман не пройдет. Мы требуем не только сегодня и завтра существенного повышения зарплаты, но мы требуем пересчета и *доплаты* наших, заработанных нами и недополученных денег, проеденных чиновниками, мы требуем компенсировать нашу вчерашнюю (2004, 2003, ...1991 гг.) мизерную зарплату. Мы требуем возврата полностью, с процентами, долга. Возврата долгов мы требуем не из госбюджета, а за счет благ чиновников и буржуазии. Мы не простим. Мы не забудем. Народ – не лохи, которых обыграли в наперсток и затем узаконили и легализовали сие новой конституцией. Кто-то, быть может, с церковной помощью, забудет и простит, но *весь народ* не забудет и не простит: припомнит и потребует все вернуть сполна. Формула «не мы голосовали и подписывали законы» не проходит. Пролистайте нашу историю – как сводятся счета за давние грехи.

Нам пытаются внушить, что политическая система – структура аморфная и безымянная: мол, сменились прежние президенты, министры, губернаторы – а новые ничего не ведают, они патриоты, они не при чем и не с кого спросить. А мы говорим – нет: мы знаем марксизм, мы знаем, что виновник – эксплуататорское государство. В ответе – *все* государство, все поголовно его служители. Каждый новый чиновник, идя к государству в услужение, добровольно принимает на

себя все преступления политической власти. Народ – не лохи: мол, сменился крупье и не с кого спросить за прежнее. Новый улыбающийся пречестный патриот-государственник губернатор и его свора получают сполна за все грехи прежнего: за государственные казни Ивана Грозного, за государственное топтание людей Петром I, за государственные репрессии Сталина. По нашему, классовому, правосудию за все преступления всецело отвечает существующее на текущий момент государство и чиновничество прежнее. И наш классовый приговор выносят не Каракозовы и не манифесты Нечаева. Приговор выносит рабочий класс: нет эксплуататорскому государству. Да здравствует государство трудящихся, которому мы, народ, честные люди, простим возможные грехи, как прощаем их себе, ибо властью будем мы.

Противогосударственные деяния именуются государственным правом изменой *родине*. Государственный преступник Александр Ульянов был патриотом. Полно хрестоматийных примеров, когда после неудавшихся путчей их вожди на судах доказывают, что они враги власти, но *не* изменники *Родине*. Родина – это наш народ, наша земля и наша культура. Изменой родине каждодневно занимаются чиновники, угнетая народ и превращая землю в помойку. Стабильность и законность далеко не тождественны процветанию и справедливости.

Государство – есть законное беззаконие; бюрократия – есть общественная привилегия законно творить произвол. Законность – понятие классовое. Тот кошмар, что считает «законным» государственно-прокурорское право, является беззаконием с точки зрения пролетарской. Презрение к труду целых поколений, социальное и материальное неравенство между бюрократией и трудящимися, полубесплатный труд рабочих и крестьян, неработающие законы, нераскрытые заказные убийства, существование в стране безработицы, нищеты, наркомании, беспризорности с позиций формального права является совершенно законным; и ни один центрист не уничтожен за геноцид народа государством. Коммунизм как выражение народной воли считает незаконным само существование государства как системы эксплуатации.

Власть трудящихся установит закон более справедливый и

более социальный не потому, что компартия добрее любой центристской или правой партии, а потому, что социальные привилегии классового большинства по отношению ко всему обществу более близки к действительно *всему* обществу, чем привилегии меньшинства к большинству. Что такое революционная законность? Это значит, что пришедший к власти революционный класс – до полного подавления активного сопротивления господствовавшего класса – объявляет весь сопротивляющийся класс (всех представителей сопротивляющегося класса) *вне закона*.

Политическая свобода – есть свобода вести классовую борьбу. Социализм – есть победа рабочего класса в конкурентной борьбе трех классов. Капитализм, буржуазная демократия – есть победа капиталистов; тоталитаризм – есть победа класса государства (без уступок или с минимальными уступками другим классам). Церковь – это средневековая форма государства, и церковный тоталитаризм (инквизиция) ничем не благороднее тоталитаризма фашистского.

Коммунизм – есть идеология классовой борьбы. Сегодня в России бюрократическая государственность далеко не установившаяся: идет борьба между полицией и крупным бизнесом. Пора рабочему классу едино выступить на политическую арену своей многочисленной армией.

Сегодня главный враг для России – не американские империалисты, не антантовские интервенты, не шведские крестоносцы, не внешние и не прошлые враги; жидомасонский заговор, «оккультные силы мирового зла» – все это сказки. Борьба с призраками и с врагами вчерашнего дня опасней для нас самих и безвредна для настоящих сегодняшних врагов. Сегодня главный враг России – ее **государство**.

Осознание того, что народ, страна и держава – это мы, а государство – это они – есть первый шаг к победе. Без победы над государством не может быть победы над капиталом. Только завоевав частично или полностью государственную власть, рабочий класс сможет успешно бороться и победить власть капитала.

Мы не заинтересованы, чтобы нынешнее правительство «победило» олигархов (трудящиеся имели бы крайне незначительные

выгоды от такой победы, зато получили бы практически монопольное угнетение народа государством), равно как и наоборот. Победа любого из двух противоположных нам классов грозит новым усилением эксплуатации рабочего класса, ровно так же, как и победа организованных в социалистическую революционную партию рабочих над организованным в государство чиновничеством не сулит ничего доброго буржуйам, на которых обрушится двойной и целенаправленный удар со стороны почувствовавших вкус победы рабочих.

Рабочему классу, народу выгодна война между государством и бизнесом, бюрократией и капиталистами. В этом случае и те, и другие вынуждены обращаться для поддержки к рабочему классу, обещая дружбу и послабления. Слабый, неорганизованный рабочий класс теряет цену как партнер, притупляет и ослабляет борьбу своих врагов; сильный, организованный, сплоченный и яростный – наоборот, ожесточает их борьбу, изматывая их силы.

Рабочий класс не перепоручает буржуазии вести за себя борьбу против государства, а ведет борьбу самостоятельную. Тактически рабочий класс, рабочая партия может блокироваться с любыми кровопийцами, – лишь открыто говоря обществу: это наш враг, но мы блокируемся с ним, – ни на минуту не забывая, что конечная цель – удушение *всех* кровопийцев. Однако, это блокирование может быть исключительно под лозунгом двусторонней *борьбы против* общего классового врага и ни в коем случае не под лозунгом единого фронта и общих совпадающих интересов. Лозунг общих интересов будут пытаться навязать нам центристы и капиталисты – каждому хочется открыто продемонстрировать свою дружбу с рабочим классом. Поддавшись подобным лозунгам, мы предали бы прежнюю борьбу наших товарищей. – Нет. Только лозунг – классовая борьба против эксплуататорского класса за наши классовые интересы.

Демократия в рамках тоталитарного государства равнозначна отсутствию таковой. Абстрактное требование «прозрачности власти» – есть пустышка, благое пожелание, равное мольбам о пощаде. Буржуазное требование «открытости» есть лишь замаскированное желание о подконтрольности власти капиталу. До установления диктатуры

рабочей власти, нынешние органы государственной власти, органы местного самоуправления должны быть со всех сторон обложены контролем гражданского общества и – как его авангарда – партией рабочих с классовыми требованиями. Организованность и массовость – вот оружие народа против власти. Организация, группирование рабочих по предприятиям для защиты своих классовых интересов может быть исключительно рабочей партией, именно: коммунистической партией.

Закрепленное в конституции разделение властей есть фикция, за которой скрывается *единственный* властный класс – государство; в стране есть одна господствующая власть: государственная власть. Ни разделение властей внутри государства, ни противоречия между центральной и местной властью, ни иные чиновничьи раздоры вовсе не исключают единства и эксплуататорской сущности государства, как конкуренция и противоречия между отдельными капиталистами не исключают единства и эксплуататорской сущности буржуазии. Нас не должны вводить в заблуждение своры среди чиновников, разборки внутри государства: волки не едят волков. Разделение властей – не больше, чем разделение капиталистов на владельцев заводов, банков и торговых предприятий. Разделение властей ничуть не является антимонопольным законом против власти бюрократии. Также и разделение рабочих на трудовую интеллигенцию, промышленных рабочих и крестьян есть не профсоюзовская раздробленность, а разностороннее единство, составляющее единый класс единого народа. Общество идейно не организуемо; зато класс может быть организован классовой идеологией. Идейно собрать воедино все разрозненные рабочие движения в стране – есть победная задача коммунистической *партии*.

Государственный закон самым подробным образом охраняет прежде всего государство: бюрократию, чиновников, их права на власть, во вторую очередь – капиталистов, их права собственности, и в последнюю очередь и в самых общих формах – народ, людей труда, их право на труд. Такова форма бюрократического государства. Здесь полная свобода для того, кто владеет властью, чуть меньше – кто владеет собственностью. Человек труда никак не защищен. Наоборот –

все законодательство направлено на защиту государства и капитала от претензий на них народа.

Гарантирование прав личности при подавлении *прав для рабочего класса* есть обещание хорошей погоды при суровом климате. Коммунисты требуют обратного, ибо гарантирование прав трудящихся как *класса* автоматически гарантирует и права каждого человека как личности. Отсутствие реальных свобод при декларировании свобод формальных объясняется тем, что реальные свободы подавляются конкурентной борьбой свобод формальных, т.е. существующим классовым антагонизмом, потому побеждают свободы правящего, политически более сильного, класса. Свободы класса трудящихся могут быть господствующими лишь при политической власти трудящихся, т.е. в государстве трудящихся.

Конституция – мандат для чиновничества, законодательно закрепляющая и реально гарантирующая *их* права. Рабочие и капиталисты с помощью конституции и законов вынуждены выпрашивать себе права, формально конституцией гарантированные. Целые классы не могут непрерывно добиваться своих прав в судах. У рабочего класса нет в достатке времени как свободного ресурса, чтобы по закону, установленному бюрократией, отвоевывать у бюрократии свое законное право. Но если капиталисты каждый раз и индивидуально могут *покупать* у бюрократии себе те или иные права, то рабочие *реально* утвердить и узаконить свои права могут *только борьбой*. Только организованной, только совместной, только классовой партией и только борьбой до победного конца – у рабочих нет иного оружия. Целью борьбы коммунистов является замена формальных прав трудящихся правами реальными и гарантированными.

Любые полупобеды, любые уступки и послабления рабочим в любой момент могут быть отняты и отбиты назад, если нет полной победы класса. Зато *полную* победу рабочего класса не отберет назад никакая сила в мире. Да здравствует коммунизм!

ХIII. Классовая борьба

Сила марксизма – в том, что он находит себе новые и новые подтверждения в каждом явлении окружающей действительности. Сила марксизма и в том, что он сразу же собой дает и ответ на вопрос – как разрешить антагонизм в вечном противоречии: народ – государство – капитал. Новый марксизм окончательно закрывает средневековье: государство навсегда остается в прошлом.

И буржуазии, и народу в целом все больше и больше становится ясным, что до победы социализма, по мере обострения классовой борьбы, бюрократические препоны будут возрастать. «Усиление роли государства» только это и означает. Чем больше в стране сил и прав у государства и капитала, тем больше угнетают они народ. Чем больше в этих враждебных нам лагерях будет разногласий между собой, тем более затруднено будет их объединение против нас. «Укрепление государственности» государства может происходить только за счет ослабления народа и силы капитала и неимения ими *своей* государственности. Основной демагогический тезис центристов «сильное государство – сильный народ» равнозначен торжеству поповщины: «добрый рабовладелец – счастливый и его раб». Чем сильнее будут совместные удары организованного рабочего класса по капиталу и власти, тем бóльшим другом народа каждый из них захочет быть.

Тоталитаризм – это то, к чему стремится всякая власть, и то, во что она с неизбежностью превращается, оказавшись без жесткого контроля со стороны класса трудящихся (народа). Боевой силой гражданского общества может быть только революционная партия, которая не простит ни одному чиновнику ни единого случая произвола.

Нынешнее административно-полицейское государство всеми средствами стремится *исключить* рабочий класс – трудящихся как организованную силу – из политики: мол, мы обещаем дать вам хлеб, а себе взамен берем над вами власть (об этом «Легенда о Великом инквизиторе» Достоевского – манифест тоталитаризма, государственной власти и тайная мечта любого центриста-государственника). В этом и есть вся политика: каждый класс стремится исключить другие классы из политики и утвердить себя. Эксплуататорские классы не смеют говорить об этом вслух, предпочитая, по возможности, не упоминать

или даже отрицать само существование классов, деление общества на противоположные классы и непримиримость между нами. Единственно рабочий класс, коммунисты открыто говорят: наша цель – исключить, вытеснить буржуазию и бюрократию из политики, утвердить класс трудящихся *единственным* политическим классом, установив диктатуру своего класса по отношению к двум другим. Вытолкнуть бюрократию из политики – значить искоренить полностью возможность спекуляции властью, как нет нынче церкви как класса, рабовладельцев как класса и их возможности открытой и массовой работорговли из Африки.

Продавец в магазине не обладает никакой властью ни над товаром, ни над покупателем; он лишь послушный посредник между первым и вторым, и никто не позволит ему проявлять самодурство и самовольство дольше одной минуты. Чиновник – это спекулянт, перепродающий государственные услуги. Самодурство чиновничества – от незнания людьми права, от бесконтрольности власти со стороны гражданского общества, от развращения капиталом и от отсутствия реальной угрозы со стороны рабочей партии. Только социализм способен превратить чиновника из вельможи и самовольного распорядителя в молчаливого посредника между правом и народом. И только социализм превратит людей из просителей в хозяев. **Социализм – есть результат борьбы рабочего класса за свои права, победа в классовой борьбе.**

Каждый чиновник, сталкиваясь с гражданином, должен знать, что перед ним не беспомощная единица, а Человек, у которого заступницей революционная рабочая социалистическая партия, которая за самодурство сотрет любого держиморду в порошок. Путь к этому – не в выжидании времени обретения чиновничеством христианского человеколюбия, а в неуклонном воспитании бюрократии репрессиями и перманентной мясорубочной угрозой. В сих словах не стоит усматривать рекомендаций – власть рабочих сама найдет конкретные способы утихомирить коррупцию и всевластие государства.

Гипотетическая ситуация: если чиновник знает, что за свое самодурство он будет круто репрессирован вместе с семьей, и тому будет десяток примеров – на сколько десятилетий вперед напрочь

прекратятся издевательства государства над народом? Только ничто, буквально *ништо*, не может поставить на место зарвавшихся чиновников, *кроме* революционной рабочей партии. Коммунистический большевистский террор в России воспитал капиталистов и бюрократию во всем мире. Перед силой революционной рабочей партии жалкий чиновник, прежде всевластный, превратится в ничтожество, сможет только беспомощно трясти молитвенник с просьбами о великодушии и всепрощении, ссылаясь на жития святых... Но пока он в силе, он о сем не думает. Сволочи вспоминают о Библии, когда их начинают уничтожать. Сладкая жизнь бюрократии гарантирована до тех пор, пока рабочий класс не встал с колен, не организовался и не схватил за горло своих угнетателей. Возможно, что многие чиновники-государственники искренне не считают себя угнетателями; зато искренне считают народ быдлом, которым нужно управлять; и только развернувшийся рабочий класс сможет вправить им мозги.

Издевательствам над народом нет предела. Есть ли сила в мире, способная напрочь прекратить вакханалию? - Есть такая сила. Когда единственным оружием рабочих перестанет быть голодовка, забастовка, пикет, когда на каждое единичное беззаконие капиталиста или администрации рабочая партия сможет поднять весь народ в стране – какой плешивый прокурор или мэр посмеет слово сказать? Только организованная рабочая партия вынудит и власть, и буржуазию шепотом призывать друг друга быть тише воды, ниже травы, дабы не вызвать народного гнева. Сила класса – это единое слово *от имени* всего класса и поддержанное *всем* классом. Власть должна убедиться, что ее демагогия о единстве государства и народа народом разгадана и разоблачена, марксистски объяснена и растолкована как сознательная ложь. Кто иначе скажет единое слово от имени трудящегося народа, как не коммунисты и марксизм – стоящие на защите интересов рабочего класса?! - Не бумажный же президент...

Задача коммунистов – чтобы люди, рабочие ясно видели свою выгоду от членства в рабочей партии; и еще более, много более выгодно для каждого человека, чтобы *имелась* такая партия, защищающая интересы рабочих; именно: защищающая интересы не абстрактно, не

вообще, не в «центристском» смысле о повышении уровня жизни и общего благосостояния, а именно защищающая интересы всех рабочих против капиталиста и против чиновника. Разумеется, выгода понимается не в КПССовском смысле, а в смысле выгоды от принадлежности к многотысячному авангарду многомиллионной армии, стоящему на защите интересов каждого члена своего класса, отстаивающего требования, *общие у всех* членов, в т.ч. повышение зарплаты, социальная сфера, защита труда.

Каждый чиновник и каждый работодатель должен знать, что за спиной вот этого рабочего стоит грозящая им сила. Принадлежность к партии удесят�еряет индивидуальные силы каждого ее члена; организованная, сплоченная рабочая революционная *партия* не складывает, а перемножает силы партийцев. Организованная, единая рабочая партия есть многократно более надежная защитница прав человека, чем самая демократическая конституция.

Товарищи рабочие! Объединяйтесь! Разве обязательно дожидаться собственного попадания под тяжесть государственно-административного произвола, чтобы броситься организовываться с собратьями и вступать в коммунистическую рабочую партию?

Не профсоюзы, не местное самоуправление и не домовые комитеты, а коммунистическая рабочая партия и революционные организации по предприятиям – наше спасение. Защитницей народа против произвола власти и нашествия капитала может быть только такая сила, которая может *классово* бороться за социалистические требования. Жизнь многократно подтверждает вывод, что никакие формы организации населения не могут быть эффективными, кроме коммунистической партии трудящихся. Реальная сила у рабочих коммунистических организаций будет только тогда, когда они объединятся не по территориальному, а по производственному признаку. Территориальные объединения – первый шаг, временная, вынужденная мера. Чтобы воевать с полицией и бюрократией, не обязательно «уходить в горы к боевикам». Рабочие должны организовать боевую партию на предприятиях, в трудовых коллективах. Что может быть страшнее для власти?

Наш авангард – рабочий класс с высшим образованием, трудящиеся, стремящиеся к просвещению, занятые непосредственно в промышленном производстве – все те, кто *не* заинтересован в запутанном государственном аппарате и *не* заинтересован быть на службе у эксплуатирующего его капитала. Наше победное оружие – просвещение, организация, прогресс. Не молитвы, не мистика и не религия, а знание, образование, наука. Изучение и знание истории, а не вера в тупые «предания». Надежда на себя и на таких, как мы, а не на государство или на церковного бога.

Организация рабочих коммунистами понимается не в форме разовой сходки, митинга или пикета. Высшая форма организации класса – до превращения класса в государство – есть *политическая партия*. В арсенале марксизма есть целая обойма теоретических разработок, в т.ч. и учение о партии.

Государство трудящихся нельзя построить сверху, выбрав своего парламентария или президента. Государство трудящихся должно прежде строиться эволюционно: организованные рабочие на предприятиях (профсоюзы, рабочие комитеты, стачкомы, Советы), структурировавшись в *партию рабочих*, оформляя собой гражданское общество, смогут сперва контролировать, затем душить, а после и *заменить* государственно-чиновничьи структуры – сперва на уровне местного самоуправления, местных производственных единиц, местных органов правопорядка – разумеется, все это с поддержки своих представителей в существующих госструктурах – выбранные депутаты, губернаторы и проч. **Контроль рабочих (партии рабочих) над производством, контроль над административной властью – это революционное требование социализма.** Ни для чего другого рабочему классу «свои» губернаторы-коммунисты не нужны. А пока нужно открыто сказать, что доселе т.н. «красные губернаторы» ни на сантиметр не были ближе к рабочему классу, чем любые другие. Структурированная снизу, власть трудящихся достраивается сверху.

В нынешнем веке под революцией понимается не исключительно силовая вооруженная антиправительственная акция. Стремление уничтожаемого правящего класса – всячески сузить классовую борьбу в

обществе и ввести ее в рамки максимально мелких масштабов. Ведущий борьбу рабочий класс не должен ограничивать себя заданным набором единичных акций, а выходить на широкую дорогу классовой борьбы. Методы классовой борьбы шире методов «политической борьбы», ибо политическая борьба – есть частный случай борьбы классовой. Революция – есть уничтожение старого при рождении нового. Уничтожение старого – не есть выжидание его полного умирания, а прежде всего, активное содействие рождению здоровых сил. История – всегда есть борьба старого с новым, где старому до времени гарантирована жизнь. История классовой борьбы – это качающийся маятник, который раскачивает воля классов.

Выборы – это смотр классовых сил. Каждое очередное поражение на президентских выборах отодвигает требования рабочего класса до следующего подъема рабочего движения. Чем убедительней победа представительства рабочего класса, рабочих, тем больше чиновничество вынуждено считаться с требованиями народа, интересами рабочего класса, тем больше вынуждена заискивать администрация перед организованными рабочими коллективами. Чем больше голосов набирает «главный администратор» от бюрократии, тем с большей развязностью и бесстыдством вся администрация может плевать в народ. У скольких негодяев в кабинетах висит портрет президента? Лишив его народной поддержки, мы сможем легко расправиться и с этими негодьями. Чем больше голосов получает партия власти на выборах, тем безнаказанней она себя чувствует, и тем меньше уступок может давать она народу. Поддержкой и молчаливым послушанием в надежде на милость властей самоутверждения добиться нельзя. Только жалкий раб может надеяться, что смирением он заслужит в благодарности побряжек. Государство – это большая сволочь и нечего ждать от него благородства. Чем сильнее протестное движение, чем явственней власть на себе ощущает сопротивление, тем неуверенней чувствует себя бюрократия; чем более шатко ее положение, тем бóльшие уступки она вынуждена делать. Государство встает на путь «социальности» не от собственной милости и не от моральности ее представителей, а только под угрозой со стороны народа.

Товарищи рабочие! Никакой поддержки центристам – партии власти! Мы никому не даем права говорить от имени народа! Мы говорим: нельзя!

Каждый голос на выборах за представительство рабочих – это удар поддых чиновничьим держимордам. Каждый голос за представительство власти – это лишний бутерброд с икрой ожиревшей чиновничьей собаке.

Даже если на парламентских выборах настоящие коммунисты получают 90% голосов – это еще не победа. Есть еще президент, верхняя палата, губернаторы, местные парламенты, правительство, т.е. весь бюрократический аппарат. Сегодня никому не опасны нынешние горекормунисты с их потенциальными 20-ю процентами, которые они и набрать-то толком не могут. Сегодня у нас в стране 60-70% людей с *одинаковыми* экономическими интересами – выразить которые должна одна рабочая партия, т.е. минимум 60 гарантированных процентов. *Половина наших* во всех законодательных органах – только с таким активом нам нужен *наш* президент. Иначе победа будет поражением. Слова о том, что-де сначала давайте победим президентство, и эта победа поможет превратить бюрократию в неэксплуататорскую и т. д. – это слова о том, что подарите честному миллион – и он докажет, что можно быть честным олигархом; давайте, мол, *нашего* сделаем олигархом – и он станет одаривать нас тысячами.

Пока нет открытой войны всего класса буржуазии с чиновничьим государством, свалить правящую бюрократию силами одних рабочих нельзя. Всевластие советской партократии нельзя было поколебать ни силами какой-то одной части рабочего класса (рабочих, крестьян, интеллигенции, военных), ни тем более лишь силами нарождающейся буржуазии – только массовым выступлением всего народа. Новой буржуазии пришлось давать народу обещания рая американской мечты, призывать его в союзники, чтобы заменить собой партократическое государство, хозяйничавшее в стране.

Сегодня сбросить нынешнее бюрократическое самодержавие ни отдельно силами буржуазии, ни одними лишь рабочими нельзя. Но рабочий класс, наученный опытом истории, ни при каких условиях не

должен идти в услужение к буржуазии в ее классовой войне против государства: пускай буржуазия сама встает на сторону революционного рабочего класса – помогая финансово, информационно и т. д. Хотя поддержку буржуазии в ее борьбе против государственной полициищины рабочий класс обещать может. Дальнейшая судьба буржуазии будет зависеть от конкретных обстоятельств и будет решаться исходя из наличных классовых сил.

Мы, рабочий класс – сила самостоятельная. Осознав это, мы сможем свалить власть госчиновников, развенчать «святость» государства и обменять свое бесправие на его власть.

Можно долго фантазировать и проектировать модели идеального социалистического строя. Но всегда надо иметь в виду, что в действительности придется делать уступки и буржуазии, и бюрократии. Действительность будет приближаться к модели в той мере, в какой будет решительной наша борьба и сопротивление наших противников. Так же, как и тоталитарная, и капиталистическая модели могут быть «чистыми» лишь тогда, когда нет сопротивления и необходимости считаться с силами других классов.

Марксизм и социалистическая теория далеки от утопической, популистской и иной болтовни и попыток рисования идеальных обществ. Марксизм научно обосновывает то, что реально возможно в существующей ситуации, с налично имеющимися в обществе силами. О сегодняшнем дне марксизм говорит, что дело создания революционной рабочей партии – это реальность, это не сказка. Этой революционной партией реально и возможно: бороться с государственным произволом и капиталистической эксплуатацией – для этого есть силы; положить предел чиновничье-буржуазному распылению народных средств на роскошь; взять под контроль финансовые потоки, производство, экономию, расходы на расточительную бюрократию; взять под контроль все общественные процессы; в несколько раз увеличить жизненный уровень трудящихся и рвануть вперед по пути социального прогресса. Единственный путь к этому – перераспределение политической власти. Это возможно только революционным путем, на что способна только революционная партия. Это возможно, лишь - поставив

все богатство страны на службу всего народа, самим осуществляя гласный и открытый контроль; - сломив сопротивление государства, а затем – сопротивление капитала; - учитывая опыт XX века. Социализм – есть подавляющий контроль рабочего класса над национальным богатством. Коммунистическая партия – единственная сила в стране, способная быть во главе рабочего движения. Марксизм гарантирует победу трудящихся. Рабочий класс уверен в своей победе, ибо мы – хозяева марксизма, монополию на который рабочий класс и коммунисты никогда не отдадут.

Стремление рабочих к собственной власти – до новой коммунистической революции – обречено ассоциироваться с советской историей, идеологией и политикой. Единственный (именно: единственный!) аргумент, который противники могут предложить: мол, была в истории попытка установления власти трудящихся, и привела она к власти новой бюрократии. Классовая борьба, вечное стремление людей к свободе, богатству и справедливости – ответ истории. Советский социалистический опыт – это полуэталон, демонстрирующий реальную достижимость социального уровня. Будущее всегда ярче прошлого, а ошибки прошлого всегда поучительней его достоинств.

Что такое советская власть? Пока мы вынуждены пользоваться прежними формулировками и историческими аналогиями и поэтому обречены выслушивать критику прежней политики и нелепые обвинения в ретроградстве. Мы уверены, что постепенно развеемся все неопределенности; а пока мы говорим: советская власть – *не есть* прежняя СССРовская власть, номенклатурная власть партии и бюрократического аппарата; советская власть – есть власть Советов, но не брежневских аплодисментщиков, а выборных представителей трудовых коллективов: власть трудящихся «снизу», жесткая власть: диктаторская власть пролетариата. Власть рабочих – не есть абстрактно-народное представительство (т.е. на словах народное, а на деле – власть правящей бюрократии и представителей крупного капитала) и *не* «общенациональное», т.е. общее с буржуазией, с чиновниками, с попами и т. д., а *рабочее* представительство.

Народная власть в центристском понимании – это «выбранные

народом» популярные говоруны-демагоги. Нам говорят: в «демократическом» обществе народ влияет на власть посредством выборов. Уловка заключается в том, что разобщенный народ «выбирает» власть поодиночке – каждый поодиночке, не сговариваясь, не обсуждая. Социалистический демократизм должен заключаться в том, чтобы было видно открыто, какая группа (слой, класс) выдвигает и поддерживает того или другого кандидата. Промышленные заводы, колхозы, НИИ, вузы – одного, банковские структуры – другого, администрация – третьего. Именно так народ сможет увидеть, кто есть кто – не углубляясь в дебри предвыборных слов. Невозможно всеобщее голосование устроить по производственному признаку; но чтобы территориальное голосование было истинно демократическим, выдвижение кандидатов возможно устроить по предприятиям, по трудовым коллективам. Сегодня это партийные списки. Коммунисты называют народной лишь такую власть, где народ представлен во власти пропорционально своему классовому составу: банкиров в стране 0,01%, крестьян – 25% и т. д. – и соответственное их представительство во власти всех уровней.

Еще и еще раз нужно повторить, что под рабочим классом марксизм понимает не только промышленно-заводских рабочих, людей технических специальностей, а всех трудящихся, продающих свою рабочую силу, все многоцветие пролетариата. Поэтому «плюнем в лицо той мерзкой слякоти», пытающейся убедить нас в безграмотности рабочего класса: инженеры, ученые, врачи, агрономы, преподаватели вузов во много раз эффективней распорядятся национальным достоянием, чем спекулянты, функционеры и демагоги. Социализм как идеал социальной справедливости надежно привит русскому народу, хотя его настоятельно пытаются отравить блудными теориями.

Подобно тому, как большевики отвечали на непрерывные вопросы, что Октябрьская революция совсем, совсем другая, нежели была Великая французская, мы говорим: новая русская коммунистическая революция будет кардинально отличаться от социалистической революции 1917 года – новые времена, новые условия, новый рабочий класс, новый марксизм. Революционные марксисты учитывают и изучают опыт всех прежних революций и опыт истории XX века:

Европа, Германия, Советский Союз, Китай. Мы не боимся обвинений и попыток загодя приписать нам повторение ошибок и преступлений большевистской революции и соцстроительства. Мы, коммунисты, не повторим большинства прошлых ошибок, но отдаем себе отчет, что совершим ошибок много новых – за то и ответим перед историей, но это не может остановить рабочий класс в стремлении к свободе.

В XX веке у рабочего класса в России впервые за многовековую историю появилось оружие – высшее образование. Рабочим как классу еще предстоит научиться им пользоваться. Это оружие – не только против всякого идеализма и поповщины, но, главное, против монополии эксплуататорских классов на государство и власть.

Безвозвратно прошли средневековые времена мракобесия, бывшие благодатью для церкви, когда не было у народа ни образования, ни книг, и всецело господствовавшая церковь обладала монополией на бога, на чтение и на толкование Святого писания. XX век был первым веком наступившей эпохи всеобщего образования и просвещения. Отныне – и тем более с развитием телекоммуникаций и информационных технологий – ни у одной политической силы, политического института нет и не может быть монополии на знание, на науку, на истину. Отныне *и государство* не обладает монополией на право и на толкование права. Правящий класс всегда был в истории единственным и настоящим просвещенным классом, охранявшим свою монополию на образование (и наоборот: просвещенный класс был единственно правящим). Сегодня все более становится очевидным, что не класс буржуазии и не класс чиновничества представляют мозг нации. Основные знания и культура сосредоточены в массе рабочего класса: ученые, инженеры, педагоги, медики, программисты, работники культуры – которые стремятся к социализму, чтобы получать материальное благополучие, не связываясь капиталистами и не завися от милости государственно-чиновничьей кормушки, а непосредственно реализовывая свои способности, т.е. своим трудом, своими талантами и умением давая и получая общественные блага. Этот класс и должен стать правящим; это есть социализм.

Возражения, что рабочий класс «не удержит политическую

власть», что рабочие не обойдутся без капиталистов и бюрократии (тем более, без *прежнего* государства), смехотворны и давно опровергнуты. «Управление государством даже чернорабочими», в частности, означает, что и чернорабочие контролируют государство, и что нет такой категории трудящихся граждан, интересы которой не учитываются государством трудящихся. Государство трудящихся одинаково защищает труд чернорабочего и труд академика. Диктатура пролетариата означает, что любой представитель власти – от министра до самого последнего чиновника – *вынужден* под страхом репрессии со стороны революционной партии, со стороны социалистического законодательства обеспечивать законные интересы любого чернорабочего – не индивидуальные и персональные подачи каждому по отдельности, а обеспечивать условия, защищающие поголовно интересы всей массы, каждой категории трудящихся.

Коммунисты не питают иллюзий, призывают не верить ни в чьи обещания и открыто заявляют, что т.н. «социальное государство» невозможно в рамках существующей (сколь угодно подкрашенной) бюрократической власти.

Как и в прежние века, государство концентрирует в своих руках монополию на истину и стремится убедить общество, что оно есть воплощение справедливости. При этом в классовом обществе на государственном уровне пропагандируется справедливость в понимании ее господствующим классом. Соответственно этому пропагандой воспитывается народ; все иные мировоззрения объявляются ересью. Но антагонистические интересы подразумевают, что существуют другие, противоположные истины. Классовые интересы антагонистичны, ибо у одних есть политическая власть, у других ее нет. И эта политическая власть распределена в обществе несправедливо.

Вот *вульгарная* формулировка триалектического марксизма: государство и капитал – зло; раз чиновники и капиталисты сволочи, нужно поголовно их истребить. Любимый демагогический прием центристов: приписать оппоненту дурацкие взгляды, а после победно их разоблачить. Если следование «слушайте батюшку» превращает в христианина, то достаточно уяснения единственной мысли, чтобы

назвать себя коммунистом: государство – это дерьмо. Единожды научившись в любом общественном явлении видеть триалектику классовых противоречий, каждый может назвать себя политологом. Для классовой борьбы этого мало; необходимо марксистскую теорию практически применять в рабочем движении.

Коммунистический идеал – отсутствие *политической* власти вообще. Возможен ли, осуществим ли этот идеал – пускай разрешают философы. История не знает ни единого примера, когда какой-либо конкретный вопрос, будучи однажды поставлен, в течение веков и навечно оставался бы неразрешенным. Для любого вопроса, раз есть основания для его постановки, то найдутся и способы его разрешения: как Гегель нейтрализует Канта.

Народное стремление и партия рабочих требует того, чтобы политическая власть в обществе была распределена гораздо, гораздо более справедливо. Марксизм как раз и говорит, как именно она должна быть распределена и каким путем. Именно: политическая власть должна быть не у бюрократии, стоящей над обществом, и не у буржуазии, подчиняющей жизнь деньгам, а у трудящегося народа. Стремление класса трудящихся к политической власти – есть главное стремление классовой борьбы трудящихся – руками своей собственной, революционной рабочей партии.

На тот случай, если лакеи бюрократии центристы вздумают в своей пропаганде пристроиться к социализму и марксизму, мы скажем: господа, не думайте, что марксизм есть лишь экономическая теория; марксизм – есть революция против вас и разоблачение вашей лжи. Государственная пропаганда – всегда обман, прикрывающий преступления власти против народа. Только победившая революция раскроет весь обман и все преступления госвласти. Пропаганда чиновниками реформ как направленных во благо народа – это обман: реформы – это наведение порядка в собственной вотчине, вся остальная жизнь подчинена интересам этого порядка. За то, что народ обманут пропагандой – ответный удар будет тем жестче. Рабочие революционно выступают за то, чтобы самим проводить реформы.

Почему необходима революция? Почему для социального

переустройства абсолютно не достаточны никакие «реформы», ни смены правительств, президентов, конституций, ни бунты, ни дворцовые перевороты? Дворцовый переворот – есть смена правящей клики; революция – есть смена господствующего *класса*. Революция объявляет *всю* государственную власть вражеской и преступной и отправит правительство и администрации не «в отставку», а под арест. Каждый чиновник, как член организованной преступной группировки, называемой государство, есть преступник и несет солидарную ответственность за все преступления государства – каждый местный чиновник, каждый депутат и министр.

Сейчас, в век коммуникаций, с отменой монополии власти на информацию, в век просвещения, с отменой монополии власти на право, в мире все больше и больше государство теряет свои политические функции. Ни бюрократия, ни ее пропаганда, ни полиция, ни церковь, ни прочая средневековщина не могут остановить прогресса и расширяющегося просвещения и юридического образования народа, роста правовых знаний у населения. Знание – сила, знание – оружие. Куда деваться попу, когда прихожане грамотней его? Государство все более теряет монополию на право – власть побивается собственным оружием. Политическая диктатура сменяется ассоциацией граждан. Организованные в революционную партию трудящиеся берут политическую власть у чиновничества (государства) не для собственной утехи, а, во-1-х, для удовлетворения своих экономических интересов и, во-2-х, для последующего растворения вместе с ней в истинно демократическом гражданском обществе *без всякого государства*. Абсолютно развитое гражданское общество – и есть коммунизм.

Общество – не только геологическая сила, но сила сознательная, едино мыслящая; человечество – это мозг Земли.

Вся история человечества – есть история несвободы. Истоки несвободы – в стремлении одних жить за счет других, присваивая себе их труд. Виды эксплуатации на протяжении веков менялись, но инструмент всегда оставался один – государство. Государство – это сила и обман. Наученное временем, государство мастерски овладело искусством отвлекать внимание общества от действительных рычагов

управления историей. Это легко было делать во времена дикости, мракобесия, темноты. Достаточно было единственной универсальной фразы для объяснения и оправдания не только хода истории, но и всего и вся: «такова божья воля». Нынче людей не удовлетворить этим пошлым трюком.

С XX века наемные рабочие реально становятся исторической силой; трудящийся класс овладевает наукой, познает движущие силы общества и сам может управлять историей. Рабочий класс ясно видит препятствия, поименно знает своих врагов, и никакие силы в мире не повернут историю вспять. Марксизм – есть механизм устранения препятствий на пути к свободе и прогрессу. Капитал и государство – есть главное зло. Именно: капиталисты и госбюрократия – это враги человечества. Таковыми они являются *не* как личности и индивиды, а как *единолично, индивидуально* обладающие и распоряжающиеся *общественными* силами – капиталом и политической властью; вопрос лишь в том, будет уничтожено само это их право обладания или они сами как носители, – это вопрос о форме революции. Чиновник при диктатуре рабочей власти превращается в слугу народа; сама бюрократия, не имея политической власти, исчезает как политический класс, – как музейный хранитель шапки Мономаха не является самодержцем.

Цивилизация – есть связь воедино всех времен; каждый человек как часть цивилизации пользуется плодами труда всего общества и прежних поколений. Но именно политическая власть позволяет некоторой группе людей присваивать себе общие блага в огромной, огромной степени бóльшие, чем их даваемая польза обществу.

Центристы оправдывают богатство бюрократии и требуют высокое обеспечение чиновникам якобы за политическую ответственность. Государственная ответственность – есть политическая власть. Коммунисты выступают за экспроприацию государства и *передачу* политической власти всей массе трудящегося класса – представительствам, самоорганизации на местах, Советам.

Политические функции чиновничества должны быть распределены внутри гражданского общества, как этап – «народовластие», коммунизм, второй этап – народная демократия, далее социализм.

Можно вычеркнуть и забыть данный абзац, но невозможно вычеркнуть из будущей истории шаги рабочего класса к освобождению своего труда.

Рабочий класс всегда обманываем тем, что *доверяет* защиту своих интересов представителям других классов и «политикам». В времена грядущей диктатуры пролетариата рабочие поставят железным правилом – *только* представители трудовых коллективов, со стажем не менее стольких-то непрерывных лет работы на данном предприятии, могут представлять интересы рабочих в законодательных и исполнительных органах. Никаких «профессиональных» депутатов, министров, губернаторов, ведомственников и т. д., т.е. «ни мэров, ни пэров, ни херов».

«Исчезает» ли государство и бюрократия после коммунистической революции? Капитал, побежденный революцией социалистической, перестает быть эксплуататорским и переходит на службу всего трудящегося народа; так и завоеванное рабочими государство (политическая власть) не исчезает, а трансформируется. Прежний марксизм говорил о том, что капитал – сила общественная, но до соцреволюции сосредоточен в частных руках. Разрешается это противоречие революционной передачей капитала в принадлежность всему народу. Политическая власть – также сила общественная и принадлежать должна не одному классу, а всему обществу. Без борьбы свобода не завоевывается. Маркс вскрыл механизм капиталистической эксплуатации посредством прибавочной стоимости. Марксизм выводит преступность капитала. Но отсюда неправильно делать вывод, будто Маркс выступал против необходимости капиталиста как управляющего. Нет. Марксизм за управляющего (производство), но против *частной прибыли от собственности*. Собственник абсолютно не нужен как самостоятельная единица, как не нужен деревянный идол, которому приносятся подношения; привилегия собственника (как «обладателя» титула) социализмом распределяется между всем обществом (трудящимися), и функции управляющего *контролируются* обществом (трудящимися). Также и управление государством: марксизм не против (административных) управленцев, но против политической власти бюрократии: *за*

экспроприацию государства как частной собственности бюрократии. Государственное шаманство, привилегия бюрократии как легитимного божественного или общественного монополиста над правом и всем обществом отменяется. Социализм не отрицает, а предполагает существование и чиновников (хозяйственных и административных управленцев), и предпринимателей (индивидуальной инициативы и индивидуального капитала), но напрочь отказывает этим классам в *политической* власти, т.е. в управлении общественной жизнью, принятии стратегических решений в направлении движения страны и общества, которое должен определять коллективным разумом исключительно рабочий класс в своих интересах (социализм).

Никто не сможет обвинить нас, что мы анархисты. Мы не призываем к какой-либо «отмене» государства в пользу вольницы, а прямо говорим: мы против *эксплуаторского* государства – государства чиновников, и одновременно мы не должны позволить сорганизоваться и государству капиталистов, но мы **за** государство *трудящихся*: государства рабочего (народного) представительства, т.е. государства, насквозь подконтрольного избранным Советам рабочих депутатов и гражданскому обществу. Рабочее (народное) государство, государство трудящихся не сможет обойтись без собственных администраторов и управленцев, но с учетом опыта XX века эти чиновники будут взяты под контроль гражданским обществом (как истинно народной властью всех уровней) и революционной рабочей партией и при малейшем помысле и попытке брежневского перерождения будут немедленно подвергаться сталинским репрессиям.

Кого может испугать лозунг кровавой мясорубки? Расправа со стороны поднявшегося народа совершенно не грозит рабочему, крестьянину, военному, простому служащему. Инквизиция грозит только бандитам и коррупционерам (государственной банде). Народу – рабочим, трудящимся – нечего бояться жесткой или жестокой власти рабочих, как никто не боится своей силы и своих кулаков.

Эволюционно речь не идет об исчезновении государства вместе с чиновниками в никуда, но именно о растворении его в самоорганизации народа и, главное, о превращении народа в государство. Коллек-

тивное руководство требует персональной ответственности; бюрократическое руководство – всегда есть государственная безответственность. Возражение, что при коллективной власти будет распылена ответственность – есть пошлая демагогия. Наоборот: личная ответственность против государственной обезличенной безответственности. Самоуправление народа вместо самоуправства чиновника.

Что может заставить коррупционера не брать взятки и прекратить самоуправство? Может быть, неожиданное христианское просветление? Или сострадание к поруганному отечеству? - Нет. Чиновника отучить от взяток могут только внешние условия. Угроза. Эволюционный процесс включает в себя революционное «подталкивание». Государство не может само себя высечь. Эти внешние общественные условия могут быть созданы только массой людей, противостоящих государству как коррупции, объединенных единой целью: организованного, сплоченного, (вооруженного) неистового рабочего класса. Авангард, боевой отряд этого класса – социалистическая революционная рабочая партия: всевидящая, всепроникающая, особенно пристально вглядывающаяся в каждого чиновника, бюрократа, «ответственного» работника.

Уже теперь каждое большое предприятие, любой завод может позволить себе создание нескольких летучих «троек» – с мандатами от имени тысяч рабочих – для непосредственной проверки и контроля над действиями властей – так сказать, контроль снизу, демократия. И пусть попробует воспротивиться администрация нашей рабочей демократии! Это вам не «одномандатные» округа по «территориальному» признаку, где максимально распылена классовая сила народа. Кто скажет, что у тысячи рабочих завода разные экономические интересы? Не существует «идеологических разногласий»: и экономические, и политические, и любые другие интересы у рабочих, объединенных по *производственному* признаку, *едины* – они-то и называется классовыми интересами. И вот эта тысяча рабочих делегирует своих представителей для непосредственного осуществления власти народа. Нотариально заверенные мандаты рабочих представителей – есть прямая демократия в действии, совершенно не дожидаясь никаких «демократических выборов» по

центристским правилам.

Товарищи рабочие! Объединяйтесь! Пять человек в цеху, на кафедре, в роте, в колхозе, в бригаде – с листком «Классовой борьбы» в руках – это уже партия, к ногам которой упадут все капиталы, все государства и вся власть в мире.

Товарищи рабочие! Только воля к классовой борьбе до конца сможет изменить нашу жизнь. Объединяемся! Объединяемся под лозунгом непримиримой классовой борьбы. Мы не верим никаким обещаниям и лозунгам, если рядом нет слов: классовая борьба, борьба рабочих, интересы трудящихся. Мы не верим ни государству, ни президенту, ни церкви, ни профсоюзам, ни генералам, ни даже коммунистам, – как бы ни говорили все они о российской государственности, национальных интересах, патриотизме и русскости, – если они не говорят при этом об интересах трудящихся, о борьбе рабочего класса за свои права – против прав капиталистов, против прав бюрократии.

В переходное революционное время взявший власть рабочий класс, не исключено, окажется вынужден к применению революционных законов шариата против бывшего правящего класса. Кто будет в этом виноват? Сегодняшние народные страдания выльются в завтрашнюю жестокость. Желаете, господа, ослабить завтрашний террор – прекратите издевательства сегодня. Революционный класс загодя предупреждает народных насильников о грядущем. Сегодняшние хозяева жизни не верят в силу марксизма и организованного единого рабочего движения; завтра они будут молиться и надеяться на собственную безнаказанность; а послезавтра пожалеют, что сегодня не сняли удавки с шеи народа. Сегодня организованные протестные движения не велики; завтра, когда эти господа и рады будут их выполнить, рабочий класс скажет: нам не достаточно выполнения требований дня вчерашнего, сегодня уже требования дня сегодняшнего. Рабочий класс не сентиментален и не лицемерен, поэтому разговоры и обязательства о гуманности к побежденным классам допустимы, но не обязательны.

Товарищи рабочие! Только единые организованные действия всего рабочего класса России способны сломить власть угнетателей.

Объединяемся в рабочую партию – партию коммунистов!

В. XIV. Национальный вопрос и национальная идея

На Руси всегда жилось хорошо только царю, попу, чиновнику да купчине. В том, что русскому человеку, работяге не жилось вольготно, причины искать нужно классовые.

Как евреи в большой части не принимали нашу страну в целом, так и русский народ всю жизнь ненавидел самодержавие и освящающую его церковь. Ни государство, ни правители, ни церковь никогда не были у нас в России *нашими*, родными, а всегда были *ихними*, чужими, живущими среди нас чужаками. К нашей истинной любви к родной земле, к народу, к своему труду всегда кто-то пытался примешивать нам и любовь к государству (к царю, вождю, президенту). *Вот – кто виноват. Мы вынуждены были любить и государство, и церковь, и партию ихнюю любовью, а не так, как нам хотелось. В нашей любви к чему бы то ни было всегда признавались они и от нашего имени. Партия от имени народа признавалась в верности и любви к партии; церковь от имени народа признавалась в любви народа к церкви. Народ временами и верил в эти сказки, но большею частью плевался.*

Русские коммунисты и весь русский рабочий класс мечтает о том времени, когда патриотизм будет не только русским и только социалистическим. Лозунг коммунистов – *классовый* патриотизм; всякий иной, внеклассовый, патриотизм коммунизм отвергает как пустую фразу. Патриотизм – это любовь к той земле, где хозяева *мы сами*. Поэтому патриотизм сегодня – это вера в социалистическое будущее и ненависть к нынешней мерзости. Патриотизм – это не любовь к отечеству с закрытыми глазами; мы ненавидим свою родину под оккупантами. Патриотизм рабочего класса – это любовь к своему свободному труду. Патриотизм чиновника – любовь к своей власти; капиталиста – к своей собственности.

При всех стараниях космополитизма, народ в стране не един, как не едино человечество. Тысячи политических и не политических

барьеров разъединяют людей. Казалось бы, как чудесно и мило: «сплочение нации вокруг национальной идеи» или «национальная идея как выразительница интересов всей нации». Что есть нация, мы знаем; все мы – нация. А что такое национальная идея? Что это за волшебная идея, которая одинаково дорога трем антагонистическим классам общества, в котором одни существуют за счет других? В условиях господства одной части народа над другой единой, общей для всех, национальной идеи быть не может. Нужно ли искать и молиться тому идеалу, который единит палача и приговоренного?

Есть своя национальная идея у буржуазии – буржуазная, либеральная, при которой и весь трудящийся народ находится у нее в полном подчинении и зависимости, и государство полностью служит ее интересам, т.е. капиталисты наверху, они хозяева жизни, а рабочие и наемные чиновники у них в услужении. И все-таки классовые интересы капиталистов иных наций им много ближе, чем интересы трудящихся единоплеменников.

Есть национальная идея бюрократии – «государственная», имперская, мечтающая о том, чтобы весь народ, и рабочие, и буржуазия, без национальных различий, были под полным контролем государства. Государственная национальная идея бюрократии ради блага народа требует своим чиновникам привилегий за счет общества. Государственная власть ничего не стоит, если народ не зависим от нее.

Национальная идея трудящихся – социалистическая, где весь трудящийся народ – хозяин в стране, а наемное чиновничество и весь капитал полностью подчинены выборным Советам рабочих депутатов. Нет надобности формулировать национальную идею, если решен вопрос классовый.

Как рабочий класс собирает вокруг себя все угнетенные слои населения, являясь движущей силой в классовой борьбе, без чьей победы невозможно социальное освобождение всех униженных и оскорбленных, так и русский народ (русский рабочий) собирает вокруг себя все угнетаемые народы, являясь стержнем национальной борьбы, без чьей победы невозможно национальное освобождение и процветание всех народов.

Религиозная и национальная разобщенность развеется сама собой, как только будет достигнуто единство классовое, единство экономических интересов, идеологии и политических перспектив. Право наций на самоопределение, вплоть до выхода за государственные рамки, коммунистами признавалось всегда и полностью. Но за первое право коммунисты признают право интернациональной солидарности трудящихся. **Нельзя рассматривать отдельно национальный вопрос, вне контекста общей политической борьбы**, не впадая в шовинизм или в идеалистический абсурд.

Политическая власть трудящихся защищает не только экономические, но и национальные интересы трудящихся, ибо **национальные интересы есть частный случай интересов политических**. То же и политическая власть буржуазии. То же и бюрократия: смотрите, как замечательно разрешен национальный вопрос внутри чиновничества. Чиновники – евреи, русские, чеченцы – любят друг друга. А межрасовую и межрелигиозную рознь вносят в среду народа, трудящихся – для разобщения, для подмены классовой борьбы, классовой причины угнетения и бедствий народа, причиной неосязаемой, иррациональной. Внутри бюрократии, внутри чиновничества идет борьба: межведомственная, межклановая, регионов с центром, руководителей с подчиненными – какая угодно, но только *не* национальная. Иначе все было бы слишком просто; только мудаки до примитивности упрощают политику: «русские и жиды» – и все им ясно.

Русские коммунисты не должны стесняться своего национализма, но должны осознать и открыто сказать о своей ненависти к шовинизму, который льет воду на мельницу власти бюрократии и капитала. Национализм – оружие только победившего класса трудящихся.

Верный способ проверить болвана «на вшивость»: спросить, согласился бы он на одновременное законодательное закрепление «прав русских» и уголовной ответственности за шовинизм. Можно не сомневаться, он с большей радостью выбрал бы безнаказанность шовинизма. Даже самые «мудрые» разоблачители еврейского заговора не знают и не могут внятно сказать, как *конкретно* бороться против

мирового еврейства; и мы не знаем. Зато как бороться с *непосредственно* угнетающей нас силой – всевластием бюрократии под видом законного государства – мы понимаем хорошо и отчетливо. Будем неустанно разъяснять нашим узколобым друзьям ошибочность постановки национального вопроса вне контекста классовой борьбы. Марксист должен видеть в национальных противоречиях скрываемые за их видимостью классовые антагонизмы.

За явлениями житейских отношений нужно уметь отличать *видимость* от *действительных классовых* противоречий, реальный учет которых только и позволит вести правильную и побеждающую политику. Видимость заключается в том, что между российским генералом и крестьянином-чеченцем, или торговцем-кавказцем и русским покупателем, или чиновником-евреем и российским гражданином конфликт национальный. Действительная сущность заключается в том, что здесь *нет* конфликта гуманитарного, а исключительно классовый: экономико-социальный. То, что торговец-кавказец на 10 копеек обманет, а русский бы нет – ничуть не меняют экономическую основу отношений, т.е. не превращают в межнациональные чистые отношения между *продавцом и покупателем*.

Противоположности между тремя антагонистическими классами гораздо основательнее, чем между самыми противоположными нациями. Противоречия между колонизаторами-европейцами и индейцами-аборигенами на 90% классовые, чем национальные, религиозные и пр. (идеологические, духовные, культурные). Нельзя отделять одно от другого, но нужно видеть главный фронт. Нужно уметь видеть *одно в другом*.

Не существует общественных противоречий, не объясняемых с позиций классовой борьбы. Триалектическое классовое объяснение и понимание одновременно дает ключ к разрешению этих противоречий. Для объяснения политики и общественной жизни где бы то ни было, в любой стране, в любой исторической эпохе необходимо рассмотреть классовый состав этого общества и триалектическое межклассовое взаимодействие. Материалистическое понимание истории – это разгадка всех загадок. Марксизм, триалектика, классовая борьба могут

не упоминаться в политической риторике (как не упоминается никогда макиавеллизм), но их незнание или игнорирование в научном анализе неминуемо приводит к поражению.

Мы стоим на пороге новой эпохи, где классовая борьба по-прежнему будет вестись между тремя антагонистическими классами, но уже вооруженными триалектикой. Государственный шовинизм, буржуазный космополитизм и пролетарский интернационализм – вот три непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие трем великим классовым лагерям современного общества и выражающие три политики, три мировоззрения в национальном вопросе. [Ср.: Ленин, 24: 123]. Государственный шовинизм объясняется стремлением бюрократии угнетением национального меньшинства завоевать себе поддержку чуть менее угнетаемого национального большинства, т.е. за национальной политикой спрятать классовую эксплуатацию. Чеченцы уничтожаются «для защиты русских», но при всех притеснениях русского меньшинства, например в Средней Азии или Прибалтике, российская бюрократия (на деле, а не на словах) скорей и не задумываясь поддержит местную бюрократию, чем своих русских соплеменников; причем, совсем не потому, что «в правительстве не русские».

Да, национальный вопрос существует. Но во много раз острее существует вопрос классовый. Полно болванов, кричащих о «правах русских», ничего при этом не говорящих о правах трудящихся. Тот, кто поднимает национальный вопрос и молчит о вопросе классовом – тот провокатор или наивный дурак. Коммунисты ставят вопрос иначе: сначала победа в классовой войне, потом русский национализм.

Туполобый осел, мечтающий для счастья, «чтобы русские были во власти», наивно полагает, что чиновник, буде он русский, наплюет на интересы своих собратьев-чиновников и бросится защищать русский народ и русских рабочих. Самый честный, русский, богобоязненный, патриотичный чиновник ничуть не лучше чиновника-взяточника, антихриста или продавшего евреев, как наличие честных и порядочных капиталистов ничуть не исключает эксплуататорской сущности капитала. Когда мы входим в кабинет чиновника, нам плевать на его национальность, его вероисповедание, политубеждения и интеллигент-

ность. Будь он хоть насквозь русским и хоть трижды православным, мы знаем, что это сволочь и осознаем свое бессилие перед его произволом.

Слова Сталина-марксиста: «...*В национальном вопросе есть свои пределы. Это важный вопрос, но есть другой вопрос, более важный – вопрос о власти рабочего класса. ...Вопрос национальный есть подчиненный вопрос в отношении к вопросу рабочему*» [«Известия ЦК КПСС», 1991, № 4, с. 172]. Пришедшему к политической власти рабочему классу национальный вопрос не нужно будет даже формулировать – она его решит и так.

Разрешением классового вопроса разрешается и вопрос национальный. Никак не наоборот. Однако, велик соблазн – по некультурности, вульгарности и незнанию истории – свое классовое, т.е. экономическое и политическое угнетение пытаться решать воинствующим национализмом. Но ни буржуазия, ни государство никогда не будут препятствовать этому, ибо прекрасно понимают, что именно так лучше всего расплывются силы противостоящего им народа. Сами же эксплуататорские классы строго блюдут свое классовое единство и никак не национальное. А нам подбрасывают национализм. Но мы возьмем и не клюнем. Тогда уже некуда будет деваться этому государству в борьбе против нас, как прямо призывать себе на подмогу церковников, призывающих к смирению. А мы им – Гегелем по зубам. Вера в бога как в истину сильнее церковной веры.

Сила идеологического оружия – в предельной ясности. Мармеладный и квазибоевой лозунг: «русские, объединяйтесь» – пустой, но красивый, и такой же беззубый, как и призывы: «граждане духовные, объединяйтесь» или «люди честные, объединяйтесь против нечестных», т.е. слишком, слишком широкий и не только бесполезный, но и прямо вредный, как дезориентирующий, не дающий ответа: кому объединяться, с кем именно, на какой платформе, для чего и против кого. Подобные лозунги требуют новых бесконечных пояснений и вызывают тысячу новых вопросов: куда девать тех, кто под духовностью понимает обряды и иконки, как конкретно различать русских непатриотов от нерусских патриотов и т. д., и т. д.

Как пощупать «духовность»? Есть ли *конкретная* методика

определения, кто – наш, кто – не наш, *кроме* классовой? Без марксистского классового анализа все иные инструменты и попытки понять противоречия в обществе с национальных, религиозных, нравственных, этических, культурологических, любых других идеалистических позиций беспомощны, как арифметикой пробовать решать тригонометрические функции. ...Лакеи власти, прикрывающиеся показной гуманностью иисусики, обязательно обвинят, что-де марксизм полагает *единственным* своим методологическим инструментом классовый подход, напрочь отбрасывая все остальные, тысячу других, второстепенных.

Коммунистам еще десятки и сотни раз придется разбивать пошлые обвинения в «игнорировании» национального вопроса; десятки и сотни раз объяснять свою позицию о том, что марксизмом **не** отрицается нацвопрос, но впереди него ставится классовый, рабочий вопрос. Именно: национальное самоопределение чеченцев, курдов, палестинцев, басков, ирландцев, евреев возможно *в первую* очередь классовым самоопределением трудящихся *вместе* с рабочим движением других народов, и лишь в следующую очередь – т.е. после, после образования и оформления единого, межнационального рабочего движения – последует самоопределение национальное. Для рабочего класса угнетаемой нации гораздо ближе интересы рабочего класса нации угнетающей, чем «собственная» буржуазия и бюрократия. Единое международное рабочее движение – есть **коммунистический Интернационал**.

Залог победы класса, его идеологии и лидеров – есть понимание времени. Классовая борьба – не есть привнесение извне зла, но историческая, общественная и политическая данность. Классовая борьба – есть правила игры, которые невозможно поменять, но нужно знать и понимать.

Прежний марксизм по-прежнему остается нашим основным оружием в борьбе против *капитала*. Новым трехклассовым марксизмом не увеличивается количество врагов рабочих на один за счет бюрократии, но развеивается туман над фронтом борьбы и вносится ясность и порядок в ряды собственные. Понимание собственных сил и собствен-

ного единства – важный шаг к победе. И дворник – пролетарий, и профессор. Оба – наемные рабочие, оба зависимы и от власти, и от капитала. Оба – единый класс. У лейтенанта и генерала крайне мало общего, хоть оба русские: одного государство (армия) кормит, другого бьет по морде. Сытость за счет нищеты. Вместе они могут быть только против их общего врага – третьего – капиталиста, но которого сытый стремится представить *единственным* виновником нищеты.

Как, интересно, борец за русскую идею представляет себе этого лейтенанта, *не* защищенного социально, классово, зато с разрешенным вокруг национальным вопросом? Это не сравнимо даже со свободой воли без хлеба... Но о каком национальном угнетении могла бы идти речь, если был бы разрешен вопрос социальный? Как может быть решаем национальный вопрос *без* разрешения вопроса классового? Как могут защищаться интересы, скажем, безработного или бездомного *как русского*? Национальный вопрос разрешается сам собой при политической власти трудящихся. Все иные спекуляции только на руку стремящейся к удержанию власти бюрократии. Национальными, религиозными, «общечеловеческими» лозунгами сознательно затушевывается их глашатаями основной закон политики: политика – это борьба классов, классов – три.

За 100 лет в России просматривается закономерность, требующая еще наблюдений и подтверждений: как только госвласть чувствует собственную неуверенность, сразу из «патриотических» кругов всплывают лозунги борьбы против евреев. Но только марксистская оценка классовой борьбы дает понимание того, что не под черносотенными угрозами шатается власть. Самодержавие чиновников шатается и рушится только под ударами организованных трудящихся. Не националистические, никакие иные идеологические, а только классовые лозунги есть оружие людей труда (народа) в борьбе за свою свободу.

Национальная идея России – понятие абстрактное, каждый раз определяемое конкретно-историческими обстоятельствами. Русский народ открыто выдвинет на повестку дня *Русскую идею* лишь тогда, когда будет уверен, что к ней не примажется никакая мерзость. Эксплуататорские классы в тысячу раз больше содрогаются от мысли об

организации рабочих по предприятиям, от согласованных действий стачечных комитетов, от марксистских классовых разоблачений, чем от самых громких криков «бей жидов». Наша классовая оценка сама по себе уже ударна, поэтому незачем «усиливать» ее националистическими и патриотическими бирюльками и пустой пафосностью.

Смех – видеть как оппозиция пытается «решать» национальный вопрос; она даже не может внятно его сформулировать. Национальный вопрос нужно ставить, рассматривать и решать вовремя, умело и аккуратно. Все зависит от того, кто и как рассуждает и кто персонально этот вопрос ставит. Если рассуждение трезвое, грамотное и прямое, то этот вопрос обойти невозможно; если рассуждает безграмотный, пошлый и под водку, – такие разговоры должны жестко пресекаться. Сначала нужно избавиться от бескультурья и пьянства у себя, а уже после решать национальный вопрос.

Вытравить бы пьянство шариатом... Вытравить пьянство – а дальше все приложится. Но мы не призываем к тотальной замене христианства исламом исключительно потому, что не видим убедительного примера процветания в исламском мире. Точно так же не видим примеров безусловного процветания во всех национально-однородных странах. Зато властью трудящихся марксизм гарантирует планомерное развитие экономики и права.

Коммунисты – исключая из них, конечно, самых гнусных мерзавцев – никогда не пренебрегали национальным вопросом и национальными интересами своей страны. Коммунисты – есть часть интеллигенции, чувствующие боль народа и земли. Мы – русские коммунисты. Мы дышим и питаемся русской культурой, для нас свята Русская идея; но при этом мы говорим: классовая борьба – во-первых, национальный вопрос – во-вторых.

Давая оценку истории, коммунисты должны ответить, что планы большевистского руководства в период военного коммунизма 1918-1920 гг. о разжигании мировой революции есть *не* стратегическая ошибка, а тактическая и историческая неудача. Сегодня рабочий класс в России, взяв политическую власть, начав строить государство трудящихся, в первую очередь поставит целью обеспечить *свои* классовые и

национальные интересы. Взявший государственную власть трудовой народ, русский рабочий класс, двинет дело мирового социализма не троцкистско-буденновской конницей, не европейской или мировой войной, не брежневским нефтедолларовым донорством, а исключительно примером собственной сверхэффективной и сверхсберегающей экономики, примером экономической и интеллектуальной экспансии, экономной экономики – национализированной прибавочной стоимостью и без сжирающего национальные богатства казнокрадствующего государства. Культурный, грамотный, духовно богатый народ никакой иной власти, кроме советской, иметь не может.

Цель буржуазии – капитал. Цель государства – власть. Цель народа – сам народ: города, культура. **Коммунизм для России – это есть миллиард русских людей плюс всеобщее обязательное высшее образование.** Коммунизм – есть ислам, принятый просвещенной Европой.

Политическая власть в руках рабочего класса открывает невиданные перспективы, раскрывает гигантские, фантастические, необъятные потенциальные резервы народа: национальная экономика, помноженная на неисчерпаемые природные ресурсы и землю – это победа социализма. В недрах российского общества дремлют такие силы, скованные госвластью и бюрократией, высвобождение которых определит всю дальнейшую мировую историю. Максимальное раскрытие этих сил возможно исключительно благодаря переходу политической власти в стране в руки рабочего класса – именно: в лице цвета нашей русской трудовой интеллигенции. Этот переход возможен исключительно благодаря осознанию рабочим классом своей исторической миссии и политической организации класса трудящихся в политическую партию. Победа этой партии возможна только благодаря сплочению всего класса как целого на основе воинствующего марксизма, т.е. воинствующей борьбы рабочих *за* свои права против тормоза правящей бюрократии и капитала. Окончательная победа возможна; борьба необходима. Победа рабочего класса будет сопровождаться гораздо меньшей кровью, чем долгое удержание полицейским государством своей власти или же возможная победа буржуазии. И если

гуманисты-современники нас осудят, то гуманисты будущего нас оправдают; а мы, марксисты, именно и смотрим вперед, где будущее – наше.

XV. Культура, патриотизм, мораль

Эксплуататорские классы (буржуазия и бюрократия), всячески маскируя истинные классовые противоречия, стремятся заменить классовые ценности т.н. общечеловеческими, т.е. тем, что *обще* всем классам. Однако, реально, на деле и бизнес, и государство даже думать забывают о любых общечеловеческих ценностях, когда таковые хоть на грамм задевают их классовые интересы.

Например, экология и культура. Что, казалось бы, может быть более общечеловеческим? Но на деле вопрос об экологии начисто забывается капиталистом, если это создает угрозу его промышленному производству, а власть хронически «не находит» на культуру денег. Заставить власть и бизнес служить общечеловеческим ценностям в части, касающейся народа и рабочего класса, можно только ударами извне.

На отговорки администрации «нет денег» коммунисты должны всегда говорить им – сокращайте радикальнейше расходы на аппарат или отдавайте рабочим право контролировать, распределять и распоряжаться бюджетом. Рабочие *умеют* одновременно и организовать производство, и собрать налоги. Вообще же, всеобъясняющая чиновничья фраза «нет денег» насквозь лицемерна. Всегда нужно спрашивать и находить ответ: *на что* нет денег и на что в то же время деньги есть. Мы, коммунисты, на это отвечаем: деньги в стране есть и их достаточно. Разумная организация силы деньги найдет всегда и на все. У бюрократии, администрации, власти и государства есть деньги на *все* потребности своего класса: на собственные зарплаты, на квартиры, автомобили, командировки, презентации. Единственное, на что естественно не остается денег, это на потребности рабочего класса: образование, культура, наука, здравоохранение. Классовый подход –

универсальный анализатор.

Поэтому, товарищи, когда мы слышим об «общечеловеческих ценностях» или «национальных интересах», сразу нужно насторожиться: кому, какому классу выгодно в данную минуту это защищать. И если оказывается, что об общечеловеческих ценностях говорит махровый чиновник в пиджаке или депутат-центрист-общечеловек, мы должны знать: нам, рабочим, ничего хорошего это не обещает – за наши деньги власть хочет сделать себе очередной подарок.

Т.н. общечеловеческие ценности, «национальные интересы», абсолютная мораль, вечная нравственность и т. д. – неразрывно связаны с тем обществом и тем классом, который их устанавливает. Что такое свобода? - Это независимость от власти других классов. Свобода для рабочих – это свобода от власти, зависимости и эксплуатации правящего антагонистического класса. Как станут понимать свободу буржуазия и чиновничество в государстве трудящихся? - Как мечтаемое их освобождение *от* власти диктатуры пролетариата. Что значит свобода народа в полицейско-чиновничьем государстве? - Это освобождение *от* чиновничьего беспредела, от этой власти. То же и с буржуазией.

Коммунисты понимают свое стремление к свободе – в условиях, когда трудящиеся не являются правящим классом, – единственным образом, именно: как стремление к классовой борьбе. Стремление народа к свободе пусто без умения этой борьбы. Именно этого не могли понять многие десятилетия анархисты, стремящиеся к абстрактной вольности. И коммунисты, конечно, тоже за вольность, но сознавая при этом необходимость боевой рабочей партии и классовых сражений. Ненависть народа к своей несвободе марксизм превращает научной организацией классовой борьбы в коммунизм.

Пока в стране государство находится у власти, ни о какой реальной свободе народа говорить не приходится. Коммунизм – есть не что иное, как эпоха в развитии общества, где государство перестает быть хозяином всего и вся, а становится послушным инструментом в руках трудящихся и всего народа. Каждый политический класс имеет свои представления о свободе, морали, справедливости и нравственности. Рабочий класс имеет собственные критерии свободы и справедли-

ности – свобода труда, справедливое распределение, социальные гарантии за счет богатства общества и т. д.

Свобода рабочих – это всегда *не* свобода для бывших хозяев – эксплуататоров. И наоборот. Марксизм открыто говорит, что власть рабочего класса (диктатура пролетариата, государство трудящихся) *не* является абсолютной свободой, а есть *тоже* эксплуатация: эксплуатация большинством народа (именно: трудящимся большинством) меньшинства, бывших мироедов – контроль за прибылью капиталистов и оплата труда чиновников *по усмотрению* класса рабочих, согласно их представлению о справедливости, – и так до тех пор, пока должность министра, мэра или прокурора совершенно утратит *политическую* функцию и будет ограничена только функцией управленческо-хозяйственной, точнее: будет иметь столько же политической силы, как и должность ректора вуза, главврача больницы, директора завода или командира полка. *Вся* политическая власть будет сосредоточена исключительно в руках Советов (*реальных* народных) рабочих представителей: *не* диктатура Советов, а диктатура трудящегося народа руками избранных, контролируемых Советов (представительств).

Тысячу раз необходимо повторить, что справедливость и все нравственные категории есть понятия не абстрактные, не раз и навсегда данные, а исключительно классовые, обусловленные временем и обществом; а национальные, религиозные, патриотические и проч., проч. приложения к моральным категориям абсолютно пусты без классового определения. Социализм – как цель борьбы рабочего класса – есть установление такого общественного устройства, в котором распределение общественного продукта между классами осуществляется по тем принципам и в той пропорции, которые соответствуют представлению о справедливости трудящегося народа.

Не позволительно тратить народный капитал на цветники и собачьи питомники, когда города и поселки остаются без электричества, воды и тепла. Никто не должен есть пирожные, пока есть такие, кто не имеет куска хлеба. Такова мораль рабочего класса. Мы ненавидим брежневскую уравниловку для трудящихся и номенклатурные привилегии, но социализм именно выступает за единое поступательное

развитие страны на основе равномерного плана, против расточительной точечной роскоши, когда широкое обустройство уступает место вылизыванию золотых оправ.

Экономическая жизнь России развивается по двум параллельным сюжетам: процветание Москвы и разорение и опустошение всей страны; одно за счет другого. Об этом говорит марксизм: капитализм – есть централизация капитала: на одном полюсе – богатство метрополии, на другом – нищета окраин. Районные центры выкачивают деньги с периферии; мегаполис выкачивает деньги со всей страны. Процветание Москвы – не заслуга московской власти, а конъюнктура слепого рынка; Москва – витрина, украшенный фасад. Москва перестала быть *нашей* Москвой. Поэтому кто удивится, если Москва будет растоптана как символ нашего ограбления, как символ разорения народа и страны? Величество Кремля станет дорогим сердцу патриотов лишь после установления государственной власти трудящихся; нынче Кремль есть символ диктатуры царедворцев, желающих казаться народными. Мораль бессмысленна без диалектики.

Марксизм вводит в политику, в идеологию и в общественное мировоззрение чистый *рационализм*. Все прочие системы взглядов пытаются выстроить идеологические ориентиры на не-рациональных основах. Патриотизм и национализм бессильны против рационализма. Они запросто могут обходиться без культуры и образования. Славяно-филилы–западники, западники–антизападники и т. д. могут быть лишь культурологическим оформлением в рамках классовой борьбы. Глубокомысленные мысли моралистов и всяких центристов о том, что жизнь – это не только политика, что она шире и т. д., совершенно не опровергают марксизм. Но именно **не**-политические категории центристы стремятся сделать объектом своей политики.

В политической борьбе не существует никакой иной морали, кроме морали классовой: либо мораль эксплуататорских классов – буржуазная (свобода торговли и денег) и тоталитарная (послушание и поклонение культу государства), либо мораль пролетарская – мораль простых людей, честного труда, социалистическая мораль. Нет в истории прецедентов, когда бы экономические интересы заменялись

моральными принципами. Смысл имеют не те нравственные категории, о которых без толку говорится в течение десятилетий и столетий, а которые реально проводятся в жизнь. ...Обязательно найдется умник, который с сих слов усмотрит призыв вообще выбросить мораль.

Социалистическая мораль – это представление о социальной справедливости трудящегося народа; социализм – как результат борьбы рабочего класса – есть воплощение этих идеалов. **Социализм – есть христианство без церковников и попов.** Церковь в скором веке закончит свое существование; без нее люди станут ближе к богу. Социализм – это торжество Корана, завоеванное образованием, просветительством, университетом, наукой.

Социализм, к которому стремится марксизм, коммунисты и рабочий класс – это есть доступность всеобщего образования, здравоохранения и юридического обеспечения населения. Какой сегодня класс заинтересован в юридической безграмотности населения? - Конечно, государство, т.е. класс чиновников. Капиталисты заинтересованы в основном, чтобы рабочие не знали трудового кодекса и не имели умения, организованности и сил в борьбе за трудовые права. Тактическая цель политической борьбы коммунистов – есть восстановление советского всеобщего и доступного образования, здравоохранения плюс такая же всеобщая, всеохватная и доступная государственно-ответственная юридическая консультация населения и юридическое просветительство.

Говоря о духовности, нынешняя госвласть и буржуазия пытаются загнать народ в темноту, в невежество, в гороскопную астрологию и средневековые религиозные обряды. Какая может быть духовность среди помойки и разрухи? Вычистить буржуазное и государственное дерьмо вокруг – и духовность придет сама собой. Фантазеры-моралисты и церковь призывают наоборот. Рабочий класс, вслед за лучшими умами России, духовность видит в просвещении, образовании, культуре и науке, а источник духовности – в изучении нашей истории, философии, литературы.

Программа рабочей партии должна объяснять действительность, политику и общественные противоречия всецело *материалисти-*

чески. Всякий раз необходимо подчеркивать, что вовсе не культурно-морально-духовной, а именно материально-экономически-классовой должна быть программа действий рабочей партии. Воспитательным уговариванием пускай занимаются оторванные от реальности мечтатели; рабочая партия должна найти способы прямого воздействия на действительность. Все категории идеологического порядка в политике необходимо рассматривать лишь как словесное оформление материальных интересов людей. Всякие разглагольствования тех, кто пытается навязать идеологические, духовнические и все прочие неосязаемые ориентиры в качестве первой, основной практической цели, должны сходу отметаться как дезорганизующие. Получить для себя широкий и свободный доступ ко всем культурным и духовным ценностям цивилизации рабочий класс сможет лишь тогда, когда завоюет себе возможность достойного материального существования.

Патриотизм – категория не политическая, а оценочная. Называть себя патриотом – все равно, что говорить о своей порядочности или гениальности. Если кто говорит: «мы – патриоты», это значит лишь то, что «они» называют себя патриотами; причем, друг перед другом – для остальных это не убедительно. Патриотизм имманентно присущ народу и людям, как воля к жизни, вера в справедливость, любовь к матери и любовь к детям. Необходимо воспитывать культуру – и патриотизм окрепнет сам собой, и никак не наоборот. Пошлой демагогией можно увлечь идиотов, но их не превратить в политическую силу. Используя патриотизм в политических целях как главный аргумент, завоевать поддержку можно лишь у людей безграмотных, духовно утлых, действуя не на разум, а на их чувства. Мы – материалисты. Материализм – наше оружие, которым мы завоюем себе и материальную, и духовную свободу. Только свободное общество – социализм – сможет сделать труд и творчество первой жизненной потребностью людей. Социалистический патриотизм – есть труд на благо свободного общества и себя, как часть его свободы. Патриотизм любого класса ограничен и ограничивает сам патриотизм других классов. Дать любой политической власти полную свободу – она приведет народ в рабство.

Церковь нужна государству, чтобы затащить народ в духовное рабство. Духовное рабство не восстает против рабства государственного. Свобода – есть результат борьбы, а не результат смирения. Смирения требует государство для обеспечения своего благополучия; поэтому государство – всегда *не* свобода. Не будем спорить о нужности церкви народу, но в миллион раз больше нужна школа; учитель бесконечно более нужен, чем протопоп. Духовная нация станет тогда, когда своей крохой-копейкой люди будут делиться не с попом, а со школой и с народным учителем.

Нынче церковь – атавизм, хвост у государства – и вспоминает о средневековье с тоской. Церковь, как и государство, есть не божественный, а общественный институт. Церковь обращается к народу с призывом к всепрощению, в т.ч., вероятно, к всепрощению финансовых, социальных и политических притязаний к государству; но никогда не обращается с тем же к государству и власти. Мы говорим: нет – мы не простим... Нужно не бояться сказать правду себе: церковь всегда будет поддерживать власть. Церковь ни слова не говорит о борьбе народа и никогда не поддержит партию рабочих, пока она в оппозиции – т.е. до тех пор, пока рабочий класс не возьмет государственную власть. Политическая надежда народа на церковь бессмысленна и наивна. Потому – никакого заигрывания с церковью. И вера в бога, и участие в церковных обрядах – личное дело каждого; хочешь – вокруг храма ходи, хочешь – вокруг деревянного идола танцуй. Классовой борьбе это не мешает и отношения к ней не имеет. А вот если тот или иной поп – от своего ли имени, от имени ли церкви или бога – публично призывает смириться с государственно-полицейским гнетом, с господством класса бюрократии, не противиться ему, любить власть предержавших – эту пропаганду следует безжалостно разоблачать как реакционную и не божественную.

Сколько еще десятилетий люди будут удивляться и сокрушаться: почему церковь не защищает народ, почему церковь «не скажет свое слово»? Эта слепота не пройдет до тех пор, пока не наступит прозренья в том, что церковь никогда не защищает народ на деле, политически, что церковь всегда стоит на страже интересов правящего класса и

защищает форму их власти: феодальную, фашистскую, либеральную. Когда будет установлена власть государства трудящихся, церковь также послушно и угодливо присягнет на верность и найдет подтверждения истинности и божественности социалистической народной власти.

Триалектика нужна для того, чтобы изучать ею факты. Изучение триалектикой действительности – есть лучшая проба ее на прочность. Если удастся построить треугольник: найти и рассмотреть *диалектику трех* взаимоположенных граней единого явления – значит таковое рассмотрено всесторонне. Одной диалектики не достаточно: отношения между двумя не могут быть поняты, если не рассмотрен третий. С другой стороны, этот третий может быть объяснен только взаимоотношением двух, которыми он определяем как своей противоположностью. – Плюс, минус и ноль; электрон, протон и нейтрон; ускорение, движение прямолинейное и покой; жизнь, смерть и небытие: «существование» человека до рождения, до зачатия; орел, решка и гурт и т. д. Для понимания явления нужно найти третий полюс; *субъект триалектики определяется двумя предикатами.*

Пример. *Церковь: народ и государство* (- или: человек и бог; - или: история и современность и т. д.) – т.е. для понимания *общественной* сути церкви необходимо отдельно рассмотреть ее отношения с народом и государством (для понимания *божественной* сути – ее отношения к человеку и богу; и т. д.). Коммунизм – есть путь борьбы народа против государства как рабства. Победный этап – отделение церкви от государства. Следующий этап, эпоху в развитии, марксизм видит ясно, как отделение государства от народа.

Гремучая смесь: церковь и казенщина. Церковники узурпировали монополию на истину и Писание, как брежневцы – монополию на социализм и Маркса. Говоря: «кесарево кесарю, а Божие Богу», церковники требует себе и кесарево, и божие. Церковь тысячу лет заставляла людей молиться не богу, а себе как Великому Инквизитору. Религия и церковь действительно могут служить богу, лишь будучи вне казенной госвласти: в подполье, во свободе. Ставши при государстве, церковь служит дьяволу и всей государственной мерзости. Когда во времена прежние народ тошнило от гнилой советской пропаганды,

люди протестующие за глотком воздуха обращались к церкви, – хотя в иконках духовности не больше, чем в матрешках. Если теперь государство будет вдалбливать в душу народа церковно-православное послушание – нашим протестом мы будем чтить Коран.

Товарищи! Россия завоевана и оккупирована. Не в переносном, а в прямом. Народ России угнетен и завоеван государственным бюрократическим классом. Нынче в России уровень культуры завоевателя – бюрократического государства, чиновника, идеологии православного «патриота-государственника» – на порядок ниже культуры завоеванного ими народа. И эта низкая, низменная культура безграмотных самоуверенных невежд-депутатов, администраторов, политологов, культура уровня гаишника, прямо навязывается побежденному классу трудящихся, людям с высшим образованием: педагогам, врачам, ученым. Государственной идеологией становится держимордовский шовинизм, камуфляжная полицейщина, начальственная однопартийность, советское чиновничество, церковная «духовность», «самоцензурная» журналистика, масскультура и пошлая клоунада. Бесполезно пытаться морально переделать класс, который своим экономико-политическим положением поставлен в условия, вынуждающие его быть аморальным. Все государство, вся вертикаль власти пропитана пошлостью: от чурки в местной администрации до президента. Самоочищение системы невозможно, как невозможно самоочищение бюрократизма, коррупции и произвола самого от себя. Вся пошлость может сгореть только в огне революции. Революция – есть лечение больного общества.

XVI. Диалектическая оценка истории

Во всем обвиняют коммунистов... Нам нужно уметь защищаться – не демагогией, а классово. Когда очередной оплевыватель говорит о советской истории – мы в каждом слове должны видеть: где героизм народа, трудящихся, русских людей, а где – преступления власти и государственная мерзость, даже если называют ее «коммунистической».

Не коммунисты были у власти, а власть называла себя коммунистами – как вместо Христа молятся попу. Сегодня коммунисты – наследники российского свободомыслия, вольнодумства и стремления к свету; нынешнее государство – наследница преступлений и косности вчерашнего государства; а коммунизм и антикоммунизм – только названия.

Рабочий класс – наиболее моральный, честный и чистый класс. Народ, простые люди есть главный носитель морали и духовности в стране. Но всякий раз, говоря о народе, как хранителе русской души, необходимо оговариваться, что никогда не подразумевается *весь* народ, все общество как сумма классов, а стоит иметь в виду только некую большую, наиболее чистую часть народа, морально и классово определенную.

Циолковский, Королев, Гагарин – герои нашей страны и нашего народа, и сегодняшний рабочий класс – есть прямой наследник всей гордости русской и советской эпохи. А вот государству нечего примазываться к этим именам. Русские люди запрещают номенклатурным держимордам даже вспоминать наших Зою Космодемьянскую, Н. Островского и Высоцкого. Мы говорим: вспоминайте себе Черненко и Суслова, ибо вы, господа центристы, их наследники, преемники их дел. Народ и государство *не едины*.

Нашу гордость, нашу историю нынешнее государство желает приписать себе, всю же прошлую государственную преступную мерзость власть пытается приписать нам, коммунистам. Разве можно придумать большее вранье и лицемерие с сохранением видимости правды, как, открестившись от грехов прежней власти (пускай и с другим названием), повесить их на оппозицию? Очень удачный прием новой господствующей идеологии: валить на сегодняшних коммунистов вину за преступления прежнего государства. Но подлог очевиден: за прошедшие 15 лет сменилась *не* государственная власть, а только ее название; классы остались на своих местах; эксплуататорская сущность власти и все классовые антагонизмы остались прежними.

Что произошло в стране? - Трудовой народ прямо ограблен. Прежняя народная собственность в результате неких пертурбаций за 15

лет оказалась в неких немногих руках. Эти немногие руки называются крупной буржуазией. Государственная власть, прежде так или иначе контролировавшаяся всем народом, в результате смены вывески и формы оказалась совершенно не подконтрольной народу. Прежняя государственная власть никуда не делась, – сменились ее атрибуты: название, флаг, конституция, идеология, – и кажется, что с исчезновением формы сменилась и власть. Это не так. Власть сменила форму, – как рабовладелец превратился в феодала, – но суть власти осталась: подавление общества и обложение народа данью. Рухнула власть советских номенклатурщиков, дьявол с ней, но эксплуататорский класс остался, хотя люди в нем частью сменились. Марксизм видит в истории движение классов.

Гладко у нынешних правителей получается: Сталин-де умер, имя его оплевали – и уж претензий предъявлять некому? Пришли новые чиновники, – и они чисты, как младенцы? - Нет, господа. Преступления Сталина остались, – и вам придется отвечать за них. Репрессивная машина государства не была разрушена. Она только пару-тройку раз поменяла вывеску, – а полицейская сущность осталась. История для того и существует, чтобы смотреть в нее глубоко. История всех веков наглядно показывает, что меняются правительства, конституции, ценности, право, но неизменными остаются лишь интересы классов: а) угнетаемого народа, класса трудящиеся, б) буржуазии – собственников, работодателей, ростовщиков-спекулянтов и в) эксплуататорского «государственного» класса, называющего себя «надклассовым» или «внеклассовым», но странным образом живущего на доходы двух других и вкушающего все блага жизни.

Дело не в названиях, а в сути прежних и нынешних коммунистов. Первые защищали свое государство и власть, вторые защищают трудящихся. У нынешних коммунистов не осталось ровно ничего от прежнего аппарата, *кроме* названия; у теперешней государственной власти осталась вся прежняя суть преступного государства, *кроме* названия. Поэтому не удивительно, что бюрократия, пришедшая к власти под лозунгом антисоветизма, возвращается в прежние советские формы; и совсем не важно, чего здесь больше: желания вернуть

тоталитарное прошлое или установить тоталитаризм новый. Государство всегда стремится к кастовости, сословности. Возвращение полицейской властью прежних лозунгов и атрибутики – дело не безобидное, если учитывать, что таковой прикрывается именно полицейская сущность. Вскоре стоит ожидать введения «табеля о рангах», государственных наград госчиновникам, вроде дарования земель и дворянства при царизме, орденов и привилегий при совласти. Но никакие теперешние «партии власти» не превратятся в «дружественную» народу КПСС, ибо теперь общество *трехклассовое*, и власть обязана делить капитал еще и с буржуазией.

Люди в классах меняются, но классы остаются. За людьми не видеть классов – значит за моментом не видеть судьбы. Что общего у нынешнего рабочего движения, у коммунистической партии с правящей советской «коммунистической» верхушкой? - Ничего, *кроме* названия. Что общего у нынешней правящей государственной администрации, у нынешней полицейской системы с советской? - Все, *кроме* названия. Жaba из красной превратилась в серую – вот и вся демократизация. Нынешняя госвласть – это прямая наследница всей прежней советской государственной мерзости.

Разгон Учредительного собрания (расстрел Дома Советов), продразверстка (ваучеризация), распродажа национальных богатств, беспризорность, удушение крестьянства, раздробление армии, культ государства, железный занавес, тайная полиция, экологическое невежество, нефтяная игла, война в Афганистане (в Чечне) – все повторяется и теперь, *новой* властью, уже не называющей себя коммунистической. Поэтому нечего сегодня коммунистам глуповато оправдываться за грехи советского бюрократического государства, – рабочий класс чист перед историей. Однако, также не убедительно выглядит попытка наших горе-агитаторов приписать *себе* в заслугу достижения всей советской власти. Нам следует гордиться героизмом рабочего класса за русскую и советскую историю и разоблачать все преступления класса бюрократии – тогда и сейчас. Как бы ни называло себя государство, цели его всегда равны стремлениям любой власти к собственному благополучию и прямо враждебны народу, трудящимся.

Не оппозиционные коммунисты, а сегодняшняя российская госвласть должна оправдываться, отрещиваться от мерзостей советской эпохи и отвечать за государственные преступления прошлого, как прямая наследница репрессивной госмашины и ее преступлений. Сегодня у каждого чиновника и центриста мы должны спрашивать, нет ли у него в кармане портрета Берии и чем лично он отличается от Вышинского и Ежова, ибо все государственные мерзавцы, начиная от Малюты Скуратова, – их отцы.

Только утлый и узкий кругозор может приписывать всю вину абстрактным коммунистам, безбожникам, нерусским, жыдомасонам, предателям-перевертышам и проч. Ответ должны держать не нации (все поголовно немцы за фашизм, грузины за Сталина или евреи за распятие Христа), не философские школы и не их названия, а классы и их идеологии. Брежневская государственная идеология под названием «народ и партия едины» разве имеет что-либо общее с рабочим коммунистическим движением и марксизмом?

Только для незнакомой с марксизмом бестолковщины кажется убедительной «духовное» объяснение политики и истории: дескать, нужно лишь донести до правителя благую истину, по-человечески поговорить с ним, убедить в необходимости «социального государства, думающего о народе» и духовно-нравственной державности – и благодать придет на нашу землю... Терпеливое ожидание, когда умиротворение снизойдет до правителей, и они прослезятся от прежней собственной антинародной политики, – есть результат тысячелетнего развращения народа церковью. Разбудить народ и ответить на вопрос «доколе?» способен только марксизм. Марксизм и вся история доказывает: разговаривать с врагами бесполезно. Их нужно уничтожать. Тот день, когда царь отрекся от престола – есть день победы народа над государством. **Народ разговаривает с царями только языком бунтов и революций.**

История – это не набор действий и слов плохих и хороших людей. История – это столкновения интересов трех классов общества и результаты этих столкновений. Если пытаться всю историю свести к действию отдельных, ключевых и выдающихся, личностей – царей,

министров, полководцев, их советников и т. д. – не хватит ни времени, ни воображения, ибо личностей миллионы и перечисление их и их деяний не приведет к их пониманию. Главный ключ к объяснению и пониманию развития общества – марксизм, рассматривающий движение классов.

Из тех или иных произносимых слов политиками, министрами и т. д. нельзя судить об их программе, воззрениях и намерениях; но выяснив их классовую принадлежность и заинтересованность, становится абсолютно ясной и понятной самая замаскированная их демагогия. Центрист всегда говорит для того, чтобы ничего не сказать. По любому частному вопросу центрист может уверенно высказываться как угодно, – даже вслушиваться в это не обязательно, – но он никогда не поменяет свой классовый вектор. За водопадным потоком слов невозможно понять истинных намерений ни коммивояжера в облике деда мороза, ни наперсточника в рясе попа, даже зная их национальность, патриотичность и философские убеждения; но стоит выяснить их *экономические* заинтересованности – и сразу любые слова, любой обман становится понятным. Идеальные и корыстно-классовые мотивы безошибочно взвешиваются марксизмом. Идеальные могут смешиваться как угодно, даже меняться местами у противоборствующих сторон, классовые всегда остаются неизменными. «Религиозные разногласия» – всегда есть лишь конкурентная борьба церквей за кошельки и души прихожан. Любая политика прячет материальный интерес под идеологической вывеской; никакие войны не ведутся по тем же мотивам, по каким происходят драки между футбольными болельщиками.

Кто бы как ни пробовал неклассово объяснять историю, понята таковая не будет: системы в ней не найти – история превращается в историю. Нет ничего более желательного пропаганде эксплуататорских классов, как трактовать историю на фоне биографий личностей и объяснять политику личными качествами тех или иных лидеров, ибо все это затушевывает реальные механизмы истории – интересы классов. Механизмы эксплуатации при этом остаются не понятыми. Власть по-своему трактует историю: каждая строка великой истории народа прославляет существующую власть. Пролистайте пафосную историю

государства: все дело рук правителей, народа как бы и нет, он, вроде, и не нужен. Нет ничего более желательного для политики государства и буржуазии, как замаскировать и прикрыть свою эксплуататорскую политику некоей личностью: причесанной, обаятельной и безупречной с виду фигуркой – внутри гнилой или духовной, но в действительности марионеткой в руках правящего класса. Коммунисты должны разьяснять, что дело не в личностях. Сегодня российские марксисты остро ощущают потребность вытравить десятилетиями сложившееся или навязываемое сознание о Сталине–Хрущеве–Горбачеве как первоисточниках зла. Нам совсем не страшны оплевыватели Сталина; гораздо опаснее ослы вокруг нас, тупо твердящие, мол, если бы не Хрущев, если бы не Горбачев... Но рабочая партия, вооруженная марксизмом, легко преодолет и этот предрассудок, как не страшны для науки обыватели, полагающие, что Земля плоская.

В политической борьбе главный наш враг – не только главный администратор и главный полицейский; главный враг нашего народа, русских людей – наглеющая государственная власть, поставить на место которую способен лишь организованный в революционную партию и вооруженный марксизмом рабочий класс (и, может быть (!), открыто финансируемый крупной буржуазией. Зазорного в этом нет ничего: рабочий класс открыто и вынужденно финансирует своих угнетателей налогами, взятками и молчаливым соглашением с заниженной зарплатой, государство смыкается с олигархией, – почему бы труду и капиталу не объединиться громогласно против общего врага?).

Диалектика, как любая наука, не может давать абсолютной оценки: любое явление анализируется, т.е. рассматривается с 2-х или с 3-х сторон, определяется их взаимная противоречивость и каждой грани дается собственная оценка. Мы за свободу для народа и вместе с тем за жесточайшую диктатуру по отношению к должностным лицам и спекулянтам всех уровней. Мы за консерватизм гарантированных социальных прав и против консерватизма в понимании буржуазии и бюрократии, т.е. законсервирования *их* бесконтрольных прав и их вольной жизни.

Диалектика и марксизм рассматривают две противоположные грани у любого явления. И мы не должны ни на шаг отступать от диалектики. Тем более по «идеологическим» соображениям. Как теоретик марксизма, как лидер партии рабочих, как главнокомандующий народной армией, Сталин – наш вождь и учитель. Как вульгаризатор социализма, как глава репрессивного государства и душитель свобод, Сталин – преступник и враг народа. Боготворить одно и закрывать глаза на другое можно в полупьяных разговорах, но не в политике и истории. Взвешивать созидание и разрушение, героизм и преступления нужно не на одних, а на разных весах.

Наши симпатии к тем или иным теоретикам или вождям как к личностям могут быть любыми, при этом не меняя классовой оценки их деятельности. Если понимать коммунизм как стремление к победе организованного рабочего движения в борьбе против буржуазии и против бюрократии, то и Ленин – коммунист как организатор рабочего движения и родоначальник идеи государства трудящихся и антикоммунист как «государственник», как организатор и родоначальник бюрократического государства. Историческое время оправдывает средства, но не стремления.

Нашу историю мы рассматриваем с двух сторон: *все лучшее* в Советском Союзе было создано *трудом народа*, правильнее сказать – рабочим классом, трудящимися: нашими учеными, инженерами, строителями, простыми рабочими. Именно руками рабочих создавалась великая держава – это заслуга рабочего класса, народа, русских людей. Вся гордость нашей страны: великие стройки и победа в войне, атомная энергетика и космос, военно-промышленный комплекс и культура, народное образование и спорт – принадлежит рабочему классу. Нельзя приписывать заслуги рабочего класса и народа Сталину, государству, бюрократии и партийным функционерам. Пошлой центристской оговоркой «под руководством» не перечеркнуть стремлений и подвига народа. «Папаша, кто строил эту дорогу?»... – и мы помним ответ генерала. Все материальные и духовные богатства цивилизации созданы трудом рабочих.

Всему худшему в нашей стране, в нашей истории мы обязаны

классу бюрократии, чиновничества, номенклатуры. Вся мерзость: репрессии, контроль над личностью, цензура, удушение гласности, отсутствие свободы слова, закрытость общества и власти, словоблудие, обожествление Ленина, навязчивая бессмысленная идеология, глупейшая пропаганда, закостенелость и архаичность экономики и всей жизни, повальная зарегламентированность, уравниловка, принудительные облигации, очереди, талоны, дефицит, застой – есть всецело *вина государства* как класса. Все преступления – полностью есть вина бюрократии, т.е. государственного класса, называвшегося в то время «коммунистами»; это – позор советского периода. Героизм и преступления вместе шли параллельно друг другу, переплетаясь, и только классово можно отделить одно от другого.

«Архипелаг ГУЛаг» – вот приговор, который народ, рабочий класс, коммунисты будут предъявлять всякому полицейскому государству и его служителям, вплоть до полного отщепенца. Как «Капитал» Маркса – есть вскрытие преступной сущности капиталистической эксплуатации, так и «Архипелаг ГУЛаг» – есть разоблачение и приговор любому государству, любой госвласти, оказавшейся без контроля общества. Эксплуататорское государство преступно всегда, под любой оболочкой: фашистской, нацистской, социалистской, фундаменталистско-религиозной, а *идеологии* коммунизма и все прочие – только названия.

«Архипелаг ГУЛаг» Солженицына – есть наиболее классово-марксистское произведение советской эпохи, разоблачающее преступления государства против народа, и козырь в руках коммунистов в борьбе против российской бюрократии и власти.

Одним из итогов XX века является то, что он четко провел водораздел по линии: государство – народ. Несмотря на то, что линия эта размыта и сознательно размывается, декоративный лозунг о единстве интересов государства и народа все больше осознается обществом как лживый и потому все больше остается в прошлом.

XVII. Советская история и фашизм

Любое явление жизни объясняемо материалистически. Точно так же и каждое общественное, политическое явление должно быть объясняемо классовыми причинами. Однако, придерживаясь прежнего марксистского (двуклассового) подхода – «капиталисты и пролетарии», «капитализм и социализм» – мы ничего не поймем, как необъяснимы с прежних позиций целый ряд явлений XX века. Прежний марксизм, опираясь на «Коммунистический манифест» 1848 года, рассматривал общество **двуполярно**: буржуазия–пролетариат и в своей оценке вынужден был объединять и государство и капитал в единое понятие «эксплуататорский класс», не имея возможности их анализа и рассмотрения с марксистских же, диалектических позиций их антагонизма. Поэтому считалось, что анти-буржуазный = социалистический. Это не так. В этом коренная ошибка. Прежний диалектический марксизм не мог объяснить с **двуполярных** классовых позиций многих реалий новейшей истории: фашизма в Германии, сталинизма в СССР, фундаментализма в исламском мире, демократию в Европе и т. д. Невозможно было дать классовую, марксистскую оценку, например, исламской революции в Иране, *анти*-либеральной по своей сути, но также и *не* социалистической.

Совершенно бесплодны попытки дать объяснения политике и истории какие-либо идеалистические или же по пропагандистскому названию проводимой политики судить о ее классовой сути. Если власть именуется своей политикой демократической, социальной, народной или провозглашает стремление к таковой, это означает лишь то, что таковые слова произнесены. Без марксистского классового анализа никакая политика понята не будет. Религиозная, националистическая, любая иная оболочка – это только форма тоталитарного, «государственного» государства. Те или иные служители государства могут даже не подозревать о своей бюрократической марионеточности и не давать сами о себе марксистского определения.

Государство никогда не произносит вслух своей истинной идеологии: тоталитаризм и полицейская инквизиция, т.е. то, что позволяет бесконтрольно и беспрепятственно кормиться за счет народа.

То, что государство называет своей идеологией, в действительности является пропагандой, шумовой завесой, т.е. фразеологией, во-1-х, прикрывающей истинные классовые намерения, во-2-х, наиболее выгодной в конкретной исторической ситуации: социалистическая, националистическая, либеральная, религиозная, в-3-х, максимально затушевывающей все классовые противоречия, будто бы навсегда разрешенные мудростью власти, и в-4-х, всячески пытающейся направить гнев противостоящего класса на ложные конкретные или абстрактные цели.

Только коммунисты имеют смелость сказать: нет идеологических противоречий и проч., нет национальных противоречий и проч., нет никаких религиозных противоречий и проч. – как самостоятельных; единственное противоречие, определяющее современность российской и мировой истории, есть непримиримое противоречие между трудом, капиталом и государством, которое рано или поздно разрешится полным разрушением последнего (в его существующей форме) либо добровольной капитуляцией и взятием рабочим классом в свои руки всей политической власти, вероятно с некоторым привлечением буржуазии (например, частного акционерного капитала).

Вопрос не только в том, какой класс у власти и каков совокупный национальный продукт, но и в том, какие классы в обществе и в какой пропорции делят общественные блага. Тот инструмент, который дает возможность определять эту пропорцию, называется политической властью. В годы советской власти общественный продукт делился между двумя классами: классом государства (номенклатурой и всей бюрократией) и рабочим классом (народом). В Советском Союзе было два антагонистических класса: бюрократия, номенклатура и трудящиеся, народ. Их взаимоотношения, единство и борьба составляют политическую историю советского общества. Противостоянию государства и народа посвящена, в частности, т.н. диссидентская литература, в которой общий классовый антагонизм отражен правильно.

Советское бюрократическое государство создавалось как боевая сила рабочего класса под лозунгом борьбы с капитализмом и сохранило эту фразеологию до самого конца. Но брежневское государство имело

столько же общего с марксизмом, сколько христианская церковь имеет общего с Библией, т.е. почти ничего, кроме риторики и клятвы в верности: есть вера в бога и вера в церковь, есть марксизм и есть решения партии. Поэтому совсем не в отместку Христу или Маркусу народ в 18-20-х и в 90-х годах громил зажавшихся попов, номенклатурщиков и соответствующую символику, а из-за ненависти к тошнотворной и осточертевшей церковной и партийной идеологии и пропаганде.

Очень трудно государству выдумать и оформить новую идеологию. Но еще труднее отказаться от прежней, сменив ее на более героическую, избавленную от ошибок и т. п. Поэтому прежняя, прежде используемая, идеология, с которой новое государство пришло к власти, и история приукрашивается и мифологизируется. История Европы и мира не знает ни одного института, государства, партии, где доминирующая теория оставалась бы неизменной в течение столетий. Самый костный и ортодоксальный институт – церковь, но, все христианские церкви по несколько раз за два тысячелетия пересматривали, перечитывали и переинтерпретировали Святое писание, не говоря про обряды, в угоду сиюминутных нужд вслед за меняющимся обществом, не оставив от первых христианских сект и воспоминаний. Любая религия меняется вместе с изменением социальных условий.

Метаморфоза российской монархии и советской системы заключалась в том, что общество, основанное на антагонизме «власть–капитал–труд», с уничтожением класса капитала превратилось в антагонизм «власть–труд», в которой капитал был разделен между двумя классами: большая часть была в руках государства, меньшая – в руках народа. Взаимопроникновение между классами, имеющимися в любом обществе, было гораздо больше, чем в обычной капиталистической системе: четко проходящей грани между властью и народом не было, и даже по мере развития советской системы эта грань размывалась и постепенно сдвигалась в сторону власти, реально привлекая народ к управлению. Насколько эксплуататорской была советская госмашина, должны ответить исследования историков и экономистов, проведенные по методологии марковского «Капитала»: соотношения

фондов потребления, общественных фондов и затрат на содержание *всего* госаппарата (в т.ч. партии, идеологии, внешней политики и т. д.). В любом случае, советский правящий бюрократический класс эволюционировал в сторону социальности, в сторону уступок рабочему классу, хотя в этом направлении советская государственная машина эволюционировала чрезвычайно медленно.

Исходя из прежнего марксистского двухклассового представления об обществе, коль действительно в СССР была ликвидирована буржуазия, то оставался, вроде бы, один-единственный класс, пускай и многоликий. Ни русские, ни западные марксисты не могли с прежних же марксистских позиций объяснить имевшихся в стране классовых противоречий, интуитивно их чувствуя, и называя декларируемый властью социализм государственным капитализмом. Точно также до сего дня коммунисты не могли видеть существующего классового антагонизма в нашей стране и объяснить действительные классовые противоречия, смешивая два различных класса – класс капиталистов и класс бюрократии, именуя их по-старомарксистски буржуазией, либо же причисляя бюрократию к пролетариату и вместо классового анализа используя ярлыки и эпитеты. Всякий анализ упирался в вопрос о государстве и непонимание диалектики классовой борьбы.

Советское общество искренне полагало себя **одно-**классовым (только трудящиеся: рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция). Объективность же такова, что с уничтожением после Октябрьской революции буржуазии как класса Россия превратилась из трех- в **дву-**классовое общество, с *двумя антагонистическими* классами: рабочие, трудящиеся и бюрократия, номенклатура. *В Советском Союзе не было буржуазии – значит наполовину был социализм.* Весь мир (как и Россия теперь) есть **трех-**полярная система: три самостоятельные общественные силы, три столпа в обществоведении: а) *рабочие, трудящиеся* – все наемные работники, т.е. пролетариат, не имеющий ни кормящей его собственности, ни приносящей ему доход госдолжности, б) *буржуазия, бизнес* и γ) *бюрократия, государство*. Неантагонистическая «двуклассовость» советского общества, понимаемая как союз непосредственно-рабочего класса и крестьянства, позволяет нынче под

рабочим классом понимать весь класс трудящихся.

В Советском Союзе была единая государственная собственность на средства производства, носившая название «социалистической, общенародной». Поскольку государство было единственным эксплуататорским классом, и поскольку рабочие коллективы так или иначе участвовали в управлении, контролировали и влияли на бюрократию, государственную собственность можно было назвать «общенародной» и «национальной», т.е. общей бюрократии и рабочих. Однако, сегодня в России по-прежнему смешивать два понятия: государственное и «общенациональное» – есть грубая ошибка, приводящая к противоположному пониманию всей политики. В России в конце 80-х – начале 90-х годов произошла буржуазная революция: возник и оформился новый, третий класс – буржуазия, бывший гегемоном в революции, но который не долго оставался правящим. Бывшая советская общенациональная (т.е. общая государства и народа) собственность сегодня поделена между эксплуататорским государством и эксплуататорской *буржуазией* – и рабочему классу наплевать, в каких пропорциях.

Новый марксизм обязан трехклассово пересмотреть и переоценить всю предшествующую историю, выступая на стороне борьбы трудящихся. Коммунисты смогут ясно поставить задачи сегодняшнего дня, лишь поняв историю трехклассово. Изучение истории как столкновения народов, культур, религий имеет прикладное значение для тактической и стратегической политики правящих классов, но бесполезно в качестве руководства к продолжению истории классами, стремящимися к завоеванию власти.

Прежняя марксистская историография своим «классовым» анализом не могла объяснить ни коммунизма в Советском Союзе, ни феномена национал-социализма в Германии – именно потому, что опиралась на 2-х полюсное манифестное мировоззрение, ортодоксальный, не творческий марксизм, не могла объяснить феномена третьей силы и не могла увидеть, поскольку об этом не было сказано Марксом, силы государства как самостоятельного класса, пытаясь объяснять государство *не как класс*, а как *часть* эксплуататорского класса буржуазии или *инструмент* господства трудящихся. Точно также,

напротив, слой интеллигенции или нацию невозможно понять и объяснить как класс, т.к. они есть лишь *часть* класса, находятся внутри каждого класса. Межклассовые категории имеют не самостоятельное, а подчиненное значение. Интеллигенция разделена классово, и нации разделены классово. Поэтому и объединение народа должно быть не по интеллигентности, не по духовности и не по национальности, а также классово.

Марксизмом не отрицаются нравственные и культурно-исторические категории, о которых и без марксизма говорится достаточно. Но без классовой оценки – первой и основной – невозможно понимание политики и истории. Разумеется, германский фашизм и советский коммунизм *не* тождественны, об их сходности можно говорить лишь с целью дешевой демагогии, но их классовая сущность едина – как беспредельная власть государства, не контролируемая ни рабочим классом (обществом, народом), ни буржуазией (буржуазно-демократическими институтами, капиталом). Сталинизм и гитлеризм не равны; как вещество и антивещество они равны по модулю или как ноль и минус ноль, т.е. приход к одной точке с двух сторон, как дождевая и колодезная вода. В фашистской Германии был капитализм в той же мере, в какой в Советском Союзе был социализм.

Двумерным воображением нельзя постигнуть объемность. Мир не черно-белый и не радужный, а черно-бело-серый, где черное и белое ненавидят серое. Пытаться нынешний мир объяснить радужно (культурологически, националистически и т. д.) – пустая затея. Кажущаяся многоликость непознаваемого мира за видимой объективностью скрывает в себе полное непонимание сути явлений. Мир превратится действительно в радужный, когда напрочь очистится от черного и серого.

Марксизм всегда за то, чтобы за идеологическими, пропагандистскими и разговорными названиями видеть реальные, исторические классовые механизмы. Что такое фашизм? Определений фашизма много. Неужели болван со свастикой и портретом Гитлера сегодня – фашист? Неужели от него и таких, как он, исходит реальная угроза фашизма? Неужели эта сотня молодых максималистов таит социальную

угрозу? - Полная чушь. Не-фашизм называется фашизмом. Зато распространение и тиражирование этой чуши выгодно истинным бациллам фашизма – тем, кто стремится к бесконтрольной государственной власти и фактически к ней идет. Не имеет значения, называют ли эти радикальные группы себя фашистами или нет – их внешний «фашизм» позволяет властям называть себя антифашистами. Что у нынешних ультраэкстремистов от прежнего реального фашизма? - Ровно ничего, кроме внешней атрибутики и фразеологии. Действительной *социальной* опасности от них нет никакой. Это баловство. От них реальная угроза только как от уличного хулиганья, как от банды погромщиков. Эти бумажные «фашисты» – являются выразители интересов никакого класса. Ни изменить законодательство, ни контролировать производство и финансы, ни вводить налоги, ни развязать и вести войну – без контроля со стороны общества – они не могут. Даже смешно говорить.

Действительный фашизм – это неподконтрольная обществу государственная власть. Когда чиновников и госвласть, составляемую ими, называют фашистами – наполовину это метафора, а наполовину объективность. Разве концлагеря, газовые камеры, уничтожения народов и агрессивные войны – *это* фашизм? - Нет. Все это – только следствие. Следствие бесконтрольности, безопозиционности госвласти. Разве мыслимо ли было жечь вольнодумцев на кострах, вешать, ссылать на каторгу и сажать в лагеря, если бы был организованный в партию оппозиционный класс? Смены формаций: рабовладения на феодальное крепостничество, феодальных сталинских лагерей на демократические брежневские психушки произошли не из гуманности властей, а с пробуждением гражданской активности всего общества.

Фашизм – это не свастика. Фашизм – это *возможность* творить государственный произвол, к которому ведет бесконтрольный культ идеи. Культ государства – такая же мерзость, как культ вождя или культ церкви. Фашизм – это стремление к порядку, но прежде всего – к идейному порядку. Эта идейная правильность устанавливается господствующим классом. Фашизм – есть диктатура государства и его идеологии. Фашисты – не есть крайне правые, а есть крайние центри-

сты. Фашизм становится возможным при слабости и неорганизованности оппозиционных государству классов (не всего народа, а именно классов).

Фашизм – это реальность, не миф. Вчерашняя *реальность*. Сегодня не страшен фашизм во вчерашних формах. Страшен фашизм в формах сегодняшних, *не называющий себя фашизмом*. Фашизм требует изучения и возможности его трансформации в разных социальных условиях, в разные политико-экономические эпохи. Не бесовской сутью объясняется фашизм, а наоборот, классовая оценка объясняет бесовство фашизма как чистый вид власти государства. Госвласть всегда рядится в благообразную форму и имеет глянцевый вид, – и фашизм казался некогда таким, – нужно уметь за пригожей оболочкой видеть дьявольскую основу, антинародную классовую сущность.

Истоки преступлений фашизма нужно искать не в идеологии национал-социализма, а в его классовой природе. Сталинизм не является социализмом и коммунизмом, как гитлеризм не является ни социализмом, ни либерализмом. Сталинизм и гитлеризм – есть *результат победы* класса государства в классовом столкновении капитализма и рабочего движения. Первый – под вывеской победы рабочих, второй – как торжество победы над коммунизмом. И тот, и другой – есть *третий классовый полюс*, не исследованный марксизмом, потому до сих пор опасный.

Фашизм есть порождение радикального капитализма. – Капитализм прибегает к помощи сверхсильного государства, выстраивает его из себя для защиты своих классовых интересов, для радикальной борьбы со своим главным классовым врагом – коммунизмом и рабочим движением, полагая, что это государство, новая бюрократия, административная машина – не самостоятельная общественная сила, а навсегда и всецело под контролем своих создателей. В итоге в фашистской Германии начисто устраняется коммунистическая теория, исчезает рабочее движение, устанавливается единая государственная идеология, т.е. культ государства, которое приобретает самостоятельное значение и силу, и при этом этот новый государственный класс не терпит вскоре и породившего его класса – буржуазию; победившее государство

обращает штыки против своих создателей, прежних хозяев, не желая ни с кем делить классовую победу, уничтожаются все элементы прежней буржуазной демократии, – нет больше и буржуазных партий, и других выразителей их интересов, остаются только крупные финансовые, промышленные и торговые олигархи, над каждым из которых тоже топор. Никакой благодарности, признательности и ответственности государства перед породившим его классом быть не может. Государство – это политическая сила, которую создает господствующий класс для противодействия противоположному классу, но и тем самым возвращая своего собственного могильщика.

В классовой борьбе любой получивший власть класс для удержания и закрепления свободы вынужденно прибегает к помощи того чудовища, которое называется государство. В итоге победители – хранители силы и могущества, оформляются в обособленный, противостоящий народу, класс: превращаются в самостоятельную силу, номенклатуру – государственную, партийную, военную. О необходимости *слома старой*, эксплуататорской, государственной машины убедительно говорит марксизм. Теперь же необходимо добавить, что победивший класс должен не только выстраивать собственное государство, но, учитывая опыт истории, с первого дня принимать меры для *контроля класса над собственным* государством. От внимательного прочтения прежней истории зависит история будущая.

В начале века большевики понимали, что без победы над самодержавием невозможна социалистическая революция. Классовый расклад сил в России накануне 1917 г. был таким же, как и в любом обществе: монархия (государство), буржуазия и рабочий класс. Лозунг Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую и о поражении «своего» правительства (самодержавия, монархии, государства) именно и означал перенаправление вектора: превращение войны между воюющими правительствами и народами в войну рабочих против своих угнетателей – государства и капиталистов.

По марксовой теории, рабочий класс не может просто взять старую государственную машину, усовершенствовать ее и приспособить под себя, а должен сломать старую и создать новую. Далее, по

ленинской теории, победившему пролетариату необходимо собственное государство: государство *нового правящего* класса, чтобы сломить сопротивление капиталистов.

Российская буржуазия, разломав в феврале 1917 г. прогнившее самодержавие, решила воспользоваться прежней, насквозь ржавой государственной машиной в своих интересах. Буржуазия, как класс-гегемон в февральской революции, призывает в союзники рабочий класс, как тактического союзника против общего врага. Вооруженные марксистской теорией о революции российские рабочие в Октябре 1917 г. свергли власть буржуазии. Для подавления сопротивления угнетенных классов (прежней бюрократии и капиталистов) потребовалось создание нового государственного аппарата.

В Октябре 1917 г. рабочий класс, свергая собственную буржуазию и остатки монархии, для борьбы с сопротивлением свергнутых классов, для отражения интервенции, для организации и управления производством самостоятельно строит свою, собственную государственную машину, казалось бы, всецело подконтрольную, для защиты своих классовых интересов, не зная и не подозревая, что чудовище, называемое государством, взяв силы противоборствующих сторон, имеет свойство откалываться от породившего его класса, становится новым эксплуататором, превращается в самостоятельную общественную силу, имеющую свои интересы, противоположные остальному обществу, уверовав в собственную значимость, и становится для себя самоцелью. Но как свинья грызет корни дуба, так и государство, угнетая народ, тем подставляет свою голову под гильотину.

В России февраль 1917 г. стал ключевой точкой, когда буржуазия одержала верх над государственным авторитаризмом, и старая оболочка самодержавия стала не нужна. В Октябре 1917 г. рабочий класс взял власть у буржуазии, перехватив февральскую победу буржуазии над монархией, обратив ее в свою пользу.

После августа 1991 г. буржуазия окончательно оформила свою победу над советской бюрократией. В октябре 1993 г. новая бюрократия взяла власть у буржуазии, перехватив августовскую победу буржуазии

над советским государством, обратив ее в свою пользу. Один из способов борьбы государства и буржуазии – привлечь на свою сторону угнетенные классы, т.е. народ, трудящихся. В 1991 г. буржуазия обманула народ, взяв революцией власть себе. Народ, рабочий класс России понял в самом начале 90-х годов, что оказался обманутым. К буржуазии приходит понимание обмана только теперь.

В 1989 г. никто в России и не думал о коварстве и силе нынешнего российского авторитаризма. С того времени нарождающаяся буржуазия привлекала себе рабочий класс для борьбы и свержения советского номенклатурного государства. Для этого она использовала всевозможные меры: от оплевывания советской истории до прямого саботажа: изымая продукты из магазинов, натравливая шахтеров на правительство, обещая рабочим блага капиталистической мечты. И не было, казалось, бóльших врагов государства, советского гимна и памятника Дзержинскому, нежели те «демократы», ставшие вскоре губернаторами, «социально-ориентированными» патриотами и «государственниками», обретя в свою собственность новое государство, неожиданно полюбившие и гимн, и Памятник. Сегодня – это их гимн и их символ «сильного государства». Их – но *не наши*.

Ключевым моментом победы буржуазии над советским государством был август 1991 г. Ключевым моментом победы нового государства над гегемонией буржуазии стал октябрь 1993 г., – хотя до недавнего времени казалось, что в России полнейшее господство буржуазии, что т.н. реформа есть продолжение буржуазной революции. Конституция 1993 г., пообещав права буржуазии, дала реальную власть бюрократии, классу государства – анти-народному и анти-буржуазному.

В 1989-1991 гг. в стране совершилась буржуазная революция: дремавшая в обществе буржуазия (из бюрократии и рабочего класса), наиболее активная, взяла экономическую, а затем и политическую власть, широко вовлекая обещаниями рабочий класс в революцию. В 1993 г. свершилась государственно-бюрократическая революция, гегемоном в которой была бюрократия, чиновничество – с самой широкой поддержкой буржуазии, чтобы, казалось, «добить» прежнюю соввласть. Сегодня буржуазия сама видит, – и это понимание со

временем будет нарастать, – насколько она оказалась обманутой. Тот факт, что на митинги протеста все больше выходят и представители бизнеса, говорит о том, что власть в стране не буржуазная. Правящий класс в стране – *не* буржуазия, а бюрократия. Первая забастовка чиновников будет означать начало эпохи крушения политической власти бюрократии. Власть не буржуазная, ибо изо дня в день крепнет власть *мелкого* бюрократа. При капитализме даже *мелкий* буржуа ощущает отовсюду поддержку, видит перспективы. При власти рабочего класса люди *трудящиеся* почувствуют, как наполняется их жизнь перспективой; не сразу, не в одночасье улучшится жизнь, но в одночасье жизнь *переменится*, переменится *вектор* социального развития.

Исторический ход не вернет власть буржуазной демократии, но задача коммунистов – вносить классовую ясность и разоблачать обман бюрократии, хамелеонски меняющей цвета с либерального на социалистический и обратно, в зависимости от сиюминутной конъюнктуры. Взаимоисключающие обещания: социальные – трудящимся, либеральные и демократические – буржуазии бюрократия будет щедро разбрасывать в течение всего оставшегося срока своего правления. Нынешняя власть, все больше превращаясь в полицейское государство, будет всячески стараться внешне быть похожим на советское государство: от брежневских славословий власти и всех прочих мерзостей казенщины до лозунга «православие – светлое будущее человечества»; но главное отличие в том, что при власти государства так никогда и не будет достигнут советский уровень социального обеспечения народа, ибо общественный продукт приходится делить еще и с третьим, эксплуататорским, классом – буржуазией, – это во-1-х, и во-2-х, совершенно без контроля со стороны народа.

Из того, что в стране живет вольготно олигархам (верхушке класса буржуазии), совершенно не следует, что буржуазия является классом правящим. Верхушкам любого класса всегда живет неплохо; это не показатель. Только ясно видя, что страна идет не в сторону развития капитализма, что буржуазия не является правящим и господствующим политическим классом, ясно понимая, что для свержения

всевластия бюрократии применимо усиление коммунистической партии силой, столько же враждебной государственной полицией, как и сами коммунисты, – мы должны допускать для себя возможность поддержки и буржуазной оппозиции. Мы ничуть не перестаем быть коммунистами, ибо ясно видим, что блок с буржуазией допускается исключительно для совместных действий против общего врага по вектору совпадения интересов; поддержка буржуазной оппозиции нами допускается лишь постольку, поскольку она является оппозицией, а не по причине, что она правая.

Проходят времена иллюзий и надежд на доброго и мудрого президента-царя, на справедливых чиновников, православно-кротких, на неалчного меценатствующего капиталиста. Государство – это класс, и борьба с ним возможна только классовая; государство – сила тотальная, и борьба с ним возможна только тотально; именно: ударами двух классов.

XVIII. Национализация

Второй коренной вопрос каждой революции и всей политики – есть вопрос о собственности.

Национализация – есть превращение *частной* собственности в *государственную*, что означает отнятие собственности правящим классом в свою пользу. Любой правящий класс, прикрывая свою эксплуататорскую суть, стремится убедить общество, что действует в интересах *всего общества*, всей нации. Вранье центристов о том, что отнятая у олигархов собственность государством будет направлена на улучшение положения народа, необходимо пресекать и разоблачать на корню: ничего рабочие не получают. Народу, рабочему классу безразлично, как и в каких пропорциях делится собственность между двумя эксплуататорами: администрацией и буржуазией или между двумя капиталистами. Это принципиальный момент, гвоздь современного требования о собственности, и необходимо повторять еще и еще: лозунг с требованием государственной собственности при чиновничьем

эксплуататорском государстве – есть лозунг не просто безмозглый и вредный, а прямо враждебный народу, т.к. дает козырь нашему врагу, врагу рабочих – бюрократии – в борьбе против другого врага – буржуазии. При этом бюрократия крепнет больше, чем слабеет буржуазия.

Нас не должна вводить в заблуждение этимология слова «национализация». Национализация не делает собственность общенациональной, общественной, народной (ибо таковых вовсе не существует), а лишь передает собственность в руки *государства*, – как приношения богу потребляются церковниками. Национализированная бюрократическим государством капиталистическая собственность становится настолько же национальной, насколько является таковой сама чиновничья власть.

Первым нашим стремлением должна быть перспектива создания государства трудящихся – через выборные Советы рабочих, Учредительное собрание, массовые организации рабочих на предприятиях, единую рабочую партию, рабочий контроль над собственным производством и собственной властью. И *только после этого* следует выдвигать революционный лозунг об отнятии собственности у буржуазии, о возврате собственности народу, т.е. *нашему* государству. Национализация капиталистической собственности – есть лозунг социалистической революции.

При социализме, когда государство в руках рабочих, представителей трудящихся, государственное – означает наше. Сегодня государственное – это *не* наше, потому что само государство *не наше*, как и вся государственная собственность тоже не наша. Так чего же нам радоваться чужому богатству и радеть за его преумножение? Само это богатство возможно только за счет нашего обеднения и служит нашему угнетению. Нам не выгодна выгода *не нашего* государства.

Привычка отождествления государственного и народного унаследована от прежних времен и прежней идеологии. Национализация, т.е. передача в *государственную* собственность – означает лишь смену эксплуататорского собственника. Перепродажа футбольных клубов никак не касается болельщиков и игроков. Для народа нет

разницы, приватизируется или национализируется та или иная собственность, перейдет ли она из одного ведомства в другое или от одного капиталиста к другому. Любое из возможных сочетаний никак не изменяет эксплуататорской сущности: во всех случаях собственниками оказываемся *не мы*, не рабочие, не трудовые коллективы, не народ.

Мы хорошо видим, *как* за 15 лет это государство распорядилось экономикой и страной. Чем больше национализируется народная собственность, тем больше ее распылит и разворует власть чиновников; чем больше приватизируется, тем больше прожрет и прогуляет народных богатств буржуазия. Поэтому, товарищи коммунисты, пора, пора осознать: в нынешних условиях национализация – *не означает* передачу в национальную собственность; чтобы собственность действительно стала национальной, народной, необходимо национализировать само государство: рабочим классом брать политическую власть, т.е. рабочему классу становиться политической властью. Это – лозунг коммунистической революции. Все разговоры о национализации, о закреплении в конституции понятия общенародной собственности и собственности трудовых коллективов будут *потом* – и никак не раньше. Пока же это – болтовня, прямо выгодная бюрократии. Не понимать этого может только вбивший себе клинья в уши болван, стоящий лбом упертым в стену.

Также должно быть классовое понимание понятия «частной собственности», т.е. собственности некоторых граждан. Частная собственность прямо означает отсутствие этой собственности у всех остальных. Капиталистическая эксплуатация невозможна в равной мере всех всеми и каждого всех. Частная (т.е. буржуазная) собственность на средства производства прямо означает эксплуатацию трудящихся.

Точно также, требование о передаче буржуазной собственности в государственную, т.е. перераспределение между эксплуататорами, – есть лозунг либо откровенных защитников бюрократии, либо полное непонимание эксплуататорской сути государства и степени его неэффективности. Действительно, огосударствленная собственность в небольшой степени косвенно достанется народу, но одновременно в

значительно большей степени ударит по народу своей эксплуататорской сутью и сверхзатратами бюджета на ее содержание. Коммунисты предлагают народу не выбирать меньшее из двух зол, а радикально уничтожить их оба.

Наивно полагать, что государство действительно против пересмотра итогов приватизации и не помышляет о национализации. Не желает, пока не может. Правительство, власть, вся бюрократия самым советским образом мечтали бы о всеобщей и повальной национализации – о передаче буржуазной собственности в государственную – с целью повторной приватизации; мечтают о национализации природной ренты, об абсолютной монополии на все и вся и т. д. Но государство желает национализации, разумеется, в свою пользу и уж никак не в пользу нации и народа – это было бы смешно. Пересмотреть итоги приватизации государство желает затем, чтобы огосударствленную собственность вновь продать и второй раз получить за нее деньги.

Только законченный дурак может наивно полагать, что отнятая у буржуазии в пользу государства собственность в осязаемой степени достанется народу (наука, образование, медицина, модернизация армии и т. д.) – это центристские сказки, рассказываемые прихвостнями бюрократии. Верить этим сказкам – самообман, ретранслировать и пропагандировать их – прямой саботаж. Социальная сфера для государства – обуза, которую оно мечтает сбросить. Коммунисты должны ясно это понимать и знать, что дармовая национализация нужна власти только для того, чтобы реквизированную собственность снова, второй раз возмездно передать буржуазии, избавляясь от бремени содержания и управления собственностью и получая за нее деньги и налоги.

Бюрократия богатеет коррупцией. Чиновничество мечтает об уровне материального достатка для себя не ниже, чем у буржуазии. Но то, что буржуазии достается работой, кровью и тюрьмой, чиновник желает получить благодаря своей близости к государственной кормушке и сразу. Вопиющее несоответствие пролетарских зарплат чиновников их шоколадному благосостоянию приводит к тому, что бюрократия ищет пути легализации коррупционных доходов. Коррупция – это

присутствие государства в рыночной экономике.

Необходимо разом положить конец нашей тупой агитации, безмозгло дующей в дуду надувающего народ государства, о народной национализации. В сказках о народной национализации столько же истины, как и в мечтах о народной приватизации. Вчерашними унаследованными определениями и названиями оценивать новую, изменившуюся действительность и потому требовать огосударствления собственности могут лишь твердолобые безграмотные горе-коммунисты, готовые всю жизнь попугайски повторять текст пионерской присяги и верить, что тем верны делу Ленина. Что может быть более радостного для правительства и власти, чем наблюдать, как наши горе-коммунисты, бесплатные лакеи бюрократии, сами, без дрессировки прыгают в предложенный обруч, тупо повторяя: «национализация = государственная собственность = народная собственность». Понимать сегодня национализацию украденной собственности как «передачу народу, т.е. государству» (народу «в лице» своих чиновников) – есть такая же ослиная чушь, как слова: «мы за Ельцина, мы за народ», т.е. абсолютное непонимание классового расклада. Понимать государственную собственность как народную – значит преступнейше смешивать понятия народ и государство в то время, когда государство антинародное, – это самый большой грех сегодняшних коммунистов.

Государственная собственность эксплуататорского государства есть эксплуататорская собственность. Социальная политика эксплуататорского государства – есть выхлопной кран против чрезмерного давления со стороны народа. Теперь только наивный простачек может полагать, что удвоение-утроение ВВП, бюджета, казны приведет к соответствующему улучшению жизни трудящихся: повышению зарплат, стипендий, пособий, соцвыплат, увеличению ассигнований на образование, науку и т. д. Ни в коем случае. Зачем бюрократии тратить дополнительные средства сверх сегодняшних, если и сегодня трудящиеся не организовываются, революционно ничего не требуют, не протестуют и ничем власти не угрожают? Все, что государство считает положенным и достаточным народу, оно уже дает. Радикально больше не даст. У государственных держиморд есть более важные области

вложения средств: непрерывное повышение своих зарплат, выплат, надбавок и прибавок госслужащим, автомобили, квартиры чиновникам, новые компьютеры, ковры, евроремонт в госучреждения и администрации всех уровней, охрана, видеонаблюдение за гражданами, возмездное «партнерство» с церковью – непечатый край «государственных» дел. Не враги же они себе. Шикарные инаугурации, карнавалы, презентации, «народные» гуляния со славословиями в адрес правителей, все освящаемое церковью, – оправдывая все тем, что им нужна великая Россия. Дальше – больше: сады Семирамиды, имперская политика, войны. Это только видимая часть айсберга. Истинные преступления нынешней власти – все, в полном объеме – станут известны только после народной революции.

Для народа радость за величие государства равна радости футбольного болельщика – как эротика вместо женщины. Величие империи покупается бедностью народа. И лишь вислоухий мечтающий обыватель, верующий в государство как в попа-благотелья, полагает, что блага увеличенного бюджета сразу и напрямик пойдут *ему*. Не пойдут. Ибо народ только борьбой может добиться всего.

Бюджет – это казна. Вопрос в том, *в чьих руках* казна: бюрократии, буржуазии или рабочего класса? Должны ли мы заботиться о приумножении средств в чужих руках? Нас не должна сбивать с толку пошлая банальность центристов, что из этой казны платятся деньги бюджетникам и т. д., ибо это не заслуга власти: власть, даже если и захотела бы, *не может не* платить, не может не делиться с народом мизером. Их госказна наполняется нашими деньгами и нашим трудом, поэтому и принадлежать должна нам. Наша задача – отнять у бюрократии казну и армию. Дальше все приложится.

Власть выполняет свои обязательства ровно в том объеме, в каком народ *требует*. Эксплуататорские классы – капиталисты и государство – никогда не станут платить рабочим больше, чем рабочие силой – протестом, забастовкой, бунтом, революцией, или прямой угрозой таковых – потребуют и вынудят их платить. **Народ получает ровно столько, сколько стоит его сила.**

Любые уступки делаются лишь под давлением и угрозой. Разве

отдали бы советские люди в руки буржуазии свою национальную собственность, если бы были организованы в боевые рабочие дружины на предприятиях? Разве позволили бы советские люди даром новому государству отказаться от всех социальных обязательств, если бы были единым классом – нацией-классом? Либеральный обман оказался возможен благодаря классовой дезорганизации народа.

Обман и эксплуатация государством народа всегда выглядит хитро, гладко и причесанно. Обещания и схемы, рисуемые уверенными центристами и министрами, красивы и правильны только на первый взгляд. Первые же классовые вопросы разбивают их вдребезги. Основное демагогическое оружие чиновников и их лакеев – центристов – есть *обещание* и рисование долгосрочных схем. Против забастовок, пикетов и митингов трудящихся единственное оружие власти – угрозы и обещания. Угрозы и репрессии возможны только безоружным, не организованным, не спаянным единой классовой теорией трудящимся. Ко всему народу угрозы неприменимы.

Государство сильно возможностью неограниченно пропагандировать свою ложь. Для вооруженного знаниями, наукой, образованием никакая ложь не страшна: государство – всегда обман. Какой смысл обсуждать очередные обещания васюкинцам очередного государственного Остапа Бендера? Давайте обсудим прежние обещания. Тогда станет ясным, что вовсе не обязательно ждать десятилетия обмана, чтобы осознать необходимость и неизбежность революции – достаточно вспомнить, обсудить и понять тот же обман за годы прошлые. И сказать уже сегодня: никакой поддержки государству. Свободное государство – отсутствие государства.

Освобождение трудящихся есть дело только самих организованных трудящихся. Если формулировать программу коммунистов единой фразой, то первая и главная тактическая задача – это политическая организация рабочих по предприятиям, по трудовым коллективам. Ни еврейские погромы, ни новое убийство Столыпина, ни «губернатор-коммунист», ни «социальное государство, защищающее национальные интересы» не решат ни единой проблемы. Зато маленькая «революция 1905 года» или местная «Парижская Коммуна» в любом из уездных

городов мгновенно облагородят самое антинародное правительство и буржуазию и вынудят в два раза поднять зарплату всем рабочим на заводах и всем бюджетникам в стране. Стабильность, ратуемая государством – это всегда затишье в классовой борьбе; это – не заслуга бюрократии и власти, а лишь слабость рабочего движения.

Придумывая аргументы и доводы против революций и бунтов, умники-гуманисты пытаются напугать нищих разорением. Самый паскудный прием, которым пользуются враги народного классового самосознания – это слова об «общей» родине и «угрозе» гражданской войны. Пора нам перестать бояться и этого лицемерия. Поэтому мы говорим открыто: у нас с вами, господа, разное понимание родины. Наша родина – разрушенная вами страна; ваша родина – роскошь за чугунными заборами. Государство, бюрократия и капитализм начисто отнимают у рабочих родину; не пора ли рабочим отнять родину у своих угнетателей? Бойтесь, господа, гражданской войны? - Сдавайтесь.

Именно любовь к России и вера в будущую *свою* державу – великую и свободную державу, стоящую на защите труда и свободы, дает нам силы и заставляет рабочих бороться против нынешнего полицейско-административного беспредела и грабежа. Но каждая текущая политика коммунистов определяется не только видением перспектив, но и оценкой настоящего. В нынешний исторический момент у рабочего класса нет готового взведенного механизма для коммунистической, тем более социалистической революции.

Стратегически нас мало должно заботить, в чьих руках капитал в данный исторический момент: сегодня капитал и политическая власть в одних руках – завтра в других. Поскольку весь капитал в стране наш, народный, т.е. по праву и по справедливости должен принадлежать нам, нас должно заботить, как сегодня он работает: создает ли предпосылки для своего возрастания и умножения, т.е. насколько зря в эти годы социалистического безвластия тратится историческое время. Нынешние политические условия заставляют капитал – и промышленность, и людской потенциал, и все общество – работать вхолостую; это недопустимо.

Отдельная глава в истории – как государство обманом и прочим

расточает народный капитал. Дефолт 1998 года есть лишь яркий случай, когда государство, получая за это ото всюду деньги, берет на себя обязательства (ГКО), которые затем законно аннулирует. Этот дефолт ударил по народу и по мелкой буржуазии. Деньги (активы), вроде бы, исчезли. Но любые «исчезновения» денег – всегда лишь видимость. Потерянные кем-то деньги всегда аккумулируются в чьих-то конкретных руках. В данном случае – именно в государственно-чиновничьих.

Все богатство страны как собственность народа или принадлежит народу (социализм) или не принадлежит, независимо от того, старается ли власть уверить общество в обратном или лишь декларирует, что «должно принадлежать». Государство – это бездонная бочка, крайне дорогостоящий ультра-неэффективный аппарат общества. В средние века государство-церковь неконтролируемо пожирало почти весь общественный капитал. Западное общество, движимое экономическими интересами и неумолимостью прогресса, отказалось от дорогостоящего института церкви, оставив обывателю дешевую нынешнюю пустышку – западное христианство. Государственный административный аппарат управления имеет крайне низкий общественный КПД: если половину своей энергии бюрократия тратит на управление и поддержание порядка, то половину – на установление и поддержание собственно благоденствия.

Сегодня государственная собственность равна разрывыванию и полному распылению производства. Во временный период затухания рабочего движения необходимой задачей всех болеющих за будущее страны людей является максимальное сохранение научного потенциала и остатков тяжелой промышленности – любым способом, пускай даже передачей в руки буржуазии, – которую будущее рабочее государство обязательно национализирует.

Политика – не есть разглагольствования и теоретизирования без действия. Пустая и глупая затея для коммунистов называть себя государственниками и давать вумные «государственные» социалистические советы правительству и всей политической власти. О геополитике рассуждают те, кто решения никакого не принимает; а то, *как должно быть*, знает каждый. Народу нет дела, какую внешнюю

политику ведет государство, т.е. враждебный нам класс. Дискуссии на эту тему имеют целью лишь отвлечение внимания от политики внутренней, т.е. классовой борьбы.

На текущем этапе коммунистам и рабочему классу необходима организация партии – не идеологической, т.е. партии тупых ослов, где единственная «идеология» – патриотизм и повышение пенсий, – а *политической*, т.е. классовой партии рабочих, готовых воевать *за свои* экономические и политические требования. Сегодня говорить, ставить задачи, озвучивать мечты о «народном» или «социальном государстве», о правильном коммунизме, о светлом будущем – значит даже не то, что телегу ставить впереди лошади, а пытаться своими мечтами и рассуждениями убедить телегу двигаться самостоятельно и надеяться ошастливить этим всех вокруг.

Горе-коммунисты в своей марксистской безграмотности скажут: «нет, мы выступаем за такое государство, в котором бы...» – и начинается перечисление всех возможных благ. Но мы даже дослушивать до конца не станем все пункты их фантазий райского социализма. Вообще, у коммунистов разговор с дураками короткий. Все лозунги и вся идеология должны быть выброшены на помойку, если в них нет основного стержня: власть класса трудящихся.

Мы не анархисты. Мы не призываем, сначала разрушать, а затем строить. Для разрушения у нас элементарно нет сил. Коммунистическая программа и интересы рабочих требуют строительства своего государства в нашей стране параллельно с существующим, создавая двоевластие, *вытесняя* своей силой власть чиновничьей бюрократии и коррумпции – эволюционно и революционно.

Рассуждения коммунистов о собственном государстве – не есть вопрос текущей политики. Самый первый вопрос – много до того, как мы произнесем само слово «государство» – должен быть: интересы трудящихся. *Сначала* – организация рабочего класса в боевую партию, взятие политической власти рабочим классом, начало разрушения эксплуататорской сути существующего государства, а уже *после*, после этого – речь о *собственном* государстве, необходимом, чтобы раздавить сопротивление гадов, которые сегодня и есть государство – чиновники,

министры, депутаты, губернаторы, прокуроры, генералы, судьи, инспекторы и проч. народные ненавистники, со своим законодательством и госсимволикой. Пока же вопросы о будущем коммунизме, о «подлинном социализме», о всеобщем благоденствии и рае на земле – есть темы для обывательских разговоров, ничего общего не имеющие с политикой, с жизнью, с действительностью, или политиканствующая ложь.

Но ближайшие цели, к которым зовет рабочая партия, для скорейшего уничтожения эксплуататорского государства требуют уже сегодня, до начала народной революции, последовательной и параллельной замены существующей госвласти представительством самих трудящихся – советами трудовых коллективов, избранными рабочими представительствами и т. п., осуществляющими пока не диктаторский контроль над бюрократией и буржуазией. Нет ни одного чиновника, действия которого невозможно контролировать. Вахта студентов-юристов, членов коммунистической партии, круглосуточно стоящих за спиной каждого чиновника – чем не демократия?

Коммунисты не исключают коммунистической революции мирным, парламентским путем. Чиновники и центристы – политически самый беспринципный народ, служат тому, во что не верят: сменись власть с республиканской на монархическую или советскую – и они послушно и молча проведут соответствующую директиву. Но цели коммунистов в отношении государства, жрецы которого имеют возможность жить за счет труда народа, не зависят от тактических путей их разрешения. Государственный аппарат, целиком стоящий над народом, должен быть уничтожен полностью и заменен новым государственным устройством, сверху донизу подконтрольный и отвечающий интересам народа.

Кадровая политика коммунистов должна заключаться далеко не столько в подборе кадров, сколько в вовлечении в политику масс. Марксизмом разрешен вопрос о роли личности в истории. Значение деяний и мыслей каждого человека велико; человек – это много. Даже один, стоящий за правду, сильнее тысячи лжецов. Но личности «творят историю», лишь ускоряя или замедляя общий ход развития общества.

Выборы – есть один из видов политической борьбы. Политика же всегда классовая, – это, конечно, тавтология, но именно так может быть понята действительность и развеяны устоявшиеся иллюзии и предрассудки. Дело *не в персоналиях*: даже самые порядочные представители трудящихся, будучи поставлены в рамки власти и системы, неизбежно идут к перерождению (т.е. сознательно подстраиваются под бытие), если общественный классовый контроль не выполняет функцию сдерживающей действительности. Политика государства не тождественна методам правления государя. Дело *не в форме* правления класса: монархия, республика, демократия, а в том, какой *класс* является правящим. Наивно полагать, что коли народ «выберет» на выборах власть трудящихся и откажет в доверии партии чиновников, то бюрократия лишится политической власти.

Дело не в косметических вариациях: о всеобщем покаянии, о смене курса, о добавлении морали в политику, о национально ориентированном правительстве и т. п. уводящих в сторону призывов. Единственный и принципиальный вопрос – интересы какого класса реализует политическая власть, какой класс в стране имеет политическую возможность реализовывать свои стремления? Коммунисты отвечают на этот определенно: никакого «духовно-православного», «социально-патриотического», «национально-однородного», коалиционного, «народного доверия» правительства – только правительство трудового народа, диктатура закона, установленного силой рабочего класса. Не приемлемы никакие, самые душевные названия, если это правительство бюрократического аппарата или правительство буржуазии. Если бюрократия называет себя «социальным государством», это лишь означает, что на данном этапе она решила завоевать поддержку народа озвучиванием намерений проводить «социальную» политику. Как бы торжественно не клялся правитель, что он за народ – верить ему нельзя.

Вопрос не в том, каким само государство хотело бы быть и каким на протяжении десятилетий обещает быть, а в том, какое государство *есть*, каким оно продолжается и каким навсегда бы оставалось, если б не принявшее боевые формы возмущение народа. Реализовать требования народа и *рабочего* класса может только

политическая *власть рабочего* класса. История показывала и многократно покажет, что какая бы политическая сила ни клялась верности народу и рабочему классу, это всегда обман, *если* эта сила **не коммунистическая**.

Говоря о народе, для коммунистов имеет самоценность лишь трудящееся большинство народа. Рабочий класс не есть однородная масса. Имущие классы тоже не однородны. И здесь есть верхи и низы, и между ними идет сложная борьба: центральная и местная власть, крупный и мелкий бизнес и т. д. Но нас не должны вводить в заблуждение никакие пошленькие «политические союзы» и «партии»: всем, всем центристам и правым мы говорим: врите! – на защите трудового народа может быть только – во-1-х – революционная, во-2-х – коммунистическая, в-3-х – партия трудящихся.

Коммунисты выступают за принадлежание собственности на средства производства только рабочему государству (не всякому государству вообще: капиталистическому, тоталитарному и т. д.) и трудовым коллективам и притом *только тогда*, когда такое государство де-факто будет создано.

Капитализм – есть власть буржуазии, защищающее интересы капитала. Тоталитаризм и авторитаризм – есть власть бюрократии, «государственное» государство; это не тавтология: государство *ради* государства: государство, самоцельно защищающее себя (под любой вывеской: национальное, социальное, духовно-церковное, город Солнца и проч.). Социализм – есть государство трудящихся, стоящее на защите труда, т.е. в интересах трудящегося большинства народа. Экспропрированную государственную власть рабочий класс возьмет целиком себе.

Мы говорим: до того, много до того, как потребовать огосударствления собственности, коммунисты должны осознать, провозгласить, потребовать и завоевать *государство трудящихся*; и вот тогда, только и только тогда мы скажем: а вот теперь мы за нашу, за государственную собственность, т.к. государство это – наше, и государство – это мы. Пока государство не наше, мы против национализации; как только государство станет нашим, мы сразу же выступим за национализацию. Недоступным пониманию оказывается не сложность триалектических

тезисов, а то, как элементарные комбинации из трех пальцев все-таки оказываются недоступными пониманию.

Национализация – есть задача социалистической революции.

До того, как на повестку дня ставить вопрос о национализации, т.е. о передаче буржуазной собственности в руки государства, *прежде* коммунистам необходимо иметь для этого свое государство – государство трудящихся. Только государством трудящихся народ может проводить национализацию. До того времени, как государство будет принадлежать рабочим, коммунистам стоит напрочь забыть само слово «национализация». Пока в нашей стране государство не принадлежит рабочему, лозунг государственного патриотизма коммунистами приравнивается к матерщине и фашистской пропаганде.

Государство трудящихся – есть цель коммунистической революции. Коммунистическая революция – есть взятие государственной власти рабочей партией, народным представительством. Государство трудящихся должно быть абсолютно подконтрольно народным представительством.

Много раньше, чем на повестку дня будет поставлена задача коммунистической революции, должно быть создание народных представительств как слагаемых будущего государства трудящихся; это – цель во времени номер 4. Прежде, чем даже говорить о таком представительстве, много раньше, до того необходимо сами народные представительства сделать выразителями воли *класса* – рабочего класса. Это задача долгая; это – цель во времени номер 3.

Прежде, чем говорить о воле класса как о факторе политики, необходимо организовать ту силу, которая будет выразителем этой воли. Вот это – задача текущая, это цель нашего времени номер 2...

XIX. Пропаганда

Коммунизм начинался в XIX веке как противостояние труда и капитала. Новое осознание не двух-, а **трех-**полярного противостояния требует воли и смелости пересмотра всего прежнего коммунизма.

Деревянными мозгам это не под силу: гораздо легче продолжать упираться в закоряченные теории и формулы, видя в этом «верность идеалам».

Прежняя коммунистическая пропаганда теперь так же враждебна рабочему классу, как и прямо буржуазная или «государственно»-административная идеология. Сегодня исполнение музыки Советского гимна – есть прямая хвала нынешней бюрократии и всем чиновникам, как одобрение и подтверждение их легитимности.

Усилиями наших горе-агитаторов словам не придается значения. Пора разом положить конец тому порядку, когда плач пенсионеров о Сталине и прежней молодости называется коммунистической агитацией, намеки на еврейство Троцкого – патриотизмом, а ругательства в адрес Ельцина – державностью.

Болтовня и пустословье идут с советских времен. Даже ультраавторитетные слова Ленина «учиться коммунизму» воспринимались как тривиальная рекомендация учиться вообще, вроде призыва мыть руки или вытирать ноги. Но Лениным сказано: учиться *коммунизму*. Но и под этим в прежние времена подразумевалась всякая казенная мерзость, вроде конспектирования речей Брежнева. Теперь же необходимо сиять заставить заново слова: учиться коммунизму, – сегодня это значит *научиться видеть* во всех аспектах общественной жизни борьбу трех классов, осознать каждым *своей* принадлежности классу, бороться за интересы своего класса и учиться этой борьбе. Это значит научиться находить методы реальной борьбы за коммунизм, исходя из окружающей нынешней реальности с имеющимися налицо силами.

Нам дорого обходятся собственные ошибки. Рабочий класс не учился или же не научился коммунизму. Нечего слушать тех умников, пытающихся переложить вину лишь на вождей КПСС. Из разговоров о «предательстве» руководства, «перерождении верхушки» и т. д. не следуют никаких практических выводов. Прежде всего сказывается предательство социдеалов – по марксистской безграмотности, самоуспокоенности, потери воли к борьбе – даже не руководителями, а простыми коммунистами и самыми широкими слоями населения: забыты Маркс, Ленин, диалектика, марксизм, классовая борьба – и весь

«патриотизм» скатился к внеклассовой абстрактной «державности», нереволуционному подкрашиванию социальностью существующей госвласти, а то и к пошлому шовинизму, антисемитизму, махровому мракобесию: идеализированию седой старины, культов и церкви. Эти народные «патриоты» готовы забыть и наплевать на Ленина и диалектику, лишь бы лобызать Сталина-государственника, лягнуть Троцкого-антисталиниста и найти универсальное всеобъяснение в жыдомасонском заговоре. Патриотами и коммунистами (!) называют себя те, кто не читает ни Маркса, ни Ленина, обожествляет Сталина лишь как государя, но не читают его и совершенно не знают как марксиста – мол, знают и так все, «как было при Сталине», о диалектике и слыхом не слыхивали, зато внимают глупым газеткам и брошюрам и полагают, что быть марксистом – значит лишь носить красный флаг, ругать евреев и иметь единственным идеалом прибавку к зарплате и пенсии. Коммунистическая, рабочая партия должна четко и прямо сказать, что она не имеет ничего общего с подобным тупоумием. Коммунисты должны не скатываться к упрощенному пониманию политики как разноцветной интриги, а возвышаться до марксистского понимания диалектики классовой борьбы.

Если же задача полного переучивания нашей т.н. «старой гвардии» совершенно непосильная, – значит эта гвардия как агитационная должна быть списана в запас или же полностью отсечена: лучше меньше, да лучше. Куда, к каким свершениям могут звать люди, не отличающие алты от шифта? Рабочий класс не может позволить компрометировать коммунистическую теорию старым идеологическим балластом. Такова жестокая диалектика, что при всем уважении к возрасту этих людей и еще большем уважении к их трудовому вкладу в развитие страны, необходимо признать ту реальность, что после двух минут выслушивания их «агитации» 99% слушающих говорят: к дьяволу этих коммунистов – и уходят. И все оборачивается тем, что эти горе-агитаторы снова собираются вместе в небольшой комнатке и вновь принимают резолюции «о привлечении молодежи в компартию».

Пропаганда убедительна не формальной правильностью сказанного, а диалектической и классовой ясностью. Вопрос не в

абстрактной правильности слов, а в их действенности. Зачитывая вслух истину таблицы умножения, никого ни в чем сагитировать нельзя и никого ни к чему не подтолкнуть.

Этим горе-агитаторам мы должны прямо сказать: вот такие, как вы – пускай даже честные, но бестолковые, а потому бесполезные и вредные для дела, – словесной трескотней заболтали страну, проговорили и проболтали державу, Советский Союз, власть и завоевания трудящихся. Проговорили и проболтали. Хотите пользы для дела – замолкайте; или же собирайтесь в узком кругу и продолжайте агитировать себя за самих же себя – больше вы убедить никого не сможете. Жестоко. Но если мы не будем жестоки к *своим* недостаткам, кто поверит, что мы способны искоренить недостатки внешние?

Нам не интересно сейчас, что сделают представители вчерашних «левых», когда (или если) они придут к власти; нам интересно, что они делают уже сейчас и что делали вчера, чтобы стать властью сегодня. И если выяснится, что вчера занимались чепухой, говорили ерунду (или не ерунду, но результаты этой неерунды были нулевыми), – то менять политику нужно радикально, ибо экстенсивным наращиванием прежних пустых слов дело не сдвинется. Чтобы что-то действительно менять, нужно знать и отдавать себе отчет в реальности. Реальность такова, что нынешние ячейки всех компартий – это кружковщина, дискуссионные клубы, созданные в услужение имеющим кучу свободного времени пенсионерам. Да, другого у нас нет. Но задача наша не в том, чтобы тешить себя, что с этими людьми можно увлечь Идеей страну, а в том, чтобы действительно создавать боевые единицы. Что делать? - Перестать болтать.

Слишком далекое «видение будущего» не менее опасно, чем идеализирование прошлого и непонимание настоящего. Из истории мы знаем, как бичевала большевистская партия таких «коммунистов», опережая события и текущую практическую реальность говоривших о «мировой революции», о «коммунизме», как о задаче момента. И сегодня компартия, если желает начать накапливать действительный авторитет, должна прежде позатыкать глотки тем своим болтунам, говорящим о «государственных» интересах как о повестке дня

коммунистов. Псевдокоммунистическая публичная болтовня губительней Сулова и Геббельса. Первый залог победы – научиться думать, а говорить только потом. Меньше слов – больше смысла.

Жалко видеть беспомощность лево-«патриотических» программ, где вместо классовых оценок и классовых определений врагов лишь различные литературные вариации на тему компрадорства антинародного правительства и «либерального фашизма». Отсутствие продуманной марксистской теории приводит к тому мусору в головах идеологов и их программах, что сперва говорится об усиливающемся авторитаризме власти, государства – и через пару абзацев о государственности и необходимости скорейшей национализации, т.е. передаче в руки *этого* самого государства буржуазной собственности, которая сможет лишь усилить эту власть.

Марксистская безграмотность приводит к тому, что боевая классовая коммунистическая идеология заменяется суррогатами. Идеологии и их лидеры, призывающие к борьбе за народное освобождение с националистических, религиозных, духовно-патриотических и прочих идеалистических позиций, являются безвекторными и сотрясающими лишь пустоту, как громкий крик без удара. Подобные страсти без осознанного вектора равны крикам «долой» или «банзай» – без ясного ответа, кого долой, кому банзай и зачем.

Вся прежняя ортодоксальная коммунистическая (двуклассовая) пропаганда – как не соответствующая реальному раскладу классовых сил и не дающая адекватного ответа о путях освобождения труда от гнета капитала *и государства* – рассматривается нами как дезориентирующая и потому вредная и враждебная. Даже ряд фундаментальных истин, реченных классиками марксизма, в контексте новой трехклассовой реальности превращается во вредные заблуждения. Мы могли бы набрать целую брошюру ленинских цитат, которые сегодня никогда не сказал бы Ленин. Грош цена всей «левой» пропаганде, если она не может внятно, классово объяснить, что именно есть это их «лево». Коммунисты должны указать ясно: левый – значит трудящийся, наемный работник, в ударную противоположность центристам (государству) и правым – капиталистам. Коммунисты выступают за то,

чтобы человек труда был бы защищен и политически, и экономически так же, как чиновник защищен своей должностью и капиталист своей собственностью и деньгами.

Чтобы шире распространить марксистские идеи, нужна широкая пропаганда – это всем ясно. Госвластью наложен запрет на идеи классового самосознания рабочих. Но в тысячу раз больший наш враг (вместе с нашей собственной марксистской безграмотностью) – это болтовня и пустословье. Пора перестать бросаться словами «социализм», «патриотизм», Советская власть. Наша прежняя, замусоренная ерундой, агитация должна быть радикально обновлена: не по форме, а по содержанию. Прежде всего, начисто отказаться от всех самых красивых, но *не классовых* призывов. Например: совершенно бестолково и непонятно, что юридически означает защитить права конкретного человека как *русского*, патриота или православного. Зато совершенно ясны права человека как *рабочего*, труженика – это значит защита его труда. Вот *эти* интересы совершенно конкретны и всем понятны. Это – интересы классовые. Классовые интересы рабочих, т.е. всей массы трудящихся, не могут быть защищены индивидуально: целевая подачка каждому, каждому персональный адвокат. Классовые интересы рабочего могут быть защищены *только политически*, т.е. защищая и освобождая *весь рабочий класс* от эксплуатации капиталом и от гнета полицейской бюрократией. В этом – вся революционность марксизма. В этом – реальные, каждодневные интересы людей и их будущего, а не в абстрактном патриотизме, русскости или «верности идеалам». Радикальность революции заключена в радикальности общественного процесса как смены господства политического класса, а не в радикальных методах латиноамериканских конституционных переворотов с винтовкой в руках.

Залог победы коммунистов, рабочих – в самом широком распространении идей марксизма, т.е. сознания идей рабочего класса. Конечная цель пропаганды – *осознание рабочих себя как класса*. Попытки привнести в политику мистику: сказки о мировом зле, о черных силах, о сатанинском заговоре – происходят только от бессилия, от незнания и непонимания марксизма и основного расклада борющихся

из сил в обществе: трудящиеся, капиталисты, государство.

Любое общественное явление будет оставаться темным и непонятным до тех пор, пока не будет объяснено с классовых позиций. Кому, какому классу *выгодно* существование в стране *нищеты*? - Ответ: буржуазии и власти чиновников. Почему? - Каков основной закон благоденствия господствующего класса? - Смирение и послушание эксплуатируемого и угнетаемого класса (разумеется, не без помощи лакействующих перед госвластью церквей). Тюрьма и нищета – это козыри в руках эксплуататоров. Капиталист говорит рабочему: будешь бунтовать или возмущаться – выгоню с работы; вот – нищета, она может ждать и тебя. Администрация говорит народу: послушно терпи все самодурство власти, молча плати налоги и подати, покорно принимай повышения тарифов, смиришься с беспределом, ты раб государев, ты во власти чиновника, и ничего у тебя нет: все кругом – наше, государственное, наша власть от бога (и оборачивается к попу: подтверди, святой отец). Нищета и тюрьма – это легальные методы воздействия власти для устрашения непослушных. Обещая в будущем рай на земле, который можно дожидаться только терпением, государство пугает людей нищетой как адом на земле – без всякой мистики, с наглядными примерами.

Классовое самосознание – есть понимание того, что индивидуальное благополучие достигается лишь общим благополучием всего класса за свободу, за улучшение жизни, за повышение доходов *всех* представителей собственного класса. Индивидуальная единоличная борьба человека за собственное, домашнее благо – есть поведение насекомого, не понимающего агрессивности окружающего мира. Любая диктатура стремится заставить людей добиваться собственного благополучия поодиночке. Растворившись в государственной машине, чиновник обретает индивидуальную силу. Гражданин обретает политическую силу в партии. Господствующая политическая власть старается подменить классовое самосознание абстрактным единством граждан в подданности государству: единство нации – как не противоречие интересов угнетателей и угнетенных.

Главный наш враг – это звонкие и пустые, деидеологические,

внеклассовые лозунги: народность-государственность-патриотизм и прочая бестелесная чертовщина. Кому нужны патриотизм церковников, государственность чиновников, народность буржуазии? У нас не должно быть ни единого лозунга без четкой классовой определенности, именно: государство *трудящихся*, патриотизм *рабочих*, народовластие *рабочих* комитетов, национальные интересы русского *рабочего* класса. Пускай кто угодно «перехватывает» лозунги державности, патриотизма и т. п.: народ начинает видеть, что без классового ядра они пусты, не имеют силы и безопасны для народных ненавистников; это – выпускание пара в гудок. Более того, классовое понимание рабочими своих интересов приводит к тому, что ни центристу, ни правому не удастся увлечь трудящихся *никакими своими* лозунгами.

Новое понимание трехклассового общества разом делает устаревшим и весь прежний «антикоммунизм», и всю критику марксизма. Марксизм верен себе: *отрицание* марксизма – есть *новый* марксизм. Пропаганда марксизма есть пропаганда классовой борьбы как антагонизма **трех** классов: *рабочих* – кого кормит собственный труд, собственные руки и голова, *капиталистов* – кого кормит собственность и наем рабочей силы, и *чиновничества* – кого кормят плоды государственной должности: взятки, связи, привилегии и власть.

Коммунистическая партия должна уметь ставить свои программные цели. Никому не интересна нарисованная прекрасная действительность. Задача не в фантазировании воплощенных идеалов и не в попытках возвращения идеализированного прошлого, а в необходимости исходить из живой реальности и ставить задачи, исполнимые в данную историческую эпоху, исходя из наличных материальных и духовных сил и классовых соотношений.

Наши доморощенные лидеры компартий и проводники их идей пытаются победить в классовой борьбе одними лишь святыми словами: социализм, патриотизм, державность, народовластие, полагая, что они сами по себе являются боевым оружием и достаточно-де их громче и чаще произносить. Обвинить министра или все государство, олигарха или всю буржуазию в непатриотизме – все равно, что назвать свинью свиньей. Зато лозунг – диктатура революционной рабочей партии – для

них как бомба. Если чиновники ежедневно и повсюду будут слышать от народа слова: «Я сегодня же вступаю в коммунистическую партию!» – вся правящая бюрократия потеряет сон. Эти отчаяния и угроза – для них ужас. Коммунистическая партия должна возбуждать и культивировать в народе не ропот, а ярость. Любая неклассовая критика власти есть фактическое признание ее легитимности. Никакой ругани, никакой «конструктивной критики» власти не достаточно, если она не подведена под теоретическую классовую базу. Можно бесконечно долго бесконечными примерами доказывать антинародный курс антинародного правительства, но силу они будут иметь лишь обобщенные классовый системой.

Политическая партия должна уметь сформулировать и сказать, кто – наш, а кто – не наш, и по какому принципиальному принципу проходит это разделение. Коммунисты, партия рабочих, говорят: наши – это *все наемные работники*, весь трудящийся народ, не наши – это правые, буржуазия (чья основа жизни – их капитал) и центристы, госбюрократия (чья основа жизни – их власть).

Так же и нашу историю мы делим на нашу и не нашу. Всю нашу историю мы, коммунисты, берем себе. Мы, русский народ, русский рабочий класс, принадлежим к великой русской истории и ясно видим, от какого наследства мы отказываемся.

То же, к слову, о наших и не наших политических праздниках. Праздники – это ключевые даты классовый борьбы, события побед и поражений. У каждого класса свои, взаимопротивоположные. Праздник одного класса есть трагедия для другого. Экстремумы функции совпадать не могут. У разных полюсов нет точек пересечения, кроме дня сотворения Мира и Дня конца. Днем примирения не может быть даже празднование нового года, *гарантирующего* сладкую жизнь коррупции и буржуазии, которые взамен дарят народу лишь *пожелания* таковой. Буржуазные праздники – февральская 1917 г. и августовская 1991 г. революции; буржуазия пускай празднует принятие гражданского, трудового и земельного кодексов. Бюрократия пускай празднует беловежские соглашения, реакцию 1993 г., дни рождения Черненко и Ельцина. День Октябрьского переворота 1917 г., положивший начало

социалистической революции, был праздником не только рабочих, но и советской номенклатуры, оправдывающей им свою власть. Для всех коммунистов Октябрьская революция – праздник, как первый успешный опыт власти трудящихся. Дни и даты побед рабочего класса над капиталом и властью являются для трудящихся праздниками, независимо от того, признает ли их существующее государство или нет. Какое государство – такие и «государственные» праздники.

Закрывая классовую историю биографиями исторических персонажей, эксплуататорские классы стремятся представить свою политику обезличенной. Товарищи, всякий раз, когда наше ухо слышит слова: государство, власть, администрация, – нам следует, во-1-х, сразу задавать вопрос: «в лице кого», т.е. того или иного министра, министерства или правительства, и, во-2-х, сразу же понимать здесь классовое содержание, добавляя к этому: «в противоположность бизнесу и трудящимся». Интересы буржуазии, предпринимательства, бизнеса тоже нельзя понимать обезличенно, а конкретизировать: в лице такой-то или таких-то финансовых групп.

Под политикой рабочего класса мы понимаем действия представительств организованных рабочих и создание таких представительств. Новый виток рабочего движения откроет новую страницу истории рабочего класса.

«Просто» политика или история «вообще» – есть пустая неопределенность. Необходимо рассматривать и различать политику и историю: а) рабочего класса (народа), б) буржуазии (торгового, промышленного и банковского капитала) и в) бюрократии (государства, его аппарата) и их взаимоотношения внутри себя и друг с другом. Капитал всегда эксплуатировал труд – об этом весь «Капитал» Маркса. История государства – есть история его преступлений. Государство *всегда* обманывало и угнетало народ, всегда под лозунгом его облагодетельствования. Народ всегда стремился к свободе, стремился выйти из установленных государством рамок. Это закон истории, не знающий исключений. Пускай кто попробует найти примеры обратного.

Народ всегда честнее государства, как и оппозиция вынуждена быть честнее и чище власти; оппозиция политически вынуждена быть

честной. Также народ, трудящиеся всегда честнее буржуазии, капитала и его идеологии. А капитал честнее политической власти и настолько же менее преступен. Капитал эксплуатирует только *труд* рабочего, государство же эксплуатирует и угнетает *саму жизнь* человека.

Наблюдая всевластие бюрократии или бессилие оппозиции, кажется, что вся последующая история рабочим классом проиграна. Это не так. Терпению народа со временем приходит предел. Абсолютно безвыходных ситуаций не бывает, как бы положение ни казалось безнадежным: покуда рабочий класс жив – выход есть. Пускай бюрократия как угодно своим законодательством укрепляет свою власть: как только народ не возжелает терпеть ее над собой – рухнет любая монархия или диктатура. Революция – есть осуществление власти народом непосредственно – поверх законов и процедурной волокиты. Конституция священна лишь для самой власти и то лишь в той части, в которой она защищает эту власть от притязаний народа. Как бы ни казалась устойчивой, вечной и легитимной власть, если она действует вопреки блага народа, она легко может и должна быть уничтожена. Нет в мире такой силы, которая бы твердо противостояла напору народа, стремящегося к своей свободе.

Применяя квантовую теорию к классовой борьбе, можно сказать: невозможно с точностью предсказать, когда, где, кем и как произойдет пролетарская революция, но истинно то, что она неминуема; эпоха ее близка. В соответствии с этим нужно строить свою политику.

Говоря о коммунистической революции, марксизм не гарантирует, что таковой все непременно окажется революция первая ближайшая. Как и погода, история причинна и, таким образом, познаваема и управляема. Коммунистическая революция – есть закономерный этап в развитии общества как стремление людей к труду и свободе.

Вопрос не в том, будет ли революция и как скоро. Вопрос в том, какая революция. Госвласть бы мечтала о какой-нибудь националистической, духовнической революции – без идеологии, без партии, неподготовленной, которую легко можно будет подавить, и которая обернулась бы бедствием для народа. Для дискредитации понятия

революции центристы революциями называют госперевороты и смены клика, которые в лучшем случае лишь рокируют персоналий, но никак не меняют господства правящего класса. В результате даже самой патриотической неклассовой революции вся самая непатриотическая бюрократия остается у власти.

Большевикам в 1921 г. стало ясно, что необходима принципиальная уступка, послабление всем классам, в результате чего был введен нэп. Сейчас господствующему чиновничьему классу необходимо осознать, что без введения новой политики – без серьезной уступки рабочему классу – неизбежен социальный взрыв. Рабочий класс должен предвидеть возможность такой уступки и быть готовым на радостях не принять ее за «социальное перерождение государства» и тем более за победу мирным путем социализма. На партии коммунистов лежит ответственность за взвешенную оценку политической обстановки против неуправляемой неподготовленной народной революции. Стоит напомнить властям слова столетней давности: «Если царь не пойдет на уступки, если вспыхнет восстание, недовольные будут последовательны – они перейдут к крайним требованиям...».

Наш герб – серп и молот, и не дай бог, чтобы девизом нашим стал топор и факел.

XX. Организация рабочих

Классовая борьба – это война, и революция – есть война. Война рабочих против капиталистов и государства – за социализм и коммунизм – справедливая и священная война. Силы рабочих разбросаны по всей стране. Задача коммунистической партии – **собрать АРМИЮ** пролетариата, проводить непрерывную мобилизацию. Поскольку классовое положение всех трудящихся – рабочих, крестьян, интеллигенции, военных, пенсионеров, студентов – одинаковое, именно: все они зависят от своего труда, и классовые интересы одинаковые, то и враги у них одни и те же – чиновники и капиталисты, а потому для победы бороться нужно сообща, единым союзом, как единый класс, и

братскому союзу чиновников, объединенных в госаппарат, защищенных законодательством, необходимо противопоставить могучий братский союз рабочих.

Бесправным рабочим остается либо ждать милости от капиталиста и чиновника, либо соединиться для общей защиты. У народа угнетаемого есть два пути в царство свободы: переселиться в нетронутые цивилизацией благодатные края и начать строить новую жизнь – вольную, анархистскую, без государства и капиталистов, или же у себя дома наводить социалистический революционный порядок. На социалистический путь можно встать только под руководством революционной рабочей партии, именно – коммунистической партии.

Что может обезопасить людей от произвола власти? - Только собственная сила и собственное могущество. Сила эта – политическая рабочая партия – коммунистическая, *революционная*. Никакой класс не идет на уступки, если никто таковые не требует. Требовать и завоевывать достойную жизнь рабочим способна только классовая рабочая партия. Когда мы, коммунисты, говорим о революционном движении, можем сломить государственно-полицейский гнет народа, мы говорим только о *рабочем* движении трудового народа. Ни национальное, ни религиозное, ни любое другое не могут быть впереди рабочего движения – главного и основного.

Каждый из острых общественных вопросов имеет пути разрешения: с точки зрения стабильности полицейского бюрократического государства, или интересов капитала, или интересов рабочего класса, народа и социалистической демократии. Коммунисты, партия рабочих, выступают с целостной программой: тяжелая индустрия, образование, земельный вопрос, крестьянский вопрос, экономия, энергетика, информационные технологии, медицина, пенсионное обеспечение, армия, Чечня и т. д. Государство способствует расточению национальных ресурсов. Какой выход может предложить национальная коммунистическая власть? - Интересы народа и трудящихся требуют единой программы, направленной на полное прекращение вывоза из страны сырой нефти, строительство в республиках Северного Кавказа нефтеперерабатывающих заводов, – разрешающих и проблему

безработицы, и межнациональные конфликты, – производящих высококачественный бензин и продукты переработки, которые и пойдут на экспорт по качественно большей цене.

О том, что «Россия уничтожается», есть общие слова. Часть России процветает, часть бедствует. Понять истинный смысл происходящего можно, лишь классово определив эти части. Не достаточно перечислить вопиющие факты беззакония, творимые госаппаратом – необходимо их марксистски, диалектически объяснить. Люди, нации вершили собственную историю вслепую и бессознательно, пока не были познаны двигательные силы исторического развития. Триалектический марксизм вооружает рабочий класс **пониманием законов истории**. Бесправие рабочего класса, бедность, угнетение и подавление народа марксизм объясняет причинами классовыми и прямо называет виновников. Классовые причины – категории земные, материальные, познаваемые.

Классовое неравенство может быть устранено только классовой борьбой. То, что невозможен компромисс между классовой борьбой и примирением классов на почве общих интересов, доказал Каутский Бернштейну 100 лет назад. Главным двигателем классовой борьбы трудящихся может быть только классовая партия трудящихся.

Есть ли сегодня такая партия – истинно марксистская, истинно революционная, истинно национальная – истинно защищающая национальные и классовые интересы нашего рабочего класса? Как только появится, оформится эта партия, – она в короткое время мобилизует $\frac{3}{4}$ населения страны в свои сторонники, прямо поставит классовые задачи, прямо укажет на врагов народа, будет способна победить на всех выборах, под любой конституцией, соберет Учредительное собрание, организует на местах Советы и в интересах $\frac{3}{4}$ граждан установит диктатуру трудящихся над сопротивляющимся классовым меньшинством, желающим сохранить нынешние порядки. Должно быть ясное понимание ключевого момента: *не партия рабочих*, на которую рабочие возлагают свои надежды, вершит историю. *Сами рабочие* не должны складывать свое оружие классовой борьбы до тех пор, пока не утвердится полностью такое общественное устройство, где

рабочий класс является правящим.

Когда по всей стране будут единые массовые рабочие организации по предприятиям, коммунисты должны выступить с лозунгом Учредительного собрания. Учредительное собрание должно быть собрано не властью, а исключительно рабочими организациями и гражданским обществом. Коммунисты выступают за выборы и выдвижение кандидатов по производственному принципу – по трудовым коллективам. Учредительное собрание должно стать *классовым* представительством народа: 15% – буржуазия, 15% – госвласть, 70% – трудящиеся. **Трехпартийная переходная система.**

Товарищи рабочие! Да здравствует Учредительное собрание!
Вся власть – Советам!

XXI. Коммунизм и социализм

Ключевая мысль Энгельса: благодаря двум великим открытиям – материалистическому пониманию истории и разоблачению тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости – социализм стал наукой. Материалистическое понимание истории у нас есть. Теперь сформулированный **закон государственной эксплуатации**, простой и ясный, **превратит коммунизм в науку**.

Чтобы вершить великие дела, нужно гореть энтузиазмом; а энтузиазм загорается лишь великой целью. К единой теории строения Вселенной – теории, красиво, просто и ясно связывающей процессы микро- и макро-мира – всю жизнь стремился Эйнштейн. Открытия этой теории физики ждут в нашем веке. В триалектической кунсткамере истории наблюдая за государством, **теория государственной эксплуатации** в ближайшее время должна быть сформулирована. Все необходимое теперь для этого есть. Мы уверены, у нас найдутся достойные философы.

Вся история человечества – есть история угнетения народа владельцами капитала и власти. Человек подчинил себе силы природы, расщепил атом, вышел в космос, – но это не принесло облегчения труда и богатства народу, как мечталось ранее. Продолжается средневековье: продолжается кабальный труд и кабальная жизнь народа. Ни результаты упорного труда, ни недра, ни все богатство цивилизации не принадлежат рабочим людям. Кто виноват? Частная собственность *и государство* – причины угнетения, бедности и бесправия трудящегося народа.

Коммунисты XXI века провозглашают лозунг: уничтожение частной собственности *и государства*. Мы не утописты и не дадим нашим недругам обвинить нас в примитивном анархизме и приписать нам лозунг требования уничтожения государства сразу и навсегда. Уничтожение эксплуатации труда частной собственностью и государством – есть не одномоментный революционный акт, а целая историческая эпоха – эпоха пролетарских революций: антикапиталистической (социалистической) и антигосударственной (коммунистической). Экономическая и политическая борьба – две составляющие классовой

борьбы всего класса трудящихся и коммунистической партии.

Социализм избавляет трудящийся народ от угнетения капиталом, коммунизм освобождает весь народ от угнетения государством.

Опасность состоит в возможном расколе марксистов на коммунистов и социалистов, исходя из ответа на вопрос: по государству или по капиталу наносить главный удар. Ответ дает история: в начале XX века большевики боролись за свержение самодержавия, чтобы после обрушить удар по капитализму – за социалистическую революцию.

После социалистической революции не обязательно сразу может строиться социализм. В некультурной стране («не созревшей» для социализма) после социалистической революции предполагается известный этап подготовки для строительства социализма – период накопления сил: материально-производственных и культурных. Социалистическая революция и начало строительства социализма по времени могут и не совпадать. Это несовпадение во времени двух ключевых событий эпохи коммунизма необходимо осознать. Но теоретически осмыслено и понято оно может быть только на историческом материале. Время соцстроительства в СССР – 30-е годы. Коммунисты не обещают соцстроительства на следующий день после победы. Этому должен предшествовать период «разрушения» государства как тормозящей силы (или «доразрушения», если прежнее государство разложилось) – революция коммунистическая. В каких формах будет это разрушение – в разумных или варварских – зависит, наверное, от общей культуры и от варварства прежних эксплуататоров. Государство трудящихся или диктатура пролетариата – это необходимое условие строительства социализма.

На возражение, что в истории уже было «государство трудящихся», мы говорим: не было. Была идея и была попытка. Но здесь же, сразу же стало раковой опухолью вместо прежнего самодержавия расти новое самодержавие бюрократии – такое же государственное и такое же антинародное и репрессивное. Победивший в 1917 г. рабочий класс *сам* дал власть в руки молодому чудовищу, называемому «государство»: в начале для борьбы с прежними помещиками и капиталистами. Но

чудовище окрепло и уже не захотело вновь растворяться в народе. Государство приобрело самостоятельную силу. *Советы* в Советском Союзе перестали быть рабочими Советами – представительствами трудящихся, стоящими *над* бюрократическим аппаратом, – превратились в придаток государственного аппарата, поэтому *Советский* Союз не мог не развалиться. Рабочий класс, взяв государственную власть, учитывая *первый советский* опыт, всегда должен помнить о стремлении бюрократии к перерождению и обрежневанию и должен принять все меры к жесткому контролю над собственными избранниками.

Рабочий класс в XX веке получил высшее коммунистическое образование, экзаменован фашизмом и сталинизмом и не допустит большинства прежних элементарных ошибок.

При империализме свободу конкуренции сменяет монополия, потому любой «государственный» строй стремится к тоталитаризму. История классовой борьбы всех веков выводит закон, работающий без исключений, – закон о всевозрастающем государственном беспределе и коррупции, но *до тех пор*, пока рабочий класс, народ готов терпеть и не наложит свою руку на ход истории. Государство – политическая власть, бюрократия – (как и капиталист) самостоятельно никогда не усмирят своих appetitов, но только под внешним силовым воздействием.

Также и рабочий класс, наученный марксизмом, никогда не усмирят своих стремлений вплоть до того времени, пока полностью не подчинит себе государство и капитал, пока не завоюет весь мир, пока не поднимется великое знамя свободы и всемирной республики труда. Знамение сему – торжество великого лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Каждый класс стремится к мировому господству – для утверждения своего положения, закрепления своих завоеваний и привилегий – сознавая или не осознавая того. И капитал, и империализм стремятся навечно закрепить себя в мировом масштабе: глобализация, фундаментализм, коммунизм. Рабочий класс точно также стремится к мировому господству – мировая республика труда. Но говорить об этом лозунге рано до тех пор, пока рабочий класс – каждый в своих странах – своей коммунистической партией не возьмет политическую власть. За

бесконечным разнообразием политических форм основное деление и основное противоречие всех обществ: КАПИТАЛ – ВЛАСТЬ – ТРУД – всегда неизменно. Исходя из конкретных условий коммунисты каждой страны должны определить и конкретные методы борьбы с единственной целью – победа ТРУДА. Совместная борьба коммунистических партий всего мира умножит наши силы.

Триумфом нового марксизма и проверкой его на прочность полагается социалистическая рабочая революция в США и Европе, а вслед и параллельно с ней – череда революций по всему миру. Марксизм XIX-XX века принес крушение колониализма на планете. Марксизм нового времени обещает не менее революционные перемены. Вот она – колесница мировой революции. А вы, господа, с радости уж и думать про нее забыли? Мы напомним. Мы не боимся ни Гитлера, ни Троцкого: вы – бойтесь их. Никакая тоталитарная власть не имеет власти против сил всемирного тяготения. До конца Света – свет социализма.

В XXI веке у рабочего класса не осталось никаких иллюзий насчет «народного государства» и национальной буржуазии. У рабочих единственная надежда – на себя, на создание самостоятельной рабочей революционной партии – русской, коммунистической, революционной. Только сам рабочий класс может сделать эту партию всепокрушающе сильной. Победив ей на политических и экономических фронтах, оставив в качественном меньшинстве и служителей власти, и служителей капитала, взяв в свои руки *все* управление государством, все управление производством, самостоятельно начнет строить свое, собственное, справедливое – по русскому понятию – светлое общество под лозунгом государства трудящихся – Великую державу – социалистическую империю.

Грядет новая эпоха. Сначала коммунизм, а дальше – социализм.

Примеру русского рабочего класса последуют рабочие всех национальностей, а далее и всех стран. И тогда вновь встанет новой силой великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Да здравствует коммунистическая революция!

Новейшая эра началась.

Содержание

А.

I. Марксизм

Ключевая цитата марксизма прошлого. – Должны ли мы сегодня отказываться от марксизма? – Легко заблудиться в трех соснах, если полагать, что их две. – Марксизм – есть научное выражение интересов рабочего класса. – Догматизация марксизма. – В чем сила марксизма сегодняшнего? – Прежний марксизм перестал быть живым. – Сегодня марксизм – реальное оружие. – Классовый стержень. – Символы силы и правды. – Труд и образование – вот будущее России. – История – есть борьба классовых сил. – История – есть борьба трех сил: труда, капитала и власти (государства). – Государство в рыночной экономике. – Государство – самостоятельный игрок на политической сцене. – Трехклассовость общества в XIX веке. – Говорить громко о классовых противоречиях. – Трехклассовое понимание общества классиками. – Предвестники будущего общества.

II. Новая диалектика. Третий полюс

Марксизм объясняет каждую историческую действительность. – Трехклассовая переоценка истории. – Труд, капитал, власть – есть три перпендикулярные друг другу силы. – Отрицание диалектики – есть новая диалектика. – Диалектика шире формальной логики. – Триалектика – дополнение диалектики теорией о самостоятельном третьем полюсе.

III-1. Определения классов

Правые – левые – центристы. – Определения буржуазии и пролетариата. – Рабочий класс – есть весь класс наемных работников, все трудящиеся. – Кто есть государство? – бюрократия. – Чиновничество – это не рабочие и не буржуазия, а третий класс: класс государство. – Кто такие работающие капиталисты и рабочие-акционеры. – Прибыльность труда и прибыльность капитала мелкой буржуазии. – Мелкая буржуазия (предприниматели) – полурабочие, полукapиталисты. – Не в идеологии, а в экономических интересах политическая поддержка партий. – Правые/левые/центристские партии защищают интересы собственников/трудящихся/бюрократии. – Каждый класс есть класс для себя. – Чиновник как фактический собственник государства – есть эксплуататор и капиталист. – Государственная эксплуатация. – Класс определяется через свою противоположность. – Общественная привилегия присваивать чужой труд.

IV-2. «Средний класс» и интеллигенция. Единый рабочих и крестьян

Так называемый «средний класс» – не есть класс. – Разные перспективы представителей трех разных классов. – Рабочему классу закрыт путь в «средний класс». – Государство трудящихся – власть рабочего класса – в интересах трудящихся. – Интеллигенция – не есть класс. – Неклассовые партии – партии не политические. – Невозможно быть вне политики.

– Интеллигенция не антагонистична другим классам общества. – Классовый антагонизм – есть различные отношения классов к собственности, власти и труду. – Союз рабочего класса и крестьянства – есть главный итог социальной истории минувшей эпохи. – Предостережение против раскола этого союза.

Б.

V-1. Государство – самостоятельный класс, третий полюс классовой борьбы

Определения из словаря Ожегова. – Государство стремится представить собственные интересы как интересы всего народа. – Чиновник беспокоится о благе учителя ровно настолько, как учитель беспокоится о благе чиновника. – Сытой жизнь бюрократии может быть только за счет народа. – Рабочий класс создает все материальные блага, потому наш лозунг – государство трудящихся. – Государство – есть бюрократия как самостоятельный класс. – Бюрократия отрицает себя как самостоятельную категорию. – Бюрократия называет себя центристами. – Все «политические разногласия» есть сознательное запутывание людей. – Каждый человек решает сам, цели какого класса ему ближе. – Государство – есть центральная власть, администрация, аппарат. – Эксплуататорские классы маскируются интересами всего народа. – Коммунисты борются только за требования рабочего класса. – Буржуазия и капиталисты маскируются под народ. – Нет и не может быть общих единых интересов для всех классов. – Коммунисты отождествляют интересы нации лишь с интересами людей труда. – Мы – рабочий класс и выступаем самостоятельно как класс. – Партии с универсальными названиями.

VI-2. Три класса: противоположность интересов

Политика – это борьба классов. – Пустота внеклассовых партий. – Рабочий класс стремится быть и хозяином, и собственником, и рабочим на своей земле. – Партия – это всегда стремление к власти. – Власти не бывает «вообще», она всегда над кем-то. – Организованные рабочие устанавливают диктатуру своего закона. – Содружество трех классов невозможно. – Партия «центристов» означает партию бюрократии. – Социальная политика – обуза для государства, которую оно стремится сбросить. – Обещания об «улучшении жизни народа» есть обман большинства меньшинством. – Буржуазия эксплуатирует народ посредством своей собственности, бюрократия – государством. – Эксплуатирующийся общество класс разделен на два лагеря: буржуазию и бюрократию. – Правые и левые – понятия не идеологические, а классовые. – Центристы – это приспешники государства. – Центристская идеология – тоталитаризм или отсутствие идеологии. – Прежний марксизм годен для двуполярных систем. – Государство пытается убедить общество в своей ключевой миссии. – Коммунисты стремятся сделать мерилом всех общественных ценностей труд. – Государство возникает вместе с возникновением классов посреди их борьбы, а далее становится самостоятельной силой. – Кому голосовать за правых, кому – за центристов. – Власть политическая сильнее власти экономической. – Чиновниче-

ство и есть государство. – Причина угнетения в том, что человек труда не имеет своего государства. – Процесс превращения человека в чиновника. – Получивший госдолжность пролетарий превращается в предателя. – Прежде нанятый надзиратель претендует на самостоятельность. – Чиновник использует общественный инструмент в личных целях. – Коррупция – это потенциальная возможность всего класса бюрократии возмездно использовать госдолжность. – Мелкий чиновник – есть глаза государства. – Неоднородность во всех трех классах. – Непонимание своего классового положения обходится дорого. – Победившие совбюрократию капиталисты добровольно отдали бюрократии политическую власть. – Сила экономическая защищается политической силой собственного класса. – Капиталисты становятся марксистами.

VII-1. Великая Россия

Чья Великая Россия? – На пути народа к своей свободе стоит государство. – Русский народ верует в святость правды над правом. – Воля народа – воля рабочего класса. – Никакого «левого центра», никакой «социал-демократии». – надежда у нас только на нас самих. – Государство – это чиновник. – Любое государство есть враг. – О роли государства в экономике. – Разные классы противоположно видят Россию великой. – Мы спрашиваем: какому классу принадлежит Россия? – Есть Россия олигархическая, есть крестьянская. – Государство – это политически оформленный класс бюрократии. – Государства сменяемы. – Революция – есть смена форму всего общественного устройства. – «Социалистическая Европа». – Любая социальная реформа, любое послабление народу в любое время отнимаема. – Рабочий класс расколот, разобщен, неорганизован, потому и угнетаем. – Кто отрицает классовую борьбу? – Центристы отрицают классовую борьбу, свою классовую самостоятельность и именуют государством все общество. – Противоположности диалектики и триалектики. – Третий полюс – самостоятельный, обладающий свойствами двух других. – Политика – есть стремление одного подчинить себе другого, тактически призывая себе в союзники третьего. – Вера – главный пособник преступлений государства; народ угнетаем с верой в благородство своих угнетателей.

VIII-2. Триалектика классово́й борьбы

Триалектика разрешает диалектические противоречия. – Триалектические антагонизмы прячутся под видимые диалектические. – Не смешивать под единой вывеской два направления борьбы. – Смена личностей в классах не меняет их сути. – Политическая борьба между эксплуататорскими классами – есть борьба за гегемонию. – Диалектическое (двойное) отношение к национализации. – В России господствует не капитализм. – Экспропрированную у буржуазии собственность бюрократия берет себе. – Стремление бюрократического государства – превратиться в тоталитаризм. – Историю делают классы. – Коммунисты выступают за смену правящего класса. – Одухотворенный нравственностью хищник никогда не станет травоядным. – Государственная эксплуатация не перевоспитывается, а прямо уничтожается. – «Левое/право-центризм» означает обещания левым (правым) при сохранении власти бюрократии. – Идеология и политика – есть классовые пути решения общественных вопросов. – Государство, бюрократия и коррупция никогда не уничтожат сами себя. – Государству не нужна Россия, если она будет принадлежать не им. – Все блага цивилизации созданы трудом. – Марксисты, коммунисты стремятся к максимальной классовой ясности.

– Коммунистическая идеология предельно ясна: борьба трудящихся за свои права. – Цель нашей борьбы – социализм, т.е. государство трудящихся. – Бюрократия – это не буржуазия; государство и капитал также враждебны народу, как и между собой. – Национальная буржуазия так же враждебна народу, как и национальная бюрократия. – Бюрократия, государство самоуверенно полагают, что им всегда удастся безнаказанно обманывать народ. – Русский рабочий класс, желая быть божественно освященным, сам должен стать властью.

IX-1. Не наше государство

Вопрос о государстве – наиболее сложный вопрос во всей общественной науке. – Предвзвешенное мнение о государстве как синониме страны и державы. – Государственники – всегда антинародники. – Государство – это эксплуатирующая рабочий класс часть народа. – Выступать за государство – значит поддерживать существующую власть. – Выступать за сильное государство рабочие должны только после того, когда у нас в стране государство станет нашим. – Узурпировав политическую власть, государство называет себя державой. – Россия оккупирована чуждым народу государством. – Власть – это привилегия говорить от имени народа. – Сегодня государство в стране не наше. – Мы – не государство, мы – страна, мы – народ; государство – это они. – Главный враг – не капитализм, а государство. – Мы не патриоты этого государства. – Вчерашние анти-государственники, получившие госвласть, стали государственниками. – О патриотах чуждого патриотизма. – Улучшение как полное уничтожение. – Государство не исключительная монополия и не вечная монополия бюрократии. – Марксизм наполняет классовым содержанием понятие народовластие. – Гражданская позиция – есть стремление к классовой борьбе за государственность собственного класса. – Революция в сознании – это долгий процесс. – Без диалектики формальная логика ведет в тупик. – Общество может и должно быть организовано на основе человеческого разума. – Коммунисты государственники в том смысле, что наше стремление – государство трудящихся. – Государство – всегда несвобода. – Коммунистический патриотизм сегодня – ненависть к существующему государству и его патриотизму. – На фоне патриотизма чиновники рекламируют себя. – Патриотизм одних есть антипатриотизм других. – Строго говоря, государственники – кто в данный момент у руля госвласти. – Главный вопрос – государство какого класса и кто есть государство. – Государство для трудящихся может быть построено лишь самими трудящимися, имеющими политическую власть. – Россия как государство всегда классово определена. – Слова-пустышки имеют право на существование только с обозначением классовой принадлежности. – Антибуржуазные лозунги бюрократии. – Диалектика в отношении к символам государственной власти. – Власть старается не употреблять терминов «трудящиеся» и «рабочий класс». – В эксплуататорском обществе всякий капитал всегда служит угнетению рабочих. – Понятия Родина и государство не тождественны. – Оценка политика. – Заинтересованности классов в экономике. – Ни один чиновник не поменяет антинародную власть. – Открытость и закрытость общества. – Врагом является любой, проповедующий классовый мир.

X-2. Государственная диктатура бюрократии

Рабочие не имеют отечества. – Что есть отечество? – Ошибка при житейском смешивании понятий государства и страна. – «Сильное государство» – это неподконтроль-

ная народу бюрократия. – Только идиот может желать кнута над собой. – Патриотизм понимается только как приверженность настоящему. – Государственная идея в один момент станет прогрессивной. – Нашим государственный патриотизм станет тогда, когда рабочий класс сам станет государством. – О любви к «своему государству». – Оглушение народа как самозащита эксплуататорских классов. – Национально-освободительная борьба выстраивается не национальной, а классовой пропагандой. – Ответ на агрессию нашей страны государством. – Страна – это территория, контролируемая государством. – Государство: священное или административно-чиновничье? – Об объединении России и Белоруссии. – Завоевание советской формы правления – есть шаг к социалистической империи. – Об опасности ошибочных лозунгов. – Источники заблуждений. – Не может быть общей родины у всех классов. – Патриотизм определяется не нравственными критериями. – Классовый конфликт сознательно маскируется. – Диктатура государства над народом и диктатура народа над государством. – Кто реальный источник права? – Государство оправдывает бесправие народа существующим законодательством. – Есть более высокое право – право рабочего класса на свою власть. – Социалистическое государство – это ужас для бюрократии. – Революционный закон карает государство за узурпацию власти. – Для власти бюрократии страшна только идеология коммунизма. – Мы против стихийности революции. – Госвласти не страшна никакая неклассовая оппозиционная идеология. – Идея диктатуры пролетариата – это оружие рабочих. – О революции и революционности.

XI-1. Бюрократия – эксплуататорский правящий класс

Весь класс чиновничества несет солидарную ответственность за все преступления государства. – О честных чиновниках. – Марксизм провозглашает презумпцию виновности государства. – Чиновник всегда враг. – Выборы всегда ведутся по правилам, диктуемым государственной властью. – Государственный беспредел как система власти. – Беспорядок в стране – есть преступление государства. – Коррупция есть система. – Бюрократия преступна как класс-вампир. – Борьба рабочего класса за право распоряжения собственным достоянием. – Диктатура пролетариата. – Первой задачей бюрократии является собственное благополучие и воспроизведение собственной власти. – Никакими личными достоинствами чиновника не подчеркивается его эксплуататорская антинародная коррупционная суть. – Борьба с коррупцией. – Политическая власть имеет возможность единолично устанавливать правила жизни общества. – Классовая оценка есть лакмусовая бумажка для оценки политических интересов. – Источник эксплуатации бюрократии и буржуазии в эксплуатации народа. – Государство – это легальная и нелегальная коррупция. – Источник существования бюрократии может быть только за счет обложения данью народа и бизнеса. – Политический анализ всех шагов государства – это подробное рассмотрение выгод и потерь каждого из трех классов. – О выгодах классов. – Программа коммунистов направлена на повышение доходов трудящихся за счет прибылей бюрократии и буржуазии. – Центристский тезис об улучшении жизни народа. – Любой эксплуататорский класс может существовать только за счет других классов. – Власть всегда враждебна народу, т.к. подчиняет его себе. – Задачи коммунистов.

XII-2. Капитал и государство – два эксплуататорских класса

Государство стремится политически привязать себя к экономике, буржуазия стремится

экономически привязать себя к политике. – Стремление коммунистов превратить бюрократию в пролетариат. – Капитал и государство – два эксплуататорских класса. – Пропаганда классов за собственные интересы. – Любые явления общественной жизни определяются и объясняются причинами классовыми. – Третий полюс. – Главный интерес народа прямо совпадает с интересами труда. – Интересы государства и народа всегда противоположны, но нельзя все антинародное именовать буржуазным. – Присвоение прибавочной стоимости классами. – Насколько капитал внационален, настолько же государство враждебно и капиталу, и народу. – Материальные силы нельзя подменять духовными категориями. – Человек труда – цель, капитал и государство – средство. – Нужность классов друг для друга. – Главный вопрос – об угнетении и эксплуатации рабочего класса государством. – Все политические слова без классовой оценки пусты. – «Национальные интересы России» забываются в ту секунду, когда вступают в противоречия с классовыми интересами. – Опустошение страны и издевательства над народом – это суть государства. – Главное зло – это государство. – Необходимо устранить условия, позволяющие твориться произволу. – Государство распределяет налоги по собственному усмотрению. – Единственный способ изменить материальные условия общественного существования – марксистский. – Любое государство, любое правительство, любой президент – есть государство, правительство и президент не всего народа, а лишь правящего класса. – Интересы страны и государства не едины. – Социальной политикой власть за бюджетные деньги оплачивает собственную рекламу. – Власть никогда ничего не делает бескорыстно, как и ни один класс ничего не делает бескорыстно для общества, а только с выгодой для себя. – Мы не должны ждать милости от государства. – Чиновники как трудящиеся и чиновники как бюрократия. – Возвышение государства над обществом. – Черные и белые доходы эксплуататорских классов. – Выгода государства всегда выгодна коррупции. – Центристская политика – самый выгодный бизнес. – Война бюрократии и капиталистов. – Политика государства – есть наступление на права других классов. – Пенсионная реформа. – В ответе – все государство. – Измена родине и измена государству. – Что такое революционная законность? – Политическая свобода – есть свобода вести классовую борьбу. – Коммунизм – есть идеология классовой борьбы. – Сегодня главный враг России и народа – российское государство. – Без победы над государством не может быть победы над капиталом. – Война между государством и бизнесом. – Блокироваться с любыми кровопийцами. – Пролетарская демократия и гражданское общество. – Разделение властей. – Государственный закон охраняет в первую очередь государство. – Конкуренция формальных свобод. – Борьба за права.

XIII. Классовая борьба

Сила марксизма. – «Укрепление государственности» государства может происходить только за счет ослабления народа и силы капитала. – Каждый класс стремится исключить другие классы из политики и утвердить себя. – Социализм – есть результат борьбы рабочего класса за свои права, победа в классовой борьбе. – Воспитание террором. – Сила класса – это единое слово от имени всего класса. – Выгода от принадлежности к партии. – Сплоченная рабочая революционная партия не складывается, а перемножает силы партийцев. – Никакие формы организации населения не могут быть эффективными, кроме коммунистической партии трудящихся. – Наше победное оружие – просвещение, организация, прогресс. –

Выстраивание государства трудящихся. – Контроль рабочих (партии рабочих) над производством, контроль над административной властью - это революционное требование социализма. – Революция – есть уничтожение старого при рождении нового. – Итоги побед классов на выборах. – О победе коммунистов на выборах. – О взаимном блокировании классов. – Действительность и модели. – Марксизм – политика реальности. – Советская власть – есть власть Советов. – Классовое представительство во власти. – Еще раз о рабочих. – Опыт революций и истории. – Оружие рабочего класса – образование. – Отныне и государстве не обладает монополией на власть. – Об «управлении государством чернорабочими». – Классовое понятие справедливости. – Вульгарная формулировка триалектического марксизма. – Исторические вопросы в повестке дня. – Стремление класса трудящихся к политической власти. – Рабочие революционно выступают за то, чтобы самим проводить реформы. – Революции и дворцовые перевороты. – Знание – сила и оружие. – Государство – это сила и обман. – Марксизм – есть механизм устранения препятствий на пути к свободе и прогрессу. – Цивилизация – есть связь воедино времен. – Государственная ответственность. – Никаких «профессиональных» государственников. – «Исчезает» ли государство и бюрократия после коммунистической революции? – Мы не призываем к «отмене» государства. – Лозунг кровавой мясорубки. – О растворении государства. – Эволюционный процесс включает в себя революционное «подталкивание». – Рабочая демократия. – Мы не верим никаким обещаниям и лозунгам, если рядом нет слов: классовая борьба, борьба рабочих, интересы трудящихся. – Сегодняшние народные страдания выльются в завтрашнюю жестокость.

В.

XIV. Национальный вопрос и национальная идея

Государство, правители, церковь у нас в России всегда были нам чужими. – Мы ненавидим свою родину под оккупантами. – Что такое национальная идея? – Национальная идея трех различных классов. – За первое право коммунисты признают право интернациональной солидарности трудящихся. – Национальные интересы есть частный случай интересов политических. – Национализм – оружие только победившего класса. – О шовинизме. – Явления бытовые и явления классовой действительности. – Противоречия национальные и классовые. – Классовое объяснение – есть ключ к разрешению противоречий. – Три политики в национальном вопросе. – Государственный шовинизм. – Сначала победа в классовой войне, потом русский национализм. – Цитата Сталина о национальном вопросе. – Разрешением классового вопроса разрешается и вопрос национальный. Никак не наоборот. – Сила идеологического оружия в предельной ясности. – Как пощупать «духовность»? – Марксизмом не отрицается нацвопрос, но впереди него ставится классовый, рабочий вопрос. – Единое международное рабочее движение – есть коммунистический Интернационал. – О разрешении национального вопроса без вопроса классового. – Лозунги борьбы против евреев. – Национальная идея России – понятие, определяемое исторически. – О постановке русского вопроса. – Классовая борьба – во-первых, национальный вопрос – во-вторых. – Двигатели мирового социализма. – Коммунизм. – Перспективы победы рабочего класса.

XV. Культура, патриотизм, мораль

Об «общечеловеческих» ценностях. – На что расходуются народный капитал. – Ненависть народа к своей несвободе марксизм превращает научной организацией классовой борьбы в коммунизм. – Свобода классов. – Социализм – есть представление о справедливости трудящегося народа. – Абстрактная мораль. – Процветание Москвы и разорение и опустошение всей страны. – Рационализм в идеологии и политике. – Мораль классовая. – О духовности. – Марксистская программа рабочей партии. – Патриотизм – категория не политическая. – Свобода – есть результат борьбы, а не результат смирения. – Политическая надежда народа на церковь бессмысленна и наивна. – Церковь всегда стоит на страже интересов правящего класса. – Триалектика: для понимания явления нужно найти третий полюс. – Церковь и казенщина. – Невежественная культура бюрократии как завоевателя.

XVI. Диалектическая оценка истории

Не-коммунизм назывался коммунизмом. – Коммунисты – наследники российского свободомыслия. – Герои нашей страны и государства. – За прошедшие 15 лет классы остались на своих местах. – Власть сменила форму. – Преступления Сталина остались. – Репрессивная машина государства не была разрушена. – Государство и коммунисты: прежние и нынешние. – Люди в классах меняются, но классы остаются. – Преступления прежней и новой государственной власти. – Ничтожество «духовного» объяснения политики и истории. – Народ разговаривает с царями только языком бунтов и революций. – История – это столкновения интересов трех классов и результаты этих столкновений. – Видеть за словами экономический интерес. – Политика маскирования исторической личностью. – Диалектика как взаимная противоречивость граней. – Диалектическая (дуалистическая) оценка Сталина и Ленина. – Диалектическая оценка нашей истории. – Разоблачение преступности государства. – Водораздел по линии: государство – народ.

XVII. Советская история и фашизм

Прежний диалектический марксизм не годится для объяснения многих реалий новейшей истории. – Идеология государства есть пропаганда. – Кроме классовых, нет прочих общественных противоречий как самостоятельных. – Пропорции раздела общественного блага. – О господствующих идеологиях. – Советская двуклассовость общества. – Смешивание класса капиталистов и класса бюрократии. – Трехклассовость и двуклассовость. – Общественная советская собственность. – Трехклассово пересмотреть и переоценить всю предшествующую историю. – Двухполюсное манифестное мировоззрение не может увидеть силы государства как самостоятельного класса. – Сталинизм и гитлеризм. – Мир не черно-белый и не радужный, а черно-бело-серый. – Не-фашизм, называемый фашизмом. – Действительный фашизм – это неподконтрольная обществу государственная власть. – Фашизм требует изучения. – Сталинизм и гитлеризм – есть результат победы класса государства в классовом столкновении капитализма и рабочего движения. – Фашизм есть порождение радикального капитализма. – Государство – это политическая сила, которую создает господствующий класс для противодействия противоположному классу. – Победивший класс должен принимать меры для контроля класса над собственным

государством. – Лозунг Ленина о поражении «своего» правительства. – Февраль 1917 г. и Октябрь 1917 г. – Август 1991 г. и октябрь 1993 г. – Приход бюрократии к власти. – Буржуазная революция и бюрократическая революция. – Превращение бюрократии в полицейское государство. – Возможность поддержки буржуазной оппозиции.

XVIII. Национализация

Национализация – есть превращение частной собственности в государственную. – Национализация не делает собственность общенациональной и народной. – Национализация капиталистической собственности – есть лозунг социалистической революции. – Государство не наше, как и вся государственная собственность тоже не наша. – Национализация, т.е. передача в государственную собственность – означает лишь смену эксплуататорского собственника. – Необходимо национализировать само государство. – Лозунг коммунистической революции. – Понятие «частной собственности». – Ничтожность выгоды народа от национализации. – Государство желает национализации в свою пользу. – Социальная сфера для государства – обуза, которую оно мечтает сбросить. – Коррупция – это присутствие государства в рыночной экономике. – Сказки о народной национализации. – Государственная собственность эксплуататорского государства есть эксплуататорская собственность. – Государство не дает народу сверх минимума. – Более важные «государственные» дела. – Величие империи покупается бедностью народа. – Должны ли мы заботиться о приумножении средств в чужих руках? – Народ получает ровно столько, сколько стоит его сила. – Либеральный обман оказался возможен благодаря классовой дезорганизации народа. – Оружие власти – угрозы и обещания. – Государство – всегда обман. – Очередные обещания власти. – Первая задача – организация рабочих по предприятиям, по трудовым коллективам. – Стабильность, ратуемая государством – это всегда затишье в классовой борьбе. – Об «общей» родине и «угрозе» гражданской войны. – Вера в будущую свою державу. – Время социалистического безвластия. – Любые «исчезновения» денег – всегда лишь видимость. – Неэффективность госмеханизма. – Задача – сохранение остатков тяжелой промышленности. – Пустые рассуждения. – Необходима организация партии – не идеологической, а политической. – Все лозунги и вся идеология должны быть выброшены на помойку, если в них нет основного стержня: власть класса трудящихся. – За двоевластие. – Самый первый вопрос – много до того, как мы произнесем само слово «государство» – должен быть: интересы трудящихся. – Последовательная и параллельная замена существующей госвласти представительством самих трудящихся. – Цели коммунистов не зависят от тактических путей их разрешения. – О роли личности в истории. – Дело не в форме правления класса, а в том, какой класс является правящим. – За правительство трудового народа; за диктатуру закона, установленного силой рабочего класса. – Требования народа может реализовать только политическая власть рабочего класса. – Говоря о народе, для коммунистов имеет самоценность лишь трудящееся большинство народа. – Государство – всегда есть государство класса. – Дialeктика отношения к государственной собственности. – До завоевания государства трудящихся следует забыть о национализации. – Государство трудящихся – есть цель коммунистической революции. – Задача коммунистов – организация силы собственного класса.

XIX. Пропаганда

Новое осознание не двух-, а трех-полярного противостояния. – О прежней коммунистической пропаганде. – Учиться коммунизму. – Предательство социалов простыми коммунистами. – Об отсечении прежней формы агитации. – Пропаганда убедительна диалектической и классовой ясностью. – Жестокость к своим недостаткам. – О нынешних ячейках всех компартий. – О слишком далеком «видении будущего». – Беспомощность лево-«патриотических» программ. – О безвекторной идеологии. – О двуклассовой коммунистической пропаганде. – Сказать ясно о «левых». – Обновление агитации. – О конкретных классовых интересах. – Конечная цель пропаганды – осознание рабочих себя как класса. – Кому выгодна нищета? – Гражданин обретает политическую силу в партии. – Ни единого лозунга без четкой классовой определенности. – Пропаганда марксизма есть пропаганда классовой борьбы как антагонизма трех классов. – Уметь ставить свои программные цели. – Любая немарксистская критика власти есть фактическое признание ее легитимности. – Кто – наши, а кто – не наши. – О политических праздниках. – О персонализации государства и власти. – Триалектика истории: история трех классов. – Революция – есть осуществление власти народом непосредственно. – История причинна, познаваема и управляема. – О деидеологических революциях. – Об уступке рабочему классу.

XX. Организация рабочих

Задача коммунистической партии – собрать армию пролетариата. – Два пути в царство свободы. – О рабочем движении трудового народа. – Три классовые пути разрешения противоречий. – Триалектический марксизм вооружает рабочий класс пониманием законов истории. – Есть ли сегодня классовая партия трудящихся? – О лозунге Учредительного собрания.

XXI. Коммунизм и социализм

– Закон государственной эксплуатации. – Продолжается средневековье. – Лозунг: уничтожение частной собственности и государства. – Социализм избавляет трудящийся народ от угнетения капиталом, коммунизм освобождает весь народ от угнетения государством. – Социалистическая революция и начало строительства социализма по времени могут не совпадать. – Рабочий класс в XX веке получил высшее коммунистическое образование. – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – Мировая республика труда. – Победа труда. – Колесница мировой революции. – Грядет новая эпоха.

Оглавление

А.	
I. Марксизм.....	3
II. Новая диалектика. Третий полюс.....	9
III-1. Определения классов.....	11
IV-2. «Средний класс» и интеллигенция. Единый класс рабочих и крестьян.....	17
Б.	
V-1. Государство – самостоятельный класс, третий полюс классовой борьбы.....	21
VI-2. Три класса: противоположность интересов.....	27
VII-1. Великая Россия.....	38
VIII-2. Триалектика классовой борьбы.....	45
IX-1. Не наше государство.....	52
X-2. Государственная диктатура бюрократии.....	64
XI-1. Бюрократия – эксплуататорский правящий класс.....	79
XII-2. Капитал и государство – два эксплуататорских класса.....	89
XIII. Классовая борьба.....	106
В.	
XIV. Национальный вопрос и национальная идея.....	126
XV. Культура, патриотизм, мораль.....	136
XVI. Диалектическая оценка истории.....	144
XVII. Советская история и фашизм.....	152
XVIII. Национализация.....	165
XIX. Пропаганда.....	178
XX. Организация рабочих.....	189
XXI. Коммунизм и социализм.....	193